Лесса Грим
Бессмертие
мистера Голдмена

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Иззи Голдмен совершил жестокое убийство, был признан виновным и в наказание отправился отбывать семь пожизненных заключений. Это не аллегория — он выплатит свой долг обществу сполна… сдачи не надо. Человечество ненавидит Иззи Голдмена… Человечество презирает Иззи Голдмена… Человечество очень обязано Иззи Голдмену. Преступник, заключенный, подопытная крыса. Большой брат не только следит за ним, но и наставляет на пусть истинный, чтобы тот подобно Гаммельнскому флейтисту повел новое преображенное человечество в светлое будущее без агрессии, без воин, без права выбора.

•

Annotation

Иззи Голдмен совершил жестокое убийство, был признан виновным и в наказание отправился отбывать семь пожизненных заключений. Это не аллегория — он выплатит свой долг обществу сполна… сдачи не надо. Человечество ненавидит Иззи Голдмена… Человечество презирает Иззи Голдмена… Человечество очень обязано Иззи Голдмену. Преступник, заключенный, подопытная крыса. Большой брат не только следит за ним, но и наставляет на пусть истинный, чтобы тот подобно Гаммельнскому флейтисту повел новое преображенное человечество в светлое будущее без агрессии, без воин, без права выбора. Благодаря роману Алекса Гримма, вошедшему в лонглист международной литературной премии «Дебют», фантастика уже никогда не будет просто историей с альтернативным будущим, но станет социальным пособием по морали нового тысячелетия. Посмотрите на мир глазами человека, которому не суждено познать красоты и совершенства этого мира, последнего, кто еще способен его оценить. Евгения Кусто

За девять часов до этих событий.

Бессмертие мистера Голдмена
Алекс Гримм
proza.ru © copyright: Алекс Гримм, 2012
Свидетельство о публикации №21209070741
Редактор: Евгения Кусто
Художник: Ли Юлия
Светлой памяти Пискунова Бориса Анатольевича посвящается.

Мы можем спать - и мучиться во сне,
Мы можем встать - и пустяком терзаться,
Мы можем тосковать наедине,
Махнуть на все рукою, развлекаться, -
Всего проходит краткая пора,
И все возьмет таинственная чаща;
Сегодня не похоже на вчера,
И лишь Изменчивость непреходяща.

Мэри Шелли - «Франкенштейн, или Современный Прометей» (перевод К.Чемены)

When you cried I'd wipe away all of your tears,
When you'd scream I'd fight away all of your fears,
And I've held your hand through all of these years,
But you still have all of me.

Evanescence - «My immortal»

«Это Рождество Нью-Йорк запомнит навсегда. Семья Уиллисов готовилась встретить праздник, так как это и делают все счастливые семьи. Но этот сочельник обернулся для них трагедией. Семеро человек, среди которых были супруги Уиллис и их дети были найдены мертвыми в своем доме на окраине Нью-Йорка. Их обнаружил наемный актер Генри Томас, которого Уиллисы наняли исполнить роль Санты для своих детей.

Детали расследования пока не разглашаются, но Томас сообщил, что тела изувечены. Скорее всего, перед смертью Уиллисов пытали. На данный момент это все известные подробности.»

Стелла Куин , The New York news

«Следователь по особо опасным преступлениям, капитан полиции Аманда Терк сообщает, что преступник, причастный к убийству семьи Уиллисов был задержан в результате оперативно-розыскных мероприятий.

Спустя всего сутки после случившегося, предполагаемый убийца сам явился в полицейский участок и заявил о том, что он расправился с семьей Уиллисов. Пока что Капитан Терк не сообщает имя предполагаемого преступника.»

Сэмюэль Мур, The Journal

«Почтальон Иззи Голдмен, жестоко убивший семью Уиллисов сегодня дал последние показания по делу. Как пояснил сам Голдмен, причиной его преступления послужили многолетние унижения со стороны главы семейства Майкла Уиллиса.

- Майкл был жестоким человеком. Ему нравилось унижать людей. Ему это всегда нравилось, даже когда мы были в приюте, - сказал на допросе Голдмен.

То, что именно Иззи Голдмен жестоко расправился с семейством Уиллисов на сегодняшний день уже не вызывает никаких сомнений.»

Александр Софт , The weekly magazine

«Иззи Голдмен осужден на семь пожизненных заключений. Комиссия признала Голдмена вменяемым. В момент совершения преступления он методично избивал членов семьи Уиллис.

Вечером 24 декабря Голдмен принес в дом Уиллисов посылку, предназначавшуюся главе семейства. Майкл Уиллис принялся унижать Голдмена, пока тот не споет Рождественский

гимн. Напомним, что Иззи Голдмен принадлежит к другой конфессии, потому не стал исполнять требования Уиллиса. Вместо этого он ворвался в дом и с помощью настольной лампы сломал ногу Уиллису. Затем он заставил Уиллиса петь Рождественские гимны, чего последний выполнить не смог. Голдмен пригрозил, что будет мучить семейство Уиллисов так же как сам Майкл некогда мучил его, до тех пор, пока он не услышит исполнения гимна.

Два дня спустя Иззи Голдмен сам пришел в полицейский участок и сдался, сказав, что с нетерпением ожидает смертной казни. Однако сегодня, суд штата Нью-Йорк вынес приговор о семи пожизненных заключениях в недавно открытом тюремном комплексе Греттенсхейм для особо опасных преступников.

Иззи Голдмен станет первым внеутробно-клонированным представителем гомо сапиенс, так сегодня сообщили ученые-генетики из комиссии по подбору.

Голдмен будет отбывать все семь своих пожизненных заключений. Так же на нем будут проводиться эксперименты по выращиванию генетически-измененных человеческих особей.»

Юджиния Кустоа, The City

«Сенсация: Голдмен принес пользу. Очередной удачный опыт профессора Киры Бронтэ доказывает, что моделирование процесса кроссинговера способно предупредить такие заболевания как рак и болезнь Альцгеймера. Это уже семнадцатый положительный результат, полученный в Экспериментальной группе «Гретта».»

Кеннет Льюис, The science

* * *

Высокий стройный мужчина лежал на койке и, хотя его лицо было изнуренным, он не спал и даже не отдыхал. Он просто вытянулся во все свои шесть футов и три дюйма и молча наблюдал за стеклянным глазом камеры наблюдения, елозящей из стороны в сторону. Кто-то, скорее всего это был Роберт Льюис, внимательно следил за ним. Да, наверняка это был Роберт, или попросту Боб.

Самому Роберту, конечно же, не нравилось, чтобы его «подопечные» обращались к нему так панибратски. Никогда прежде он не терпел такого и не позволял, чтобы кто-то из наблюдаемых приближался слишком близко к нему. Но это был

другой, особенный случай, и оба знали об этом слишком хорошо, чтобы церемониться.

Мужчина лежал и смотрел, как на мгновение линза объектива уставилась на него в упор, прямо в глаза, после чего поползла дальше. Он вытянул руку в сторону, и камера тут же метнулась за ней следом, чтобы отследить движение и удостоверится, что заключенный не собирается сделать какую-нибудь глупость. А он и не собирался. Его забавляло то, как рьяно Роберт охраняет его персону, несмотря на то, что он отбывал свое пожизненное заключение в полном одиночестве. Специально для него в тюрьме был построен отдельный блок, который охранялся вдвое тщательнее, чем вся тюрьма вместе взятая. Ему это льстило, хотя, порой и было ужасно скучно.

Он не знал, почему он один. Не знал, почему он проходит медицинский осмотр дважды в неделю, в то время, как все остальные заключенные, в общем блоке, наблюдались два раза в месяц. Не знал, почему его принуждали проходить психологические тесты, а томографию головы делали чаще, чем отец фотографирует любимых дочерей на пикнике. Он ничего этого не знал, что, отнюдь, не означало, что он не думал об этом каждый день своего заключения, которое началось тридцать пять лет назад, в день его рождения.

- Что с вами, мистер Голдмен? - из динамика прозвучал металлический холодный голос, до неузнаваемости искаженный декодером.

- Ничего, - ответил он спокойно. Его карие глаза уставились на камеру с вызовом. - А что со мной вообще может быть?

- Ничего, - подтвердил голос.

- Верно.

- Как вы себя чувствуете сегодня?

Иззи Голдмен спустил ноги с кровати и потянулся. Он зевнул.

- Прекрасно. А ты, Боб?

- Эм… - голос замялся, - Аналогично.

- Не скучно?

- Вовсе нет, - ответил Льюис. Его голос был сегодня чуть напряженнее обычного: Иззи же, напротив, стал особенно разговорчивым, и Роберт не имел ни малейшего понятия, к чему это приведет.

Иззи посмотрел на дальнюю стену. Огромное видео-панно показывало белоснежный город с множеством окон, отражающих неожиданно глубокое для этого времени года синее небо. Неподалеку деревья наливались зеленью, а из молодой листвы вылетали стайки мелких птиц.

- Скажи, Боб, во внешнем мире сейчас именно такая погода,

как я вижу?

- Да.

- Конец весны?

- Двадцать седьмое мая.

Иззи поднялся с места и сделал несколько шагов в сторону экрана. Вслед за ним зажужжал рой дополнительных камер, он остановился прямо у экрана и приложил к нему руку. От того веяло теплом, словно то было настоящее оконное стекло, нагретое ярким солнцем.

- Весна… Боб, почему ты сидишь здесь, со мной, вместо того, чтобы наслаждаться этой красотой?

- Потому что, это моя работа, мистер Голдмен.

Роберт отвечал честно. Иззи научился отлично читать его интонацию, и даже сквозь декодер ему удалось уловить правду в словах доктора.

- И ты любишь свою работу?

- Я нахожу ее весьма занимательной.

Иззи обернулся и посмотрел в подъехавшую камеру.

- Занимательной?

- Верно.

- То есть, ты находишь занимательным наблюдение за одиноким зэком? Наблюдать за мной, изучать мое поведение? Ты любишь подглядывать, Боб? За парнями, или я исключение? Боб?

Последовала пауза. Роберт старался очень тщательно подбирать слова.

- Что?… Нет… Это…

- Ладно, Боб. Не волнуйся так.

- Серьезно?

- Да. Это шутка.

Из динамика послышался тяжелый выдох облегчения.

- Ты в последнее время стал каким-то нервным, Боб. Проблемы?

- Это не важно.

- Это касается твоей работы?

- Да… Нет… Боже…

- Видимо, меня это не касается, верно?

- Верно, - нервно выдохнул Роберт

Иззи усмехнулся и отвел взгляд. Ему гораздо приятнее было смотреть в глаза человеку, с которым он беседовал, нежели в черный, как вороний глаз, объектив камеры, в котором он отражался перевернутым. Ему всякий раз становилось не по себе от этого, но он, все же, никогда этого не показывал. Другое дело - разговор с глазу на глаз. В такие моменты восприятие и внимание Иззи почему то усиливались в несколько раз, и он буквально мог

читать поведение человека. Он замечал, как выступает легкая испарина на лбу, когда человек нервничает, как бегает взгляд при откровенной лжи, и как подергиваются пальцы при раздражении. Все это он прекрасно знал и успел изучить благодаря своему доктору, Роберту Льюису, который был для него, словно огромный неисчерпаемый полигон по изучению человеческих эмоций. Роберт думал, что наблюдал за Иззи, но на деле они наблюдали друг за другом, и неизвестно, кто из них больше почерпнул из этого общения.

- Боб, могу я тебя попросить?

- Конечно, мистер Голдмен.

- Ослабь, пожалуйста, фильтры?

- Хорошо.

И без того белая комната еще больше наполнилась светом. В воздухе почувствовался едва уловимый, но сладкий запах цветов. Блок Иззи Голдмена располагался в торце здания, и был совсем недалеко от маленького парка, в котором сановито расхаживали люди в строгой белой одежде.

Иззи прикрыл глаза и втянул носом нежный аромат - божественно. Ему было хорошо. Чертовски хорошо. Распахнув глаза, он увидел тех самых людей, и даже мог услышать, о чем они говорят. Он слышал, как шептала листва деревьев, подхваченная порывом легкого ветра. Он слышал, как внизу тихонько проезжали электрокары из гладкого блестящего металла и белого пластика. Внезапно, он услышал детский смех и обернулся в его сторону: по улице, сразу за ограждением, проходила большая группа детей, ведомая молоденькой девушкой в аккуратной униформе.

- Кто это? - спросил Иззи.

- Школьники, - легко ответил Боб. - Скорее всего, экскурсия.

- А какой сегодня день недели?

- Пятница.

- Пятница… - повторил Иззи, и в его голове это слово разошлось сотнями отголосков. Сейчас он подумал о том, что для него на самом-то деле не существует никакой разницы, будь то понедельник, четверг или воскресенье. В его жизни, в его мире, лишь один день недели застыл навеки, и он даже не знал, какое название подойдет ему больше. Для него каждый день был просто днем, проведенным все в тех же белых стенах под постоянным наблюдением.

- И куда они идут?

- Сложно сказать. Недалеко отсюда недавно открылся новый океанариум, который многие называют восьмым чудом света.

- Восьмым чудом света?

- Ну, знаете, мистер Голдмен, по легенде на земле когда-то…

- Боб, я не дурак, - Прервал его Иззи. - Я прекрасно знаю о семи чудесах света.

- Простите…

- Мне интересно знать, почему этот новый океанариум так называют?

- Дело в том, что он представлен в виде огромной сферы, утопленной в землю ровно наполовину.

- Как это?

- Как если бы вы вырыли лунку и положили в нее глобус так, что было бы видно только то, что от экватора и выше.

Иззи попытался представить себе эту картину.

- Но, все дело в том, мистер Голдмен, что в этой сфере содержится огромное количество океанской воды, которая удерживается навесу.

Голдмен приподнял брови и посмотрел в камеру.

- Что значит «навесу».

- Грубо говоря, вода в этой сфере находится в воздухе, в состоянии невесомости, как капля в космическом корабле. Всю это массу удерживает мощнейшее гравитационное поле, которое не позволяет пролиться ни единой капле. И вот в этой океанской воде плавают разнообразные представители морской фауны. А вся прелесть в том, что вы можете пройти под этим чудом, или же взобраться на него сверху. К тому же, там есть специальная платформа, которая может переместить вас в любую точку вокруг этой сферы, и так вы можете полюбоваться стихией под любым углом.

Иззи тщательно старался представить себе эту картину, но никак не мог. Для человека, который всю свою жизнь провел в тюремном корпусе, было очень сложно представить, как выглядит внешний мир за пределами видимости окна, то и дело затемненного фильтрами. Видео-панно не в счет, оно не давало полного ощущения безграничного простора наполненного цветущей жизнью. И уж тем более не было речи о том, чтобы представить себе что-то столь же грандиозное, как этот новый океанариум, или же колонии на Марсе, где уже давно простирались огромные цветущие сады под кислородным куполом, сконструированные по Земному образцу.

- Боб.

- Да, мистер Голдмен.

- Ты не мог бы загрузить видеозапись этого океанариума?

- К сожалению, у меня его, пока, нет. Но, как только он появится, я сразу же пришлю его вам. Хотя, эту красоту лучше всего видеть собственными глазами, а не…

Голос умолк.

Злые, жадные глаза Иззи Голдмена буравили объектив камеры, а кулаки сжались до такой степени, что захрустели костяшки и на оголенных руках выступили жилы. Он через силу процедил сквозь сжатые губы:

- Собственными глазами?

- Я прошу прощения, мистер Голдмен…

Ярость подкатывала к голове и отдавалась пульсом в висках. Сейчас Иззи готов был уничтожить к чертовой матери все, что только попадется ему на пути, и обязательно… обязательно разбить эту чертову камеру, желательно об голову самого Роберта Льюиса…

Но он сдержался. Каких бы усилий ему это не стоило, Иззи Голдмен сдержал себя в руках, потому что прекрасно знал, что его ожидает в том случае, если он решит снова продемонстрировать всю ярость, силу и злобу, на которую только был способен. Да, он прекрасно знал это.

- Примите мои извинения. Я не хотел задеть вас.

- Верни на место фильтры, - отрезал Иззи, отводя глаза в сторону. - И хреновину эту выключи, и свет. Я хочу спать.

- Как скажете, мистер Голдмен, - отозвался Боб.

Возвращаясь к своей постели, Иззи обернулся и посмотрел на потухающий экран. Панорама белоснежного города быстро угасала и превращалась просто в верную стену, словно только что там и не было вовсе просторных улиц и множества людей, а ему это все лишь привиделось, и все это время он смотрел на одинокую стену в самом дальнем конце. Может быть вообще все, что его окружает, слеплено из его сна, и он просто никак не может проснуться, чтобы вкусить грубую и горькую реальность обыденных дней? Что есть реальность? Что есть настоящая жизнь? Что есть свобода?

Он положил голову на подушку, снова и снова задавая себе вопросы и не находя на них ответа. Иззи лежал в черной комнате, и только назойливые огоньки камер, которые измеряли его биометрические параметры и все так же жужжали, следя за каждым движением. Иззи никогда не случалось побыть одному, и все же, временами, он как будто сходил с ума от одиночества.

Голдмен уснул, и в этот раз ему снился сказочный и загадочный океанариум, который он вряд ли когда-нибудь увидит собственными глазами. Он смотрел на огромных китов, проплывающих мимо него и смотрящих своими огромными китовыми глазами, издавая низкие звуки, словно стараясь что-то сказать ему, но он их не понимал. Он бежал, бежал следом за ними, потому что они звали его с собой, но ноги были слишком

слабы и не отрывались от земли. А киты уплывали все дальше и дальше, и их голоса затихали с каждой утекшей секундой, что уже никогда не вернуть.

Киты скрылись, и над ним осталась лишь пустая толща лазурной воды. Огромная масса, казалось, опускалась ниже и прижимала его к земле. Ему было трудно дышать, и он почувствовал, как его легкие наполняются водой. Иззи захлебывался и чувствовал ужасную боль по всему телу. Он чувствовал, как умирает, и всего через мгновение он станет лишь безвольным телом, скользящим в этой безграничной соленой массе невиданной красоты. Мертвые глаза так и останутся смотреть на то, как где-то там, в вышине, пробиваются изогнутые солнечные лучи, пока не придет человек в белоснежной форме и не заберет его обратно, чтобы вновь положить на койку в камере.

Но киты…

Киты больше никогда не придут.

* * *

- Почему я должен обо всем рассказывать?

- Потому что это обязательная процедура, мистер Голдмен.

- Обязательная для кого?

- В первую очередь для вас же.

- На мой взгляд, мне это необязательно. Я в этом не нуждаюсь.

- К вашему сожалению, суд решил иначе. В вашем деле написано…

- Боб, я тебя умоляю, мне не надо цитировать мое личное дело. Я прекрасно помню его и помню, что решил верховный судья по моему делу. Что ты теперь мне на это скажешь? - это был тот самый визуальный контакт. - Пожалуйста, не ври мне, и не прикрывайтесь бюрократической ересью, в которой описана вся моя жизнь. Перед тобой живой человек, пытающийся разобраться в самом себе и в том, что, черт возьми, с ним происходит.

Роберт смотрел на него спокойно.

- Хорошо, мистер Голдмен.

- Можешь приступать.

Иззи лежал на мягкой кушетке. Как бы он не лег, механизм кушетки подстраивался так, чтобы его мышцы все время находились в расслабленном состоянии. Он сложил руки на груди и смотрел вверх. Роберт сидел недалеко от него. На нем был белый медицинский халат и узкие очки. Как-то раз Иззи спросил у него, почему тот не перейдет на контактные линзы, или

же не прибегнет к помощи глазной хирургии, но тот ответил, что в этом мире должно быть что-то утонченное, душевное, и очки помогают ему чувствовать себя живым человеком. Тогда Иззи не обратил на это никакого внимания, но со временем он начал понимать, о чем Боб хотел сказать ему.

- Мне кажется, что в ваших снах содержится разгадка того, что случилось с вами, из-за чего вы отбываете свой срок.

- Воооооот как?

- Да.

- И все же ты отказываешься говорить мне о том, что же я такого сделал, что вынужден с самого рождения отбывать пожизненное заключение.

- Да, мистер Голдмен. Я не могу сказать вам этого.

- Почему?

- Потому что, во-первых, я не располагаю достаточным количеством информации, и знаю далеко не все о вас и о вашем прошлом. Меня специально не проинформировали об этом. Во-вторых, я связан условиями контракта и у меня, к сожалению, нет полномочий, рассказывать вам то, чего вам знать не следует.

- И тебе не кажется это странным и аморальным?

- Не кажется.

- А как же врачебная этика, Боб?

Тот поднял очки на лоб и потер глаза.

- Этика. В нашем с вами случае мне пришлось переступить через нее, о чем я весьма и весьма сожалею. Когда я подписывался на эту работу, я тщательно изучил дело…

- Боб, прошу, - перебил его Иззи. - Давай называть все своими именами. Ты изучал не дело. Ты изучал меня.

Поначалу Роберт ничего не ответил. Он лишь пристально посмотрел на Иззи, вальяжно расположившегося на кушетке и все так же смотрящего в потолок. Потом он сделал несколько записей в прозрачном планшете, который держал в руке, и сказал:

- Да, вы правы, мистер Голдмен. Я изучал вас. Но в тот момент я и предположить не мог, что у нас с вами возникнет контакт. Я воспринимал вас, как… клиента.

Иззи посмотрел на него.

- Боб, скажи, а, сколько тебе лет?

- Мне тридцать три года.

- Возраст Христа, как сказали бы христиане.

- Верно.

- А ты знаешь, что Иисус тоже был евреем, и его имя на самом деле транслитерируется, как Йешуа.

- Вы знаете об этом? Откуда? - удивился Роберт.

- Я много читаю, Боб.

- Ах, ну да, верно. Да, я знаю об этом. Хотя и по сей день ходят споры о его происхождении.

- И все же, Боб, он еврей.

- Да… вы хотите поговорить об этом?

Голдмен рассмеялся.

- Боб, ты меня поражаешь! Ты порой соткан из клеше. «Вы хотите поговорить об этом?» - передразнил его Иззи, и Роберт невольно хихикнул. - Нет, Боб, я хочу поговорить о другом.

- О чем же?

- О тебе.

- Обо мне?

- Верно.

- И что же вас интересует.

- Меня интересует вот что. Тебе тридцать три года, Боб. Из них ты около восемнадцати лет потратил на школу и медицинский университет, верно?

- Семнадцать, - поправил Роберт.

- Семнадцать. И мы с тобой знакомы уже, что-то… около пяти лет, верно?

- Верно.

Иззи Голдмен сел и развернулся к собеседнику всем корпусом.

- Боб, скажи мне. Только, чур, откровенно. Ты не считаешь, что потратил впустую двадцать два года собственной жизни?

Это был правильный вопрос. Иззи поставил в тупик Роберта, и, казалось, сорвал завесу, которой Боб тщательно скрывал этот факт от себя самого.

- Я так не считаю, мистер Голдмен.

- Почему?

- Потому что… кхм… потому что вы гораздо более ценны, чем предполагаете.

- Ценен?

- Да.

- Чем?

- Я сейчас не могу сказать вам всей правды. Вы пока не готовы к ней.

- А кто решает, когда я буду готов к тому, чтобы узнать все о себе?

Роберт посмотрел на своего клиента, выключил планшет и подался немного вперед. Он пододвинулся, чтобы Иззи Голдмен смог заглянуть ему прямо в глаза и увидеть, что он не лжет.

- Только вы сами.

- А как же то, что я хочу узнать об этом?

- Это не в счет.

- Почему?

- Потому что сейчас, в вашем состоянии правда окажется слишком губительной. Вы не сможете принять ее, и это будет…

- Ты недоговариваешь, Боб.

Тот помедлил.

- Если ты не будешь откровенным со мной, Боб, я не смогу быть откровенным с тобой, и тогда мы не придем к соглашению, и все наши сеансы психотерапии, тесты и прочую лабуду можно будет отослать к чертовой матери с пометкой «до востребования».

Роберт внимательно следил за Иззи. Так же внимательно, как взвешивал каждое его слово. Он знал, что Иззи абсолютно прав. Он лишь сказал об этом на простом языке, без какой-либо вуали обмана и желчи, которой обычно врачи отнекиваются от своих клиентов. Отнекиваются в тот момент, когда им должно признаться, что жить человеку осталось не больше месяца.

- Я переживаю за вас, мистер Голдмен. В ваших снах вы очень часто видите себя мертвым, а сны, как известно, отчасти являются отражением нашей реальности. Я боюсь, что ваша психика сейчас слишком слаба для того, чтобы принять всю правду. Чтобы вспомнить свое прошлое.

- Мое прошлое? - Иззи поднялся и пересел на стул, стоявший рядом с Робертом. В этот момент охранники у двери, которые до сих пор оставались неподвижными, чуть дернулись в его сторону, но Роберт остановил их рукой, показав, что все в порядке.

Иззи не обратил на них никакого внимания, он давно не реагировал на их присутствие. В этот момент для него существовал лишь он сам, и Роберт, сидевший от него на расстоянии меньше вытянутой руки и смотревший через свои аккуратные очки в позолоченной оправе. Он был так близко, что без труда мог разобрать крохотный ожог над усами, оставленный лазерной бритвой.

- Мое прошлое, Боб? Мое прошлое - это детство ребенка, ни разу не видевшего неба. Я даже не знаю, что значит, когда твою кожу греет солнце. С самого первого дня своего рождения я не видел своих сверстников, потому что обычно дети не сидят за решеткой. Я ни разу не видел других заключенных, хотя уверен в том, что они где-то поблизости, но здесь слишком хорошая шумоизоляция, чтобы я мог их услышать. Я не имею понятия, есть ли у меня кто-нибудь из родни, и все люди, которых я когда-либо видел рядом с собой, были либо в медицинских халатах, либо в униформе охранников. И при всем при этом, я всю свою жизнь, Боб, всю свою жизнь, все гребаные тридцать пять лет живу в клетке и даже не подозреваю, за что.

Он говорил медленно, но уверенно. В его словах не было ни

толики вызова или агрессии. Он говорил так, словно цитировал утренние новости, а не говорил о своей горькой судьбе. И все же, от его слов, от его тяжелого взгляда по коже пробегала неприятная дрожь, которая останавливалась где-то в животе и хотела вывернуть тебя наизнанку, лишь бы не видеть этих глаз и не слышать этих слов. В одной короткой речи Иззи Голдмен пересказал все, что случилось в его жизни, и эта тяжелая реальность била больнее, чем удар плетью, который рассекает кожу и оставляет глубокий кровоточащий порез. Эта правда была страшнее всего на свете, но Иззи говорил о ней спокойно.

- Ну, как тебе такое прошлое? Боб.

Роберт не сводил с него глаз, и ему нечего было добавить. Иззи сам все сказал за него.

- Думаю, что на сегодня сеанс окончен.

- Да, я тоже так считаю, - кинул через плечо Иззи, возвращаясь на кушетку.

Роберт поднялся с кресла и направился к двери. Иззи не провожал его взглядом, но окликнул:

- Боб.

Тот обернулся.

- Да, мистер Голдмен.

- Мне снились киты.

- Киты?

- Да, - Иззи поднял руку вверх и изобразил плавную линию. - Они уплывали от меня, а я пытался их догнать, но у меня не вышло. Тебе это говорит о чем-нибудь?

Роберт призадумался.

- Может быть, мистер Голдмен.

* * *

- Все в порядке?

Мужчина стоял в тени. Его длинный белый халат с ровным рядом толстых пуговиц был полностью застегнут, и он скорее напоминал некое непонятное существо, вышедшее из фильмов ужасов, чем обыкновенного человека. Он стоял недалеко от ряда голограммных экранов, и в его очках отражался их синий цвет. За ними не было видно глаз, но Роберт прекрасно знал их выражение в эту самую минуту. Алчные, жестокие и хладнокровные. Глаза человека, готового пойти на все ради своих принципов. Глаза человека, готового переступить через других людей ради своей выгоды.

Роберт ступил за порог. За его спиной мягко закрылась

стальная дверь.

- Да, все хорошо.

- Знаете, Роберт, на какой-то миг мне показалось, что вы потеряли контроль над ситуацией.

Роберт посмотрел на руководителя. Он никогда не был вспыльчивым человеком, но сейчас ему больше всего хотелось стереть своим кулаком эту наглую ухмылку с лица Артура Брауна. Однако он прекрасно знал, что может последовать за этим, и изо всех сил старался держать себя в руках. В тишине операторской по его шее стекла капля пота.

- Вам показалось.

- Я редко ошибаюсь, Роберт, - Браун сделал несколько шагов и подошел к Роберту. По левую руку от него молча сидели операторы и системные специалисты, которые обеспечивали работу всего комплекса. Роберт посмотрел на них. За немыми головами располагался главный монитор, на котором в полный рост стоял Иззи Голдмен. Рядом с его лицом отображалось биение сердца, частота пульса, дыхание и прочие показатели. В случае сбоя эксперимента, эти люди узнали бы об этом в первую очередь. Сейчас же все было спокойно.

- И все же, - продолжил Роберт. - Все прошло удачно.

- Удачно? - спросил Браун. - Как можно назвать удачей отсутствие результата?

- Вы требуете от него слишком многого.

- От него тут вообще ничего не требуется. Я требую от вас, Роберт. Я… корпорация платит вам зарплату не за то, чтобы этот парень паясничал и валялся на уютном диване. Это ваша работа - заставить его говорить и как можно скорее.

- Но…

- У вас есть, что возразить?

Роберт подумал. Подумал о том, что на самом деле было неизвестно, кто находится в большем заключении. Он, или же Иззи Голдмен. В этом мире понятие свободы стало весьма относительным.

- Он не готов еще к такому потрясению.

- Уже тридцать пять лет, Роберт. И меня не очень-то касается, готов он, или нет. Мы здесь работаем не для того, чтобы обеспечить комфорт этому сукиному сыну. Может быть вам стоит напомнить, что сделал этот поц, и что стоит на кону?

- Нет.

- Повторите.

- Нет, я все прекрасно помню.

Артур Браун развернулся на каблуках и вернулся на свое место, где по приходу застал его Роберт.

- Почему вы позволяете ему называть себя «Боб»?

Роберт готов был объяснить, что очень сложно при личном контакте сказать маниакально настроенному человеку, который когда-то убил семерых человек, что стоит проявить должное уважение к своей персоне. Он хотел предложить Брауну самому побеседовать с Иззи, чтобы проверить, не тонка ли его кишка, но, опять-таки. С самого детства Роберт научился… его научили думать о собственном положении, и до нынешнего момента это помогло ему выжить.

- Так ему будет гораздо проще доверять мне.

- Доверять тебе?! Это же гребаный кусок гребаного мяса! - Браун нервно вскочил и демонстративно указал руками на экран. Иззи лежал на кровати и читал. На толстом кожаном переплете, выполненным под старину, золотыми буквами было написано «Франкенштейн, или Современный Прометей». - Посмотри. Это же, как мартышка в клетке, - его лицо чуть не побагровело.

- Эта мартышка, как вы выразились, сэр, стоит миллиарды долларов, а с точки зрения науки…

Браун развернулся и посмотрел на него. Его скулы стали острыми, как куски льда в стакане с водкой.

- Ты забываешься, щенок! - на его крик обернулось несколько операторов. - Чего уставились? Ваша работа следить за ублюдком, а не за мной!

Те поспешно отвернулись и вжали головы, как можно глубже в плечи, чтобы быть менее заметными. Роберт заметил это, после чего снова посмотрел на руководителя.

- Криком вы только усугубляете положение, - спокойно сказал Роберт.

- Послушай, ты… послушайте, доктор Льюис, - Браун шагнул к Роберту и поднял к его лицу кулак с отогнутым указательным пальцем. На его запястье выступили сухожилия, глаза округлились, а на лбу появилась изогнутая вена. - Не смейте указывать мне, что делать, а что нет. Ясно? Вы в последнее время слишком дерзко ведете себя. Еще одна такая выходка, или еще хоть раз посмеете прервать меня перед подчиненными и можете смело заказывать панихиду по нашему гранту. Я доступно объясняю, доктор Льюис?

Роберт понял его прекрасно, и невольно посмотрел на Иззи. Что-то щелкнуло в груди, как будто сработал механизм, дремавший долгое время, и вот только сейчас он получил свободу и ответы на свои вопросы. Сейчас, Роберт понял, какого быть лабораторной крысой.

- Я не слышу вашего ответа, доктор, - повторил Браун.

- Я понял вас, сэр.

Руководитель сделал шаг назад и поправил сбившийся халат.

- Учтите, Роберт. Не за горами время, когда корпорации нужен будет результат. Они будут спрашивать с меня. Я буду спрашивать с вас. Думаю, что не стоит дальше говорить, что может ждать вас, в случае отсутствия результатов.

- Нет, не стоит, сэр, - голос оставался спокойным, но внутри все кипело. Иззи еще был совершенно не готов к тому, к чему вел весь этот эксперимент. Он был еще слишком слаб.

- Вот и прекрасно, Роберт.

- Сколько времени у меня в запасе?

- Не так уж и много, - ответил Браун. - На вашем месте я бы поторопился уже вчера.

Он приготовился уйти, и Роберт понял, что в данный момент ему больше всего хочется, чтобы этот человек покинул операторскую, или же отправил бы его самого куда-нибудь в другое место. Туда, где не будет ни требовательного тона, ни груза ответственности, который повис на его шее. Куда-нибудь. Хоть куда-нибудь…

- Работайте, Роберт, - в тоне Брауна чувствовалась теперь даже некоторая толика теплоты, и, казалось, что он улыбается, довольный своим влиянием на ход событий. - Завтра я жду от вас подробного отчета. Я должен быть в курсе того, что с ним происходит, чего нам ожидать, и как скоро мы подойдем к финальной стадии проекта.

Финальная.

Стадия.

Проекта.

Три слова. Всего лишь три слова. А ведь для Иззи Голдмена они значат целую жизнь. И не одну…

- Будет сделано, сэр… - слова встретили удаляющуюся спину руководителя, и уже через некоторое время он скрылся за дверьми. Роберт, да и все прочие сотрудники, почувствовали необычайную легкость.

Льюис подошел к своему рабочему месту и сказал:

- Операторская, - несколько десятков лиц в момент обернулись на звук его голоса. - На сегодня рабочий день окончен. Все свободны.

Тридцать девять человек поднялись со своих мест и направились к выходу. Они шли молча, потому что знали, что сейчас их молчание может сохранить им работу, и не только ее. Для них это было наилучшим выходом, и они все, как один, направились в раздевалку и комнату отдыха. Через минуту Роберт остался в операторской совершенно один. Или, почти один.

- Гретта.

- Да, доктор Льюис, - ответил компьютер приятным женским голосом.

- Черный кофе. Без сахара.

- С кофеином, или без?

Роберт подумал и ответил:

- Нет, Гретта. Вместо кофе, сделай мне двойной скотч.

- Да, доктор Льюис.

Небольшая ниша в столе раскрылась, и на подставке поднялся прозрачный стакан из небьющегося стекла. На дне была крепкая темная жижа, и ее вкус наверняка был омерзительным, но сейчас Роберту хотелось именно этого. Нет, сейчас ему это было необходимо.

Он взял стакан в руку и сделал глоток. Что ж, он был прав. Вкус на самом деле оказался мерзким, и его внутренности охватил пожар.

- Гретта, а у тебя в запасе не было ничего менее синтетического?

- К сожалению, нет, доктор Льюис.

- Хорошо, сойдет. Спасибо.

Он подошел к огромному пульту со множеством мониторов. Операторская представляла из себя довольно просторное помещение, и перед экранами было много свободного места, которое обычно заполняли снующие работники. Но сейчас, здесь было свободно. Свободно?

- Можно ли это место вообще назвать свободным? - спросил он сам себя вслух.

- Можно, доктор Льюис.

Роберт совершенно забыл, что уже активировал компьютер, включив его голосом, и теперь он получил пусть и неживого, но вполне общительного собеседника.

- Гретта, принимай команду.

- Жду указаний, доктор Льюис.

Он подошел к одному из кресел и отодвинул его на середину залы, как можно дальше от мониторов.

- Все системы центра перевести в автономный режим вплоть до начала рабочего дня. До понедельника вся работа комплекса будет на тебе.

- Да, доктор Льюис. Перевожу все системы в автономный режим работы.

Роберт упал в кресло и, расположившись в нем максимально удобно, сделал глоток. Во второй раз это было менее противно, и даже приятно.

- Все системы настроены.

- Проведи полное сканирование комплекса и представь отчет о состоянии работоспособности.

- Минутку.

На многочисленных синих мониторах замелькали цифры и показания, которые сменялись с такой скоростью, что успеть прочесть их, было бы настоящей фантастикой.

- Сканирование комплекса завершено. Все системы в норме. Ни в одном отсеке сбоев не обнаружено. Состояние реактора в норме. Температура питательных стержней - сто четыре градуса по Фаренгейту. Состояние инкубатора в норме. Посторонних в административных помещениях не обнаружено. Девяносто четыре процента персонала покинуло корпус. Пустующие помещения, а так же технический отсек закрыты. Датчики движения в изолированных отсеках включены. Все службы безопасности в норме. Камеры наблюдения в норме. Камеры наблюдения за периметром в норме. Освещение комплекса в норме, доктор Льюис.

- Замечательно, - сказал Роберт, сделав очередной глоток скотча. - Спасибо, Гретта. Скажи, Артур Браун все еще в комплексе?

- Мистер Браун покинул комплекс на своей служебной машине.

- Хорошо.

Теперь было самое время для того, чтобы расслабиться. Сейчас его никто не стал бы беспокоить. Он мог отправиться домой, но там его никто не ждал. Мог бы заехать к своим друзьям, но их у него было немного. За последние восемь лет работа отняла у него гораздо больше, чем отдала взамен, и Роберт поймал себя на мысли, что в чем-то Иззи Голдмен был прав.

- Я на самом деле слишком близко подпустил его к себе.

- О чем вы, доктор Льюис?

- Ни о чем, - отмахнулся он, вновь позабыв, что Гретта неустанно слушала каждое его слово. - Сделай мне еще один двойной скотч.

На этот раз пол раскрылся прямо под его правой рукой, и там появилась вторая порция. Пустой стакан он поставил на появившийся поднос, и тот так же бесшумно скрылся под полом.

- Гретта.

- Да, доктор Льюис.

- Покажи мне камеру заключенного Иззи Голдмена, личный номер 92 8281.

На центральном мониторе появилась запись в режиме реального времени, полученная с той самой камеры, с которой

время от времени разговаривал Иззи. Рядом появилось еще восемь мониторов с других ракурсов. Итого девять камер и всего один наблюдаемый.

Иззи Голдмен все так же лежал на своей кровати и продолжал читать. Он выглядел спокойным, но в то же время глаза его были немного озадаченными.

- Главная камера, на весь экран.

- Слушаюсь, доктор Льюис, - ответила Гретта, и в тот же момент все экраны прямо в воздухе рассыпались на мелкие полупрозрачные голубые кристаллы. После распада, они притянулись друг к другу и превратились в огромный монитор, на который выходило изображение с главной камеры.

Роберт задумался и, не сводя глаз с Иззи, приложил левую руку к виску.

- Гретта. Операторская сейчас под наблюдением?

- Да, доктор Льюис.

- Я хочу, чтобы ты отключила камеры и удалила запись с того самого момента, как весь персонал покинул Операторскую. Замени их на инсталляцию пустого помещения.

- Сделано.

- Хорошо. Отключить принятие голосовых команд, вплоть до моего распоряжения.

- Слушаюсь, доктор Льюис.

Гретта умолкла. Она перестала отвечать на вопросы, и теперь Роберт мог вполне открыто разговаривать и не беспокоиться, что она ответит ему все тем же приятным женским голосом. Тем не менее, она продолжила зорко следить за всеми системами, и Роберт был спокоен, что сейчас это самое безопасное место в округе. Сквозь очки доктор Льюис смотрел на Иззи в его камере и пытался понять, как устроен мозг этого человека, и что следует ожидать от него в будущем.

Роберт сидел в своем кресле и потягивал скотч в тот момент, когда Иззи переворачивал очередную страницу. Он дотошно следил за поведением этого человека. Следил уже целых восемь лет, но при каждой новой беседе с глазу на глаз он понимал, что совершенно не знает его. Он прочел его личное дело, тщательно собирал всю информацию, которая хоть как-то касалась Иззи Голдмена, и отыскал практически все упоминания о нем, начиная с того момента, в давно ушедшем 2005 году, когда мир впервые узнал о существовании этого человека. Узнал и содрогнулся от содеянной им жестокости.

Да. Роберт Льюис прекрасно знал все это. И все же, каждый раз, каждая новая встреча начиналась со знакомства. Каждый раз Роберт убеждал себя, что перед ним уже не тот человек, который

убил когда-то целую семью. Он не был уверен, но отчаянно надеялся на то, что во время последнего клонирования биоинженерам все же удалось изменить структуру его ДНК, и теперь тот самый ген, который подвигнул Иззи Голдмена к совершению ужасного преступления, был утерян навсегда, и теперь перед ним совершенно иной человек. Человек стоимостью в пятьдесят четыре миллиарда долларов.

Что будет, если проект завершится удачей? Человечество получит шанс искоренить преступность в своей крови. У людей больше не будет искушения ограбить дом своего соседа, или же изнасиловать студентку. Люди перестанут нуждаться в жестокости, и мир впадет в совершенную утопию. Мир без войн. Мир без насилия. Мир, где над всеми властвует справедливость и добро. Реален ли такой мир?

Только Иззи Голдмен мог дать ответ на этот вопрос. Только Роберт Льюис мог направить его к этому ответу. Вот только, хотели ли они этого? Да и что стало бы, в случае успеха, с самим Голдменом?

- Так прошла осень… - Прозвучал голос Иззи, перешедшего вдруг на чтение вслух, что порой накатывало на него. -… с удивлением и грустью я увидел, как опали листья и все вновь стало голо и мрачно, как было тогда, когда я впервые увидел лес и свет луны. Стужа меня не пугала. Я был лучше приспособлен для нее, чем для жары. Но меня радовали цветы, птицы и весь веселый наряд лета; когда я лишился этого, меня еще больше потянуло к жителям хижины. Их счастье не убавилось с уходом лета. Они любили друг друга, и радости, которые они друг другу дарили, не зависели от происходивших в природе перемен. Чем больше я наблюдал их, тем больше мне хотелось просить у них защиты и ласки; я жаждал, чтобы они узнали меня и полюбили; увидеть их ласковые взгляды, обращенные на меня, было пределом моих мечтаний. Я не решился подумать, что они могут отвратить их от меня с презрением и брезгливостью. Ни одного нищего они не прогоняли от своих дверей. Правда, я собирался просить о большем, чем приют или кусок хлеба, я искал сочувствия и расположения; но неужели я был совершенно недостоин их?

Наступила зима… - Иззи помолчал с мгновение, а после внезапно произнес. - Прекрасные слова, не правда ли, Боб?

Роберт опешил. Стакан выскользнул из его руки, упал на пол и, расплескав остатки скотча, покатился по залу. Внезапно Роберт подумал, что Иззи точно так же следит не только за ним самим, но и за его мыслями и чувствами.

- Верно, - ответил он.

Иззи усмехнулся.

- Я знал, что ты здесь.

- Откуда это, мистер Голдмен.

- Франкенштейн, или Современный Прометей. Мэри Шелли. Ты не читал, Боб?

Роберт быстро попытался взять себя в руки.

- Нет… кажется, нет.

- Очень зря. Ты многое потерял, - он заложил пальцем нужную страницу и посмотрел на обложку., - Когда-то в древности Говард Лавкрафт чудесно отзывался, как об этой книге, так и о самой писательнице. Настоятельно рекомендую, - Иззи посмотрел в камеру.

- Спасибо. Прочту, как-нибудь.

- Как-нибудь? Боб, да что с тобой такое? К книгам нельзя относиться «как-нибудь», их просто нужно читать, и ими нужно наслаждаться.

- Полностью согласен с вами. Однако у меня не так много свободного времени.

Голдмен прикрыл глаза и потянулся, не выпуская книгу из рук.

- Время, время, время… знаешь, Боб, а ведь его никогда не будет в достатке. Вот, к примеру, я. Живу в своем углу. Всегда сыт, всегда одет, всегда сух. Работать мне не приходится, видимо это вы за меня делаете, и, как я понял, особых обязательств у меня ни перед кем нет. Разве что, перед самим собой, если тебе верить, - взгляд в камеру. - И все же, мне не хватает времени. Оно пролетает мимо меня, а я не успеваю схватить его и лишь слышу его отголоски. Нет, Боб. С этим нужно что-то делать.

Иззи запомнил номер страницы и отложил книгу в сторону.

- Если не посветить свою жизнь чтению книг, написанию картин и созданию музыки, то чему же ее вообще посвящать?

- Детям, - ответил Роберт первое, что пришло ему на ум, но после понял, что он обманул.

- Детям? Скажи, Боб, у тебя есть дети?

- Нет.

Камеру клиента номер 92 8281 огласил смех.

- Боб, выходит, что ты проживаешь жизнь зря.

Как же прав он оказался. В последнее время Роберт все чаще и чаще ловил себя на этой мысли, но боялся признаться в этом.

- Что-то я не припомню того момента, когда мы успели поменяться ролями, мистер Голдмен, - он улыбнулся и увел разговор в сторону.

- Расслабься, Боб. Я не собираюсь лезть тебе в душу. В конце концов, это твоя жизнь. Я лишь распоряжаюсь своей.

Роберт подумал о чем-то своем, а потом сказал:

- Можно задать вам один вопрос?

- Можно.

- Скажите, а как бы вы прожили свою жизнь, если бы оказались свободны?

- Свободен?

Повисла пауза. Долгая пауза. Чертовски долгая гнетущая пауза.

- А почему ты считаешь, что я несвободен, Боб?

Такого вопроса он явно не ожидал. Брови Роберта удивленно выгнулись и он отнял пальцы от виска, с изумлением глядя на экран, как будто Иззи был всего в двух шагах от него.

- Ну, может быть потому, что вы находитесь в заключении.

- Боб, как же ты ошибаешься.

- Ошибаюсь?

- Да.

- Почему?

- Боб. Я родился в этих стенах, и знаю я только этот мир, и никакой больше. Да, я тоскую о солнце, которого никогда не видел, о запахах, которых никогда не чувствовал, о женщинах, чье тепло никогда не ощущал. Но, на то я и человек, чтобы быть недовольным, - Иззи спустил ноги с кровати и посмотрел туда, где ему обычно открывалась панорама города. - Я не знаю, какой он внешний мир за моей стеной. Я вижу его, но я не могу его ощутить. Но, дело даже не в этом.

Боб, ты только подумай. Кто более свободен? Я - человек обладающий роскошью посвятить практически все отпущенное мне время чтению книг, или тот, кому приходится лишать себя главного смысла жизни ради сомнительного удовольствия изо дня в день приходить на работу и пялиться на нудного зэка, потом возвращаться с работы, чтобы на следующий день опять совершить все с самого начала. И так одиннадцать месяцев в году. Одиннадцать месяцев ты работаешь и живешь только одной мыслью о том, что раз в год тебе положен заслуженный отпуск. Ты приходишь с работы, и что ты делаешь оставшееся время? Читаешь? Насколько я понял - нет. Ты наслаждаешь прослушиванием классической музыки? Полагаю, тоже нет. Ты ешь свой скудный остывший ужин, смотришь на свою серую изнуренную жену с вечно недовольным взглядом, снимаешь свои черные носки и ложишься спать с мыслью о том, что через пять часов тебе снова придется вставать, и вновь ты будешь выслушивать от начальника выговор за опоздание и ненадлежащий вид. Ну что, Боб. Разве я несвободен?

Роберт сидел и хлопал раскрытым ртом, словно рыба,

выброшенная на берег. Он не знал, что ответить на это заявление, но зато он прекрасно понимал, насколько был прав Иззи Голдмен в своих рассуждениях. И снова он попал в самую точку. И снова механизм внутри Роберта Льюиса совершил щелчок.

- Но, ведь в том, что ты перечислил, и заключается жизнь?

Голдмен перевел взгляд на камеру. Его глаза были чуть прищурены, а уголки губ расползлись в легкой саркастичной улыбке.

- Жизнь? Нет, Боб, это не жизнь. Это существование.

И он снова был абсолютно прав.

- Скажи мне, Боб, кто более живой, по-твоему? Тот, кто знает о том, что звезды прекрасны, и даже ни разу не видел их, или же тот, у кого есть возможность их увидеть, но он этого не замечает?

- Тот, кто видит и понимает, - парировал Роберт.

- Ты часто смотришь на звезды?

Нет. Он никогда не смотрит на них, потому что его голова забита сотнями и сотнями проблем, которые, возможно, он никогда не решит. Но Голдмену совершенно необязательно было об этом знать, сейчас он перешел и без того размытую границу между ними.

- Нет, мистер Голдмен.

- Значит, ты не живешь, Боб, - Иззи скорчил язвительную физиономию.

- По вашей логике, выходит, что так. Но, почему нужно все возводить в абсолют?

- Это не абсолют. Вовсе нет. Я считаю, что нет ни абсолютов, ни идеалов. Есть ты, и есть жизнь. И твоя жизнь - это градация от черного к белому, в которой нет ничего идеального. Есть только максимально подходящее, Боб, и чем раньше ты поймешь это, тем раньше ты начнешь жить. Ты не ценишь то, что у тебя есть. В каком-то смысле, я гораздо свободнее тебя.

Самым удивительным было вовсе не то, что речь Иззи Голдмена была такой простой, и такой правильной, что в голове все как-то само собой встало на свои места. Самым удивительным было то, что Роберту нравился этот человек. Он нравится ему, как собеседник. Он был живым и умел прекрасно обращаться с тем временем, которое ему отпущено. Иззи не терял ни секунды, и, на самом деле, каждый его день был неповторимым, хоть он сам и не считал так. Ему хотелось вкусить тот самый запретный плод, который скрывался от него за видео-панно. Ему хотелось попробовать ту жизнь, которую не ценят обычные люди.

Ему хотелось всего на свете, а ведь у Роберта эта возможность была, но он не замечал ее под своим носом, который все время отворачивал куда-то в другую сторону и упорно отказывался

замечать простой сути, что жизнь, как бы банально это не звучало, скоротечна.

- Почему ты сейчас не дома, Боб?

Сказать правду? Признаться? Пусть одному человеку. И даже пусть этот человек будет тем самым, в чьих глазах принято держать авторитет. Главное - выговориться. Оказаться на том самом месте, на котором обычно восседают его клиенты и изливают всю свою душу. Поменяться местами. Признаться в том, что он совершил не менее жестокое преступление. Преступление перед самим собой. Он не использует то время, которое утекает сквозь стареющие пальцы, и вскоре ни одной его крупицы нельзя будет разглядеть на своей ладони. И что тогда?

- Думаю, что сейчас уже слишком поздно для таких разговоров, мистер Голдмен.

Он спасовал.

- Ты снова бежишь от ответа.

- Я знаю ответ.

- Дело твое, Боб.

- Спокойной ночи, мистер Голдмен.

- Спокойной ночи, Боб.

Роберт вернул экран в исходное положение. Он видел, как Иззи еще некоторое время смотрел в камеру. Видел, как ему нравилась та мораль, которую он попытался внушить Роберту. Он видел это, и подозревал, что у Иззи это получилось.

Гретта вела свою работу, как ей и было приказано. Эту ночь Роберт провел в том же самом кресле, с которого он так и не поднялся после разговора с Иззи Голдменом. Его руки свисли вниз, а подбородок упал на грудь. Позже, когда Гретта заметила это. Она перепрограммировала кресло, и оно приняло более удобное положение, чтобы сон доктора Льюиса хотя бы сегодня был крепким и спокойным.

Спал и Иззи.

Этой ночью он стоял возле окна какого-то старинного дома и заглядывал внутрь. На улице был ужасный мороз, и его босые ноги тонули в хлопьях обжигающего снега. Изо рта шел молочный пар, а ушей он и вовсе уже не чувствовал от холода.

Он смотрел в окно и видел внутри семерых людей. Они радовались, и на их лицах светились приятные добрые улыбки. Отец семейства натачивал тонкий нож, чтобы разделать печеных куропаток так, чтобы хватило всем. Мать все носилась туда и сюда, принося все новые и новые блюда с салатами и закусками. Бабушка куталась в клетчатый плед и смотрела на все происходящее сквозь толстые круглые линзы старомодных очков. Дети кричали, и каждый из них старался заглушить своим

голосом другого.

Всем было весело, и в какой-то момент, самый младший ребенок, мальчик, который все это время сидел спиной к стоящему за окном Иззи Голдмену, обернулся. Иззи вздрогнул. Мальчиком оказался он сам.

Ребенок посмотрел на него грустными глазами и что-то прошептал, едва разлепив потрескавшиеся губы. Иззи не разобрал слов, но было уже поздно.

Он проснулся на полу. Все еще стояла глубокая ночь. По лицу Иззи Голдмена текли пот и слезы, а ртом он отчаянно пытался вдохнуть как можно больше воздуха. В груди что-то больно кололо, и он приложил к ней ладонь.

- Я видел родителей, - произнес он в тот момент, как рядом с ним промелькнула видеокамера.

* * *

- Я видел родителей.

- Что?

- Я видел родителей, Боб.

Роберт сидел в своем кресле. Иззи был все на той же кушетке, которая то и дело принимала более удобную форму.

- Гретта.

- Да, доктор Льюис.

- Перемести, пожалуйста, видео-панно на потолок.

После этих слов, видео-панно пропало у стены и тут же возникло на потолке, как раз перед лицом лежащего Иззи.

- Гретта, я хочу, чтобы ты передала на панно изображение с пятой камеры, расположенной на крыше.

- Принято, доктор Льюис.

На огромном кристаллическом холсте появилось изображение голубого неба и мелкими кучерявыми облаками. Иззи смотрел на это с восхищением. Перед его глазами порхнуло несколько крупных птиц, но они тут же скрылись из виду. Но за эту долю секунды он успел расслышать трепет их крыльев.

- Спасибо, Гретта. Отключи принятие голосовых команд, - Роберт уселся удобнее и взял в левую руку небольшой пластиковый стержень. Он нажал на кнопку, и перед его глазами возник все тот же планшет, который он каждый раз брал с собой, когда собирался на личную беседу с Иззи. - Что скажите? - спросил он, кивнув на небо.

- Прекрасно, - ответил Иззи. Он был спокоен, и если бы только Роберт не знал его так хорошо, он бы решил, что это

спокойствие не предвещает ничего хорошего.

- Так вы сказали, что видели своих родителей?

- Да.

- Когда это было.

Иззи напряг память.

- Около пяти дней назад.

- Очень интересно.

- Что именно, Боб.

- Раньше вы никогда не говорили о них.

- Раньше я их и не видел.

- А почему вы решили, что это были именно они?

На панно снова показалась стая птиц. Они пронеслись мимо, щебеча на все лады.

- Как бы тебе объяснить это, Боб. Я не помню их лиц. Совершенно не помню. Но в своем сне я увидел маленького мальчика. И этим мальчиком был я.

Роберт поднял глаза на него.

- Вы?

- Да.

- Расскажите мне подробнее, что вы видели? - Роберт с неподдельным интересом придвинул стул ближе к Иззи.

- Я стоял на улице. Была зима. Мне было очень холодно, потому что на мне было очень мало одежды. Какие-то обноски. Обуви на мне не было, и ноги словно отмирали от мороза. Я не чувствовал их. Я стоял перед каким-то домом и заглядывал в окно. Там я увидел людей.

- Людей?

- Верно.

- Сколько их было?

- Сейчас… - Иззи прикрыл глаза, словно вспоминал свой сон. - Семь человек. Да, их было семеро.

- О…

- Что такое, Боб?

- Нет, нет. Все в порядке, - ответил Роберт и тут же принялся делать какие-то записи в планшете.

Он прекрасно знал, кого именно видел Иззи Голдмен, но так и не решился сказать ему об этом.

- Точно?

Роберт отмахнулся от него.

- Да, все хорошо. Не беспокойтесь, мистер Голдмен. Просто цифры - точные цифры - это хорошо.

Иззи обернулся. Роберт смотрел в планшет и сравнивал какие-то графики. Сквозь прозрачный экран они выглядели замысловато и непонятно, по крайней мере Иззи ничего не

понимал в них. Но ему было интересно, что же так сильно насторожило доктора Льюиса.

- Ты снова что-то скрываешь от меня, Боб.

- Что? - Роберт перевел взгляд на него.

- Видимо, время все еще не настало, да?

- К сожалению, да, мистер Голдмен.

- Могу я хотя бы узнать, серьезно ли это?

Роберт замешкался.

- Не хочу обманывать вас, мистер Голдмен. Ваш сон заставляет задуматься. Я не думаю, что это серьезное психическое отклонение, или что-то в этом роде. Но над этим действительно стоит призадуматься. Ведь, как вы сказали, вы никогда не видели своих родителей, и у вас нет их фотографий, а значит, вы не можете знать, как они выглядят.

- Все правильно. Но, я практически уверен, что эти люди очень дороги мне. По какой-то причине, не знаю, по какой именно, каждый из них был мне очень дорог.

- Мистер Голдмен… а какие чувства вы испытывали к этим людям.

Иззи ответил не сразу. Он долгое время смотрел на небо, словно наблюдал, как проплывают облака, а не пытался разобраться в собственных чувствах. Только сейчас Роберт заметил, что Иззи тряс ногой, как обычно происходит, когда человек нервничает, или усиленно пытается что-то вспомнить.

- Ненависть, скорее всего.

- Почему именно ненависть?

- Я был один. Один во всем мире. Казалось, что кроме меня и тех людей, которые сидели в доме, больше никого не существовало. И мне было ужасно холодно. Я будто умирал от этого холода и злился. Что они сидят в тепле и…

Он замолчал.

- И что? Что, мистер Голдмен.

- Они веселились и любили друг друга. А я был один. Совсем один. Я ненавидел их за это, понимаешь? - тон Иззи повышался с каждым новым словом. - Они бросили меня. Они бросили меня, Боб! Они оставили меня одного на морозе! - зарыдал в голос Иззи.

- Тише, мистер Голдмен…

- Да пошел ты! Не смей меня успокаивать, Боб! Ты не знаешь, что я чувствую! И кончай звать меня мистером Голдменом! У Меня имя есть! У меня! Есть! Имя!

- Хорошо, Иззи, простите.

- Почему это происходит со мной, Боб? Какого черта со мной вообще происходит?! Кто я такой!? Ответь мне!

- Иззи…

- Заткнись! Заткнись и не смей снова нести всю эту чушь о том, что я не готов! Слышишь?! Заткнись!

Иззи схватил свободный стул и со всей силы кинул его в видео-панно. От удара оно разлетелось на мелкие кристаллы и посыпалось вниз, обдавая их с Робертом дождем из искр и осколков.

- Успокойтесь, Иззи! Прошу вас!

- Заткнись, Боб! Заткни…

Договорить он не успел. Ворвавшийся охранник выхватил дубинку и оглушил его быстрее, чем бросается кобра на свою жертву. Иззи упал. На его шее еще дымился след от электрошокера.

- Идиот! - закричал на охранника Роберт и бросился к распластавшемуся на полу Иззи. Он лежал лицом на осколках, и они липли к разгоряченной влажной коже. Роберт оттянул веки и увидел, что глаза Иззи закатились. - Что ты наделал?!

Доктор Льюис набросился на охранника и схватил его за ворот. Он был на полтора фута ниже охранника, не говоря уже о том, что его тщедушное тело не шло ни в какое сравнение с огромным накачанным торсом неприятеля. Тот стоял и не двигался, лишь иступлено моргал глазами и переводил растерянный взгляд с доктора на распластавшееся на полу тело, и обратно. Слова застряли у него в глотке.

Роберт обернулся к ближайшей камере наблюдения и крикнул:

- Носилки, быстрее! Ему срочно нужно сделать МРТ, нет ли внутричерепных травм! Быстро!

Спустя несколько секунд после этих слов в комнате появились санитары с носилками и бросились к телу Иззи Голдмена.

- Личный номер, - прошипел Роберт в лицо охранника. - Твой личный номер… быстро!

- Два ноль ноль… шесть четыре девять… - сорвалось с дрожащих губ.

- Имя…

- Кертис…

- Если с ним хоть что-нибудь случится, Кертис, ты пойдешь под трибунал… а теперь проваливай…

Роберт отпустил его и тот тут же скрылся за дверью. На глазах доктора Льюиса санитары аккуратно поднимали Иззи и клали его на носилки, которые едва заметно подались вниз под тяжестью его тела.

- Быстрее, пошевеливайтесь, - указывал Роберт. - Гретта.

Заметь биометрические показания клиента 92 8281.

- Выполняю, доктор Льюис. Пульс шестьдесят ударов в минуту. Давление сто десять на шестьдесят. Никаких отклонений от нормы не наблюдается.

- Все не так плохо… - сказал Роберт в пол голоса, обдумывая происшествие. Задумавшись, он и не заметил, как пальцами ощупывал свою аккуратную бородку. Опомнившись, он увидел, как санитары увозили из помещения Иззи Голдмена. Его рука невольно свисла с носилок и чуть покачивалась.

- Что, черт возьми, у вас там происходит?! - раздался в динамиках голос Артура Брауна.

Роберт обернулся к камере.

- Все в порядке, но надо провести обследование мистера Голдмена на предмет внутренних травм.

- В порядке? - переспросил Браун. - Как вы можете так спокойно говорить об этом? Как то, что произошло вообще можно считать порядком?

- Мистер Голдмен просто потерял над собой контроль, как это было… ранее.

В какой- то момент Роберт прекрасно почувствовал, какого было Иззи: общаться с кем-то глядя в камеру было ужасно неудобно.

- Я не собираюсь ничего слушать, как вы мямлите, доктор Льюис. За все случившееся вы ответите лично передо мной. Жду вас у себя в кабинете.

Голос Артура Брауна умолк. Роберт отвернулся от камеры, и одними губами произнес:

- Черт бы тебя побрал…

Он сделал шаг, и под ногами захрустели осколки кристаллов.

- Гретта.

- Слушаю вас, доктор Льюис.

- Где сейчас находится клиент 92 8281?

- В данный момент персонал центра перенес клиента 92 8281 в отделение нейрохирургии. Его готовят к полному сканированию. Состояние по-прежнему стабильно.

- Хорошо. Я хочу, чтобы ты здесь все прибрала к моему следующему приходу, и распорядись, чтобы установили новое видео-панно.

- Слушаюсь, доктор Льюис. Выполняю.

После этих слов он покинул кабинет, в котором уже появились небольшие роботы, которые принялись собирать кристаллы в специальный контейнер. Как и все прочее в этом новом мире, они подлежали дальнейшей переработки. Экран был разбит, но звук с внешней камеры до сих пор воспроизводился, и

в тот момент, как Роберт Льюис перешагнул через порог кабинета, за его спиной раздался звук встрепенувшихся птиц.

* * *

- Приступайте, доктор Льюис.

Артур Браун стоял возле окна, выходившего на панораму города. Возле настоящего окна из высокопрочного стекла, а не у обычного экрана. Его лицо чуть припекали живые солнечные лучи. Несмотря на столь приятную каждому человеку картину, брови Брауна были сдвинуты, а руки сложены за спиной. Роберт прекрасно знал, что означает эта прямая осанка, происходящая из армейской выправки.

- Во время очередного теста, мистер Голдмен рассказал о своем сне, в котором якобы видел своих родителей. Но на самом деле, по его описанию, он видел ту семью, которую убил много лет назад, - сказал Роберт, сверяясь с данными на экране планшета. - Сам же он не догадывается об этом.

- Почему, доктор Льюис? Почему он вспомнил о них.

- Я не могу ответить вам точно, пока не осмотрю его и не проведу ряд тестов…

- Я не об этом просил вас, - Браун обернулся. - Мне нужен ответ. Почему он начал вспоминать о своем прошлом?

Палец слегка надавил на кнопку, и планшет погас. Роберт опустил его во внутренний карман халата. Какое-то время доктор озадаченно молчал и смотрел в окно, но молчал не потому, что не знал ответа. Он молчал, потому что прекрасно осознавал, что для бюрократов, вроде Артура Льюиса нет ничего важнее результата. А результат сейчас был не самым лучшим.

Роберт прошелся по кабинету руководителя - позволил себе такую смелость. Его взгляд был прикован к небу и бесконечному покрову из белоснежных небоскребов, которые уходили далеко вверх. Он подумал, что бы сказал Иззи Голдмен, увидев эту красоту.

Иззи? Да, сейчас он подумал именно о нем. О нем, и о том, какому эксперименту его подвергли, даже не спросив его мнения. Безвольно Иззи Голдмен стал самым дорогим человеком на земле, но все дело было в том, что, казалось, только Роберт Льюис считал его человеком. Образец - именно это слово чаще всего звучало на конференциях, когда обсуждался вопрос Иззи, и о том, как его очередной мозг справляется с тем, что с ним сделали ученые.

Изменение модели поведения человека на генном уровне.

Иззи Голдмен ничего не знал об этом. Он не знал, что благодаря всем тестам, которые проводит доктор Льюис, он пополняет и без того невообразимую библиотеку научного сообщества огромного конгломерата темпами, превосходящими в сотни раз прежний научный прогресс. И даже если бы он смог узнать, как всего один человек смог развязать ученым руки, силы его мысли не хватило бы на то, чтобы охватить всю свою значимость для мира, для компании, которая стремилась создать идеальное общество послушных марионеток.

«Мы избавим наш мир от войн и насилия!» - заявляли они. Но на самом деле, за этими красивыми фразами и глазами, вселяющими уверенность в светлом будущем, скрывался замысел всемирного господства, где ни у одного человека не хватит духу воспротивиться их воле.

Все это было возможно, и ключом являлся человек, который даже не предполагал, что на него нацелено пятнадцать миллиардов глаз не только по всей Земле, но и с колоний на Марсе. Он не знал всю свою ценность и не предполагал, что где-то в недрах его мозга, в той части, которая отвечает за память, сидит ингибитор, который не позволяет ему вспомнить о своем прошлом.

- За последнее время мы добились прогресса в деле мистера Голдмена, сэр, - начал Роберт. - Как вы могли видеть на записях за последний месяц, мистер Голдмен гораздо лучше справляется с агрессией. Позвольте продемонстрировать, - он обернулся к большому экрану. Артур Браун молчал. - Гретта.

- Да, доктор Льюис.

- Воспроизведи файл номер 66273.

- Пожалуйста, доктор Льюис.

В этот же момент на экране возникло изображение. На записи был Иззи Голдмен и сам Роберт. Он посмотрел на себя и как-то невпопад отметил, что постарел.

- Эта запись была сделана около года назад. Мы проводили тест и должны были зафиксировать порог, когда агрессия мистера Голдмена выходит за рамки, и он теряет над собой контроль. По возрастающей шкале от нуля до сотни на тот момент показатель был на уровне семидесяти трех. Напомню, что целью эксперимента является повысить его хотя бы до девяноста шести, а в лучшем случае, конечно, создать абсолютный порог невосприимчивости.

Артур Браун внимательно смотрел на экран. На нем Иззи Голдмен сидел напротив Роберта и отвечал на ряд вопросов. Роберт спрашивал у него в основном о самочувствии, о снах, о мыслях. Они сидели и вели спокойную беседу, и в поведении

Иззи не было ничего, что могло бы предвещать беду. Пока…

Между ними завязался спор о книге «Над пропастью во ржи», и Иззи Голдмен не согласился с точкой зрения Роберта, которому книга понравилась, и он нашел ее одной из лучших прочтенных им. Иззи доказывал, что книга ни о чем, и он просто отказывается понимать тот смысл, который заложил в нее автор. Он горячо говорил о том, что она скучна, а герой чрезмерно реалистичен, что портит все впечатление. Иззи не замечал за собой, но в какой-то миг он начал просто беситься, когда Роберт опровергал его доводы и намеренно отказывался соглашаться. Иззи кричал, размахивал руками, хватался за волосы и, в конце концов, перевернул стол, с которого вихрем полетели различные приборы. Запись остановилась на том моменте, когда к Иззи Голдмену подбежали охранники и санитары.

- Тогда мистеру Голдмену дали успокоительное, и спустя три с половиной часа он попросил прощения за то, что вспылил. До сегодняшнего дня более-менее высокой агрессии с его стороны не наблюдалось, а показатель сопротивляемости внешним раздражителям повысился до восьмидесяти.

- А что же сегодня произошло? - спокойно спросил Браун, взглянув на Роберта.

- Даже не смотря на то, что мистер Голдмен научился принимать себя таким, какой он есть, и жить, не требуя ответов на вопросы, он все же до сих пор познает себя. Этого из человеческого генома удалить невозможно. Как я уже говорил ранее, нам нужно провести тесты и установить, что пошло не так, но, мне кажется, что ингибитор в его голове дал небольшой сбой, и крохотный отрывок его памяти проскользнул через эту брешь. Он увидел людей, которых убил, но принял их за родителей, как я уже говорил ранее. Разумеется, что с этим видением у него появилось еще больше вопросов, что дополнительное чувство беспокойства, приводящее к фрустрации и агрессии. Я считаю, что на данный момент это самое логическое объяснение ситуации.

Артур Браун не сводил с него глаз. Ему не нужны были догадки и предположения. Ему было нужно, чтобы Иззи Голдмен стал безопаснее белого кролика, а этого пока ему этого никто не предоставил. Его взгляд стал еще более хмурым.

- И вы называете это прогрессом, доктор Льюис?

Роберт был готов к этому вопросу.

- Гретта. Воспроизведи поочередно файлы под номером 48531, 32484 и 19658.

- Да, доктор Льюис.

Видео сменилось.

- Эта запись была сделана в третьем перерождении мистера Голдмена. В его прошлой жизни - уточнил Роберт. - Здесь ему тридцать девять лет. Показатель по шкале - пятьдесят семь.

Роберт Льюис выпрямил спину и сложил руки на груди. Уже много сотен раз он видел эту запись, как и другие записи из прошлых жизней Иззи Голдмена, и сейчас он прекрасно знал, что ждет непросвещенного Артура Брауна, для которого все долгая история Иззи была не более, чем черный курсивный шрифт на белых листах отчетов.

На видео Иззи Голдмен был совершенно другим, нежели каким они привыкли видеть его сейчас. У него были длинные скомканные волосы до плеч, вместо привычной аккуратной короткой стрижки. Осанка была сгорбленной, но самым страшным, был его взгляд. Он был опасливым и пустым. Это был взгляд дикого зверя, которого посадили на цепь.

Перед ним сидел молодой доктор, который всем своим видом старался держаться на расстоянии, и все же оказался слишком близко, когда Иззи перестал себя контролировать.

Иззи сорвался с места и подскочил к нему, кричал и размахивал руками у самого лица испуганного доктора, который хоть и был морально готов к такому повороту, на деле ничего подобного не ожидал. Доктор поднялся, и это было его ошибкой. Иззи Голдмен воспринял это, как вызов, и ударил доктора по лицу тыльной стороной ладони, от чего тот потерял равновесие и повалился на пол.

- Все обошлось только одной мужской пощечиной. В тот раз мистер Голдмен не зашел дальше этого, и когда появилась охрана, он уже забился в угол в нескольких шагах от доктора… - Роберт напряг память. - От доктора Конора. Да, так его звали.

Появилось следующее видео. Было заметно, как за прошедшее столетие изменился сам комплекс. Тогда он только-только был основан, переоборудован из тюрьмы, и больше походил на испытательную камеру, чем на лабораторию, в которой ставили эксперименты над возможностями человеческого организма.

- Второе перерождение. Тридцать один год. Показатель - девятнадцать.

Глаза Артура Брауна расширились, когда он увидел, как на видео Иззи Голдмен стулом сбил с ног человека, наклонился над ним и бил по лицу. Роберт прекрасно заметил это изменение, и глубоко в его душе что-то затрепетало. Он увидел, как на лбу и под носом руководителя появились капельки испарины.

- На тот раз сотруднику комплекса повезло чуть меньше, чем его коллеге из будущего. Мистер Голдмен избил его, сломал нос

и ключицу, а так же выбил три зуба. А теперь… давайте посмотрим на последнюю запись.

Изображение сменилось в третий раз, и сейчас Артур Браун глубоко пожалел о том, что согласился на просмотр.

Стены комнаты на видеофрагменте были выложены серой кафельной плиткой, с какими-то ужасными желто-зелеными потеками. Тогда комплекс был тюрьмой строгого режима, и никого особо не волновал комфорт заключенных. К ним относились, как к не более чем отрепью, попавшему сюда за свои гнусные преступления, так что об удобствах не было и речи. Но, даже перечисленное относилось лишь к обычным заключенным. К Иззи Голдмену это не имело никакого отношения. Несмотря на то, что он был первым человеком в мире и, который испытал на себе клонирование, и даже не подозревал об этом, по сути будучи невиновным, к нему все равно обращались, как к убийце, приговоренном к семи пожизненным заключениям.

- Первое перерождение. Мистеру Голдмену Сорок шесть лет. Тогда над ним еще не ставили экспериментов, и просто вели наблюдение, потому что считали, что, даже не смотря на то, что все его жизненные показатели были в норме, образец нежизнеспособен. Тогда он просто проходил осмотр у штатного врача. Именно после этого случая было принято решение о создании комплекса «Гретта».

Роберт продолжал говорить, но Артур Браун, казалось, уже не слушал его. Взгляд руководителя был прикован к экрану, на котором он видел нечто ужасное.

- Показатель - девять.

В динамиках раздался жуткий вопль - это, надрываясь, кричал умирающий человек. Иззи Голдмен сделал все слишком быстро, чтобы охрана успела среагировать. Спустя долгое время, он все-таки уловил шанс, когда останется один на один с врачом, и забаррикадировал дверь. Когда он начал избивать немолодого человека в белом халате, тот еще, наверное, предполагал, что все может обойтись. Но Иззи Голдмен считал иначе.

Белая лампа, свисающая с потолка и дающая скудный круг света, раскачивалась взад-вперед. В этом свете врач видел, как огромная черная фигура возвышалась над ним. Он видел, как горели яростью глаза нападавшего, чувствовал запах собственного пота и крови, слышал, как в дверь начали бить охранники и кричать, чтобы им немедленно открыли. И даже в тот момент его еще можно было спасти.

Все закончилось, когда психолог увидел в руке Иззи Голдмена металлическую ножку стула, который он с легкостью выдрал из пола. Мужчина в халате, по белоснежной сорочке

которого растекалось кровавое пятно, смотрел, как Иззи Голдмен делает замах рукой. Его губы шевелились, но слова так и не сорвались с них. Его пальцы скребли пол в надежде, что его вот-вот спасут, но надеждам так и не было суждено сбыться.

Иззи Голдмен ударил его по лицу, сделал замах, и ударил еще раз, и еще, и еще, и еще… Он бил его. Бил и смеялся голосом самого сатаны. Кровь брызгала на его выбритую голову, на лицо, грудь, руки. Кровь была везде, и даже на той самой раскачивающейся лампе были ее брызги, которые уже начали запекаться от тепла.

Когда охранникам все же удалось выломить дверь камеры, мужчина был уже мертв, а Иззи Голдмен стоял перед ним на коленях, задрав голову вверх, и смеялся. Его руки были опущены. Недалеко от тела мужчины лежал искореженный окровавленный стул.

- Выключите… - произнес Артур Браун и отвернулся от экрана, прикрыв рот ладонью.

Роберт еще некоторое время смотрел на него, а в динамиках все раздавался дьявольский хохот Иззи Голдмена, который только что убил человека.

- Я сказал, выключи! - закричал Браун.

- Спасибо, Гретта. Можешь остановить воспроизведение, - сказал Роберт спокойным голосом.

- Слушаюсь, доктор Льюис, - ответила она ему.

- Какого черта вы делаете?… - прошипел Браун сквозь подкатывающие рвотные позывы. - Зачем… зачем вы показали мне это?

- Вы спрашивали о прогрессе и ходе эксперимента, - ответил Роберт. - Теперь вы можете судить о том, каких успехов мы достигли на данный момент, сэр.

Браун не обернулся, но краем глаз посмотрел на Роберта.

- Я прекрасно знаю, чего вы добиваетесь, доктор Льюис. Не думайте, что я настолько слеп, чтобы доверять вам.

- Я не понимаю, о чем вы говорите.

- Нет… ты прекрасно понимаешь, о чем я говорю. И не смей мне лгать.

- Простите, сэр, но вы ошибаетесь. Я здесь только для того, чтобы выполнять свою работу, и если вы не возражаете, я сейчас собираюсь пойти и проверить состояние мистера Годмена.

- Мистер Голдмен…

Роберт готов был биться об заклад, что в этот самый момент перед глазами Артура Брауна мелькнула окровавленная ножка стула, опускающаяся на лицо испуганного психолога.

- Проваливай… я не хочу тебя видеть сегодня. Можешь

считать, что отчет удался.

- Да, - вежливо ответил Роберт. - Разумеется.

Он вышел из кабинета руководителя проекта «Гретта». Вышел, пребывая в состоянии небольшого триумфа, что впервые за все время участия в проекте он смог поставить этого бюрократа на место. Смог сломить его, пусть и не своими руками, а руками Иззи Голдмена. И все же, эта маленькая победа наполняла его легким чувством эйфории, которая пьянила, создавая прекрасное настроение.

В эту минуту Роберт позабыл о том, что Иззи сейчас лежал без сознания, а его тело просвечивается десятком лазеров, ищущих отклонения в его организме. Он не думал о том, что его собственная жизнь давно зашла в тупик, и теперь он словно стоит перед огромной непробиваемой стеной. Он лишь думал о том, как Артур Браун прикрыл рот ладонью, когда увидел смерть человека. Руководителю и прежде доводилось видеть, как сердца людей переставали биться. Но это было не так.

Несколько раз Роберт Льюис был свидетелем того, как его начальник зорко следил за той или иной операцией, а, точнее сказать, за опытом, и с тех пор смерть стала для него не более тонкой полоски на кардиомониторе и длинного противного звука. Но сегодня, сегодня Артур Браун увидел нечто ужасное. Это не было фильмом ужасов, где ты прекрасно знаешь, что кровь - не более, чем смесь различных красителей в нужной пропорции, или же компьютерная графика. Сегодня Браун увидел, что в жизни бывает кое-что страшнее белой бумаги отчета с жирной печатью красного цвета «Провалено». Сегодня, Арбур Браун по-новому познакомился со смертью, но это знакомство лишь на некоторое время вывело его из состояния равновесия и холодного расчета, в котором он пребывал ежедневно. После того, как приступ тошноты отпустил его желудок, он выпрямился с твердой мыслью о том, что Иззи Голдмен - монстр, которого лучше всего было казнить на электрическом стуле, а для эксперимента набрать детишек из стран третьего мира. Наивно было бы полагать, что после всего, чего они добились, Иззи Голдмен на самом деле просто отсидит свое последнее пожизненное заключение, после чего сможет наконец-таки кануть в лету.

Нет. Артур Браун прекрасно знал, что это будет продолжаться вплоть до того момента, пока корпорация видит в нем выгоду, и лишь сама корпорация сейчас решает, сколько жизней проживет Иззи Голдмен в этом «идеальном» обществе.

На его лице возникла злобная усмешка. Без сомнения, эта мысль подняла ему настроение, и он окончательно забыл о том, что видел на записи прошлое Иззи Голдмена. Он поправил белый

халат, и снова застегнул пуговицу на шее, которую ослабил во время приступа. Безмятежно заложив руки за спину, Артур Браун обошел свой стол и остановился.

- Гретта.

- Да, мистер Браун.

- Я хочу, чтобы с этого момента ты отслеживала все передвижения Роберта Льюиса.

- Передвижения доктора Льюиса в пределах комплекса и так отслеживаются системами безопасности.

- Нет, ты не поняла меня, - за своей спиной Браун сжал кулак. - Я хочу, чтобы ты отслеживала его и дома. Я хочу, чтобы он круглые сутки был под твоим наблюдением. Мне нужна полная информация о том, что он делает, с кем спит, и даже что ест на завтрак.

- Вы хотите активировать систему наблюдения в доме доктора Льюиса? - уточнила Гретта.

- Да, именно так.

Гретта ответила не сразу. Словно ее алгоритмы колебались, прямо как человек, принимающий сложное решение, идущие вразрез с собственно логикой и моральными принципами. Но, к сожаленью, она была лишь машиной.

- Слушаюсь, мистер Браун. Система активирована.

Артур Браун ничего не ответил. Его руки разжались, а улыбка на лице стала шире. Теперь все шло именно так, как он того хотел. Теперь Роберт Льюис был под его контролем.

* * *

- Гретта.

- Да, доктор Льюис.

- Открой дверь в кабинет интенсивной терапии.

Дверь отползла в сторону, и Роберт зашел в затененное помещение, которое освещалось лишь одной лампой над кушеткой Иззи, и еще несколькими мониторами, что отбрасывали слабое синее свечение. В палате пахло стерильностью. Точнее, здесь вообще не было никаких запахов, и тишина нарушилась только в момент появления Роберта. Иными словами, это помещение больше походило не на палату, а на камеру крематория, которая вот-вот наполнится бушующим пламенем.

- Мистер Голдмен.

Иззи обернулся.

- Боб.

- Как вы себя чувствуете?

Клиент в принципе выглядел очень даже неплохо, и, на самом-то деле, Роберт знал о его самочувствии лучше него самого. Просто он не знал, как иначе начать разговор.

- Неплохо, Боб. А как ты?

Роберту вспомнился Артур Браун. Вспомнились его глаза, наполненные неподдельным ужасом.

- Хорошо, спасибо.

- Я хочу извиниться, Боб. Извиниться за то, что вспылил.

- Все в порядке, мистер Голдмен.

- Ты просто выполнял свою работу. А я потерял самообладание. Мне следовало быть более сдержанным. Именно за это я и извиняюсь.

Не стоило скрывать, Роберту были приятны эти слова.

- Все в порядке, мистер Голдмен.

Иззи улыбнулся, и Роберт не поверил своим глазам. Улыбка этого человека появлялась настолько редко, что ее можно было сравнить с явлением кометы Галлея.

- Я не знаю, почему так произошло. Просто…

- Вы не можете разобраться в себе.

- Да, скорее всего, так оно и есть.

- Это нормально. Вам не стоит переживать из-за этого. Думаю, что скоро очень многое в вашей жизни прояснится, и тогда все встанет на свои места.

- Ты вправду так думаешь, Боб?

Роберт не спешил отвечать. Но не спешил лишь потому, что знал, что отделение интенсивной терапии под наблюдением службы безопасности, и его положение сейчас довольно шаткое, чтобы можно было смело разбрасываться словами.

- Гретта.

- Да, доктор Льюис.

- Отключи наблюдение в палате интенсивное терапии, и сотри запись с моей просьбой.

Все было очень просто. В данной ситуации приоритет был на стороне того, кто был выше по званию. Приоритет был у Артура Брауна.

- Сделано, доктор Льюис, - в алгоритмы Гретты не была включена функция лжи. Она просто делала то, что ей приказали.

- Спасибо, - Роберт нагнулся ближе к клиенту. - Я открою вам небольшой секрет, мистер Голдмен.

- Какой?

- В этом месте, я откровенен только с вами. Мне очень важно ваше уважение и доверие, и поэтому мне нет смысла вам лгать. Так же, я прекрасно знаю, что вы можете определить ложь от правды. И это я говорю сейчас не для того, чтобы втереться к вам

в доверие. Я говорю это вам, как… как друг может сказать другу.

Иззи Голдмен посмотрел в глаза и увидел, что Роберт говорил чистую правду.

- Я знаю, что ты не лжешь, Боб. И ценю это.

- Хорошо. Я хочу попросить вас о терпении, мистер Голдмен. Поверьте, очень скоро вы все узнаете о себе.

- Терпение, Боб. Терпение порой бьет гораздо больнее ножа, но я тебя за это не виню.

- Спасибо.

- Я дочитал ту книгу, - сказал Иззи, смотря в потолок.

- Про Франкенштейна.

- Да.

- И как?

- Как и ожидалось. Она великолепна. Я в ней почерпнул кое-что для себя, Боб.

- Да? И что же?

- Я узнал, как люди могут относиться к тому, кто ужасен снаружи. Как они могут вынести ему приговор, даже не разобравшись с его чувствами переживаниями. Я узнал, что каждый имеет право на тепло в своем сердце. А еще, я узнал, как трудно жить без прошлого.

Опустилась тишина. Роберт не знал, что ответить на это, но он прекрасно понял, что Иззи попал в самую точку. В этой книге, Иззи нашел себя.

- Порой, я задумываюсь, - продолжал Голдмен. - Как люди отнесутся к тому, кого они никогда не видели. Вернее… как бы общество отнеслось ко мне, если бы я покинул эти стены. Что бы они сказали?

- Люди не очень умны, мистер Голдмен. - с легкой иронией в голосе произнес Роберт.

Иззи посмотрел на него, в его глазах застыл интерес.

- Скорее глупы. Глупы и трусливы. Там, за этими стенами, они беспокоятся только себе. Сейчас, конечно, они стали гораздо лучше, чем были в прошлом. Закончились войны, мы перестали уничтожать собственную планету, и больше не высасываем ее соки. Озоновый слой залатали, и даже ледники перестали таять. Мы миновали все Концы Света, которые нам пророчили. Нас не стерла с лица земли ядерная война, и нашу планету не протаранил астероид. Но, знаете, мистер Голдмен. Если верить Зигмунду Фрейду, в самой основе человека лежат два противоположных инстинкта: эрос, который хочет любви и продолжения рода и танатос, стремящийся к хаосу и разрушению. Даже если у нас все хорошо, где-то очень глубоко в душе мы жаждем крови, если, конечно, можно так выразиться. История

человечества лишь доказывает этот факт. И если есть люди, которые желают хаоса, то есть и их антиподы, которые боятся этого больше всего на свете. Эта масса будет бояться всего, что будет идти вразрез с их представлением о спокойной жизни. Если все будут идти на запад, а вы пойдете на восток, они будут готовы растерзать вас, но только потому, что сами боятся изменить течение своей жизни. Вы понимаете меня… Иззи?

Тот обдумал слова.

- Да, кажется, я понял тебя, Боб.

- Я не хочу вас пугать или настраивать Иззи…

- Ничего, продолжай.

- Так вот. Мне кажется, что людям будет довольно тяжело принять вас, потому что в первую очередь…

Льюис помедлил.

- Боб?

- В первую очередь они будут видеть в вас того, кого они захотят увидеть - осужденного на пожизненный срок. Им будет неважно, какой человек кроется внутри вас. Многим, да даже большинству из них, будет достаточно повесить на вас ярлык заключенного. И в этом нет вашей вины, Иззи. Так устроено общество.

- Можно ли что-нибудь с этим сделать, Боб?

В голосе Иззи не было тех ноток надежды, какие люди обычно вкладывают в такой вопрос. «Можно ли как-нибудь это исправить?» - спрашивают они, и изо всех сил надеются на положительный ответ. У Иззи Голдмена все было просто. Он четко расставил свой взгляд на вещи, и спросил об этом просто так, без любопытства. Как он и догадывался, Роберт просто покачал головой.

- Не думаю.

На этот раз он солгал, и к его счастью эта ложь не была замечена Иззи. Роберт солгал, потому что знал, что именно над этим вопросом и трудится компания, и именно потому, что у них еще нет на него решения, жив Иззи Голдмен.

- Вы голодны? - поинтересовался он.

- Не особо, - ответил Иззи и поднял руку с капельницей физраствора. - Эти штуки отлично знают свое дело. Но, мне хотелось бы съесть чего-нибудь вкусного.

- Например?

- Не знаю, Боб, ведь выбор у меня здесь не велик. А что бы ты посоветовал?

Роберт Льюис облокотился на спинку стула и подумал.

- Кукурузу.

- Кукурузу? - удивился Иззи.

- Да. И, знаете, не консервированную, и не выращенную в лаборатории, а обычный початок молочной кукурузы. Ммм… - он прикрыл глаза и откинул голову назад. - Только что сваренная кукуруза, от которой еще поднимается легкий пар. Втереть в нее соль, и откусывать золотистые зерна… Да, однозначно, я посоветовал бы вам отведать кукурузы.

Иззи вновь улыбнулся.

- Надо же.

- Что такое?

- А ты, оказывается, не лишен человеческих эмоций, Боб.

Роберт рассмеялся.

- А вы предполагали, что я синтетический андроид?

- Что-то в этом роде.

- Нет, мистер Голдмен. Я точно такой же человек, как и вы. И, как и вам, мне не чуждо прекрасное.

- Только вот читаешь ты мало.

- Это да, мне больше приходится читать профессиональную литературу. Но я исправлюсь.

- Ловлю тебя на слове, Боб. И даже не думай, что я не узнаю, если ты не сдержишь обещание.

- Уверен, что вы узнаете об этом первым, мистер Голдмен. Не беспокойтесь.

Иззи Голдмен поежился в кровати.

- Как долго мне еще находиться тут?

- Вам тут не уютно?

- Да.

- Думаю, что сегодня мы еще понаблюдаем за вашим состоянием, а завтра вы уже сможете вернуться к себе.

- Это хорошо. А то я уже успел соскучиться по своим апартаментам.

- Охотно верю.

Они еще долгое время продолжали беседовать. Разговаривали обо всем на свете. Роберт рассказывал своему клиенту о мире прошлого. О том, каким раньше был Нью-Йорк, и какими были его жители. Рассказывал, о культурном наследии предков, о мировых войнах, о завоевании космоса, о распрях между государствами. Иззи тоже не оставался в стороне, и хотя он не мог поддержать разговор о прошлом человечества, он компенсировал этот недостаток книгами, которые прочел, и рассказывал о них.

В этот день не было ни одной тягостной минуты, в течение которой собеседники бы молчали и обмозговывали, о чем же еще можно поговорить. Их беседа была непрерывным потоком ценнейшей информации, из которой каждый черпал что-то свое.

Но на деле оказалось чуточку иначе, чем им думалось. Среди них был третий собеседник, который все это время оставался молчаливым. Арбур Браун, сидящий перед видео-панно, был лишь внимательным слушателем. Он сидел, закинув ногу на ногу, и перебирал пальцами рук. На лице держалась недобрая улыбка.

Он выключил монитор, и приказал Гретте продолжать запись. Потом, он вернулся к своему столу, опустился на высокое кресло, и долгое время что-то обдумывал.

Солнце за его спиной уже скрылось за тысячами небоскребами, среди которых не было видно просвета. Оно готовилось к отходу на другое полушарие, в тот момент, когда Артур Браун добрался до сути своих размышлений. Долгое время оставаясь в молчании, он начал перебирать какие-то слова, и его голос был тихим и осторожным. Это был голос человека, который должен был потревожить свое начальство, и сейчас тщательно обдумывал, как же это лучше сделать.

Наконец, он принял решение.

- Гретта.

- Да, мистер Браун.

- Соедини меня с Гордоном Элиотом.

- Уже соединяю, - ответила Гретта учтивым голосом.

На видео- панно появилось изображение человека, принявшего входящий звонок. Это был полный мужчина в дорогом черном костюме, сшитого в стиле английской классики. У него были редкие седые волосы, аккуратно уложенные на бок, и бледные, чуть ли не водянистые, глаза, которые со временем так и не утратили суровость. Его голос, как и прежде, был похож на взрыв тротилового заряда, и вселял трепет. Если на Земле и существовал человек, который мог бы вселить страх в Артура Брауна, то это был только Гордон Элиот.

- Артур.

- Мистер Элиот.

- Что случилось? Ты давно не выходил на связь.

- Прошу прощения. Дело в том, что у нас был небольшой инцидент.

- Инцидент?

- Да, но сейчас все в порядке, и не о чем беспокоиться.

- Очень на это надеюсь. Что с проектом?

- Как раз по этому поводу я вас и беспокою. Хочу обрадовать вас и сообщить, что образец 92 8281 близится к последней стадии эксперимента, и в скором времени мы будем готовы извлечь из него слепки ДНК.

Элиот подался вперед. Его глаза теперь стали не только грозными, но и испытывающими.

- Когда?

- Скоро.

- Меня не устраивает этот ответ, Артур. Мне нужны точные цифры.

- Месяц. Да, месяца вполне хватит.

- Хорошо. Я не стану напоминать тебе, Артур, какие у нас сжатые сроки. У тебя ровно месяц, после чего ты должен будешь предоставить результат эксперимента, и на твое же счастье, чтобы этот результат удовлетворил нас.

- Да, я понимаю это, мистер Элиот.

- Все. Конец связи.

Видео- панно погасло, и Артур Браун снова остался один на один с самим собой.

Он добился того, чего хотел. Он получил это с помощью Гретты, и теперь абсолютно неважно, что там говорит Роберт Льюис, который настаивал на том, что Иззи Голдмену нужно гораздо больше времени. Сегодня он получил доказательство, что Иззи находится в прекрасном здоровье и вполне готов к следующему шагу. К шагу, который лично его, Артура Брауна, сделает не только богатым, но и очень знаменитым человеком.

Да. Всего месяц. Всего месяц отделял его от высоты, к которой он шел несколько долгих лет. Всего месяц осталось жить Иззи Голдмену, и этот факт радовал его, как никогда прежде. Настроение, которое было сегодня нагло испорчено презентацией Роберта Льюиса, снова вернулось, и сейчас Артур Браун наслаждался собой.

Он вышел из кабинета и направился к своему электрокару, чтобы направиться домой и немного отдохнуть перед самым напряженным месяцем работы, который будет сулить ему несметные богатства и славу. Сегодня, он заслужил небольшой отдых.

* * *

Роберт вернулся домой затемно. После беседы с Иззи у него остался приятный осадок, словно впервые в жизни он смог поговорить с человеком, который понимал его, и даже в чем-то разделял его точку зрения. Удивительно, что на это потребовалось целых пять лет, но зато сейчас ему не казалось, что он потратил их впустую.

Он скинул с себя верхнюю одежду, принял горячий расслабляющий душ и переоделся в домашнее. Сегодня его квартира не казалась ему чем-то серым и унылым. Он будто не

замечал одиночества, которое царило здесь уже долгое время, и просто занимался своими делами.

Зайдя в кухню, он заглянул в холодильник и был рад обнаружить в нем остатки скотча, который он купил несколько дней назад. Сейчас тот факт, что за последнее время он причастил с алкоголем, ничуть его не пугал, и он повалился на диван с чувством расслабления, которое обычно приходит в конце тяжелого рабочего дня. Его тело ныло и просило отдыха, и он просто не мог отказать себе в этом удовольствии.

Он налили скотч в пузатый хрустальный бокал, и поставил бутылку на пол. На вкус напиток был гораздо лучше того, что недавно предложила ему Гретта в комплексе, и все же он больно обжигал горло, однако, в скором времени это ощущение прошло, оставив после себя мягкое ощущение тепла, и он смог насладиться терпким вкусом, дурманящим голову. Впервые за долгое время ему было по-настоящему хорошо и спокойно.

Этот день преподнес ему немало сюрпризов. Гораздо больше, чем он привык воспринимать. Сейчас события сменяли друг друга, и он потихоньку терял нить хронологии. В какой-то момент он и вовсе отказывался верить в то, что Иззи Голдмен разбил видео-панно прямо над их головами, а Артура Брауна чуть не вывернуло наизнанку, когда он просматривал видеозапись. И все же, как бы ему не верилось, но все это произошло сегодня.

В квартире Роберта не было установлено привычное голосовое управление. Он проводил здесь так мало времени, что в этом не было никакой нужды. Роберт подполз к краю дивана и ввел комбинацию на сенсорном экране управления домом. Фильтры на окне сменились видеорядом, и теперь он мог наблюдать лучи заходящего солнца, а не глубокую ночь. Больше всего ему нравились именно сумерки, когда солнце не светит уже так беспощадно ярко, а его лучи окрашиваются в приятный огненно-рыжий оттенок. Еще одна комбинация на сенсоре, и диван принял форму его тела, а под ногами появилась приятная мягкая подставка. Наступил момент полного расслабления, и Роберт снял с лица очки.

Тишина квартиры ничуть не давила на него. Наоборот, она не отвлекала от мыслей, которые, не умолкая, появлялись в голове и привлекали к себе внимания. Он прислушивался к ним, вел внутренний монолог, глядя перед собой, и потягивал скотч. Примерно так и выглядел его идеальный отдых. Ему было хорошо, как вдруг…

- Добрый день, доктор.

Роберт вздрогнул…

В его квартире раздался до боли знакомый голос, который ни

при каких условиях не мог звучать здесь. Это был голос Иззи Голдмена.

Прямо перед его глазами включился экран, и с него на Роберта смотрела изнуренное лицо Иззи. Он видел перед собой все те же умные глаза, в которых всегда горел интерес. Волевые скулы, подернутые колкой седой щетиной, были острыми и по-мужски правильными, словно их высекли из мрамора. Над верхней губой - густые седые усы, в которых еще можно увидеть отголоски давно ушедшей молодости. На лбу и под глазами - глубокие морщины.

Роберт не верил своим глазам. Он видел перед собой человека, которого знал уже восемь лет, и пять из них - лично. Он знал каждую черту лица Иззи Голдмена, и все же, сейчас…

Сейчас перед ним появился совершенно иной человек, гораздо старше того Иззи, которого он видел несколько часов назад, и это пугало его. Роберт не понимал, что происходит. С момента приветствия, Иззи Голдмен не произнес ни слова. Он просто смотрел, дышал, моргал и иной раз втягивал плечи и снова выпрямлялся, но молчал, словно выжидая чего-то.

- Думаю, - произнес Иззи, - Что вы прекрасно знаете, кто я. Поэтому представляться нет смысла. Я понимаю, каким растерянным вы себя сейчас чувствуете, и все же, я хочу попросить вас о предельном внимании.

Роберт догадался, в чем было дело. Сейчас он видел перед собой прошлого Иззи Голдмена, и именно в этот момент Льюис вспомнил нечто существенно важное. Нечто, что могло служить ключом к происходящему и дало бы ему представление о происходящем, но он никак не мог сконцентрироваться и просто смотрел на экран.

- Я не знаю, как вас зовут, но уверен, что вы сотрудник корпорации и работаете над проектом «Гретта», - глаза Иззи были растерянными, и где-то даже испуганными. Роберту показалось, что в них затаился неистребимый ужас, укрытый множеством слоев подозрительности. - Так же, я знаю, что вы получили это сообщение в не столь далеком, но все же в будущем, и сейчас к вам обращается человек, которого давно нет в живых. Вернее… я есть, но это другой я. В общем, вы прекрасно понимаете, о чем идет речь.

Роберт понимал. Не отрывая взгляда от Иззи, он отставил бокал с недопитым скотчем и приблизился всем корпусом к экрану. В голосе Иззи он разобрал какие-то тревожные нотки, и все в целом - взгляд, тембр, видеозапись - заставляли его поймать себя на мысли, что что-то пошло не так.

- Я хочу сказать вам, кое-что, доктор. Дело в том, что я узнал о сути проекта «Гретта». Узнал, чем вы занимаетесь уже на протяжении более двухсот лет, и мне это не по душе. Дело не в том, что это претит морали. В этих четырех стенах люди давно забыли о ней. Дело в том, доктор, что я понял, к чему это все приведет, и я не хочу быть задатком всего того, что нас ожидает в будущем благодаря успеху проекта «Гретта». Сейчас, вы смотрите эту запись, потому что тоже начали сомневаться в правильности своих действий. Я заявляю это с полной уверенностью, и даже если вы сейчас так не считаете, это чистая правда. Я взломал Гретту и запрограммировал ее так, чтобы она показала это видеосообщение тому, кто подойдет по ряду критериев, заложенных мною. И, видимо, вы и есть тот самый человек.

Льюис отказывался верить в происходящее. В какой-то момент ему показалось, что это галлюцинация, сон… да что угодно, только не реальность!

- Дело в том, доктор, что вы переступили через очень тонкую черту. Вы получили это сообщение, потому что компания стала отслеживать ваши действия, и сейчас, в тот самый момент, когда вы слышите эти слова, за вами ведется наблюдение…

Роберт вздрогнул. Внезапно он почувствовал, как волосы зашевелились на его руках, а по спине пробежало колкое неприятное ощущение. Горло сдавил ком.

- Чтобы поверить в правдивость моих слов, я дам вам несколько минут на то, чтобы вы смогли сами проверить это. Спросите у Гретты.

Иззи замолчал. Он просто молча глядел в камеру и ждал, пока Роберта отпустит оцепенение.

- Гретта?… - произнес он неуверенно.

- Да, доктор Льюис, - ответила она и Роберт вздрогнул. Его

тело пробила дрожь.

- Что происходит…

- Вы получили видеообращение клиента номер 92 8281, сделанное тридцать семь лет назад. Его подлинность - 100%.

- Как такое возможно?

- Клиент номер 92 8281 взломал мою операционную систему и внес в нее ряд изменений. С помощью этих изменений корпорации не удалось отследить сбой. Ввиду этого о факте взлома остается неизвестно руководству.

- С какой целью это было сделано?

- Наблюдаемый Иззи Голдмен привел в действие протокол, организованный на случай, если корпорация начнет отслеживать все перемещения и действия персонала, максимально приближенного наблюдаемому.

- Что за протокол?

Иззи Голдмен продолжал молчать. В далеком прошлом он знал, что у неизвестного доктора возникнет слишком много вопросов, и ему нужно дать достаточно времени, чтобы смириться и принять суровую правду.

- Протокол №7.473 пункт 3.6: в тот случае, если персонал проекта «Гретта» начинает слишком тесно сближаться с наблюдаемым, он - персонал - подлежит полному наблюдению. Это делается с целью предупреждения любой угрозы для проекта. Если же действия персонала влекут за собой последствия, персонал подлежит устранению.

Глаза Роберта округлились. Он не верил в то, что услышал.

- Что значит… устранение?

- Физическое, доктор, - спокойно сказал Иззи. Он отвечал так, словно слышал весь диалог и видел реакцию Роберта Льюиса. Вот только… их разделяли тридцать семь лет. - Сейчас мне… в смысле… другому Иззи Голдмену чуть больше тридцати, так?

- Так… - машинально ответил Роберт.

- Думаю, что очень скоро у вас начнется та самая фаза эксперимента, во время которой мозг будет полностью сформирован и готов для передачи данных. Мне не стоит вам напоминать, доктор, что последует за этим. Иззи Голдмен… Боже… - от прикрыл глаза рукой, - Как же неприятно говорить о себе в третьем лице… Иззи Голдмен умрет, и вы, скорее всего, последуете за ним. Можете не сомневаться в этом. Корпорации гораздо проще будет избавиться от того, кто задает слишком много вопросов, чем пытаться вас утихомирить. Вы наверняка не знаете, но и в прошлом практиковались столь радикальные методы. Эта информация была скрыта от вас, но теперь, у вас будет доступ к ней, и вы при желании сами можете узнать обо

всем этом. Доктор, вам ведь и впредь не все договаривали.

Роберт понял, что Иззи был совершенно прав. Голдмен продолжал говорить, но в памяти Роберта уже зазвучали сцены и обрывки фраз и недавнего прошлого. Ему вспомнилось множество случаев, когда попытки узнать ту или иную информацию пресекались довольно суровыми методами. Он вспомнил, как ни раз и не два Артур Браун в разговоре упоминал о лишении гранта в случае провала эксперимента, и сейчас, он кое-что понял. Понял, что его не выпустят просто так…

Роберт Льюис увяз в этом, и в тот самый момент, когда он поставил цифровую подпись в своем контракте, уже не было пути назад. Либо он с корпорацией, либо он против нее. Иного выбора не было.

- Я хочу, чтобы вы знали, доктор. Я прекрасно понимаю вас. Наверное, только человек, оказавшийся в моем положении, может понять вашу ситуацию. Хотя, точно так же, как и вы можете понять меня. Так же, я знаю, какой болезненной может быть правда и что вы сейчас отказываетесь в нее верить. Не сомневайтесь. Сейчас все обстоит именно так, как это вам представилось. Исчезли все градации, доктор, и выбора у вас больше нет. Он был у вас, когда-то… но в тот самый момент, как руководитель компании приказал установить наблюдение за вашим домом, пути назад у вас уже не было. Черт возьми… как же это все сложно…

Иззи замолк. Роберт боялся его перебить. Гретта ждала команды.

- Стоит только подумать о том, что я записываю послание в будущее… что я обращаюсь к человеку, которого никогда не увижу… что я вообще третье перевоплощение самого себя… клон… Доктор… - Иззи приблизился к экрану. В его глазах был ужас. - Я видел инкубаторы, в которых вы выращиваете детей. И видел операционную, где вы проводите трепанацию черепа. Я видел… доктор… Я видел хранилище, в котором вы замораживаете всех тех, на ком эксперимент дал сбой… я видел себя в нескольких криогенных камерах… мертвого… замороженного… где-то старого… Где-то моложе… но это все был я, доктор… это все я… они - это я…

По щекам потекли слезы…

- Как далеко готова зайти корпорация ради своей выгоды? Доктор, сколькими жизнями они готовы пренебречь? Стоят ли эти пустые обещания об идеальном обществе того, чтобы сейчас погибло столько людей?… - Иззи заглотнул ком воздуха. Его кадык дернулся вверх, а после опустился вниз. Он собирался сказать что-то очень и очень важное. - Доктор. Я… Иззи Голдмен

убил семерых человек… среди них четверо - дети… это чудовищно, я монстр. Это никак не оправдывает меня. Но, скажите, неужели я заслужил всего этого? Неужели один человек своим проступком, пусть даже столь ужасным, заслужил бессмертия? Вечные пытки… опыты… эксперименты… Доктор. Вы… корпорация создала ад на земле. Ад всего с одним грешником. Ради чего? Ответьте. Ответьте не мне. Сделайте это для себя…

В горле Роберта Льюиса пересохло. Он не мог вздохнуть, не мог пошевелиться. Роберт не мог отвести взгляда от пристальных глаз Иззи Голдмена, блестящих от слез.

- Я боюсь, доктор. Я боюсь завтрашнего дня… я потерял сон, совершенно не ем. Я похудел, и все время болят глаза. У меня немеют руки. Я не знаю, что со мной происходит… я… доктор… я даже не знаю, на самом ли деле я чувствую боль, или же ученые внушили мне, что я должен ее чувствовать? Доктор… что со мной происходит? Пожалуйста… пожалуйста, ответьте мне…

Роберт не знал, что сказать…

- Это слишком больно… я… я хотел бы, чтобы меня приговорили к смертельной инъекции. Я хотел бы умереть еще тогда… когда Иззи Голдмен был единственным Иззи Голдменом на земле. Чудовищем, но настоящим… Почему… почему они выбрали именно меня? Я не тот человек, который совершил эти убийства. Я… я не знаю, кто я… почему я должен расплачиваться за то, что было сделано два века назад? Почему меня просто нельзя было убить. Кто я, доктор? Человек?

Слезы уже попросту лились из его глаз и падали большими грузными каплями с подбородка. Его губы тряслись, и все лицо Иззи источало невыносимую бесконечную боль. Роберт почувствовал, как по его собственному лицу скользнула слеза и укатилась вниз. Он молчал и следил за каждым движением Иззи Голдмена. Вглядывался в его лицо, в его глаза, ловил каждое слово, потому что для него оно было бесценно. Роберт прекрасно почувствовал ту связь, которую Иззи вложил в это сообщение. Он почувствовал боль человека, с момента смерти которого прошло больше лет, чем он, Роберт, прожил на земле.

Внезапно, Иззи замолчал. Он отвел взгляд, и сейчас смотрел куда-то в сторону и вниз. Роберт заметил, как сильно постарел этот человек. Притом, виною тому были далеко не прошедшие годы. Иззи Голдмен старел от горя, которое обрушилось на него. Это был человек, который не понимал, в каком направлении протекает его жизнь и что его ждет за следующим поворотом.

- Простите меня, доктор, но я больше не могу так, - он сделал глубокий вдох. В этот момент Роберт внезапно вспомнил то, что

было ключевым моментом этого разговора. Роберт вспомнил, что прошлый Иззи Голдмен покончил жизнь самоубийством, и сейчас у него похолодело все внутри. Его пальцы сжались в кулаки. - Все эти годы я жил, как лабораторная мышь. Я ел, спал, разговаривал, и все это было по распорядку, который даже не я сам составил для себя. Это была просто модель. Модель, которая, возможно, просто заложена в меня, и я слепо следовал ей. Но больше я так не хочу, - Иззи закатал рукава своей белоснежной рубашки. - Я хочу сам решать свою судьбу. Хочу сам делать свой выбор, доктор, и, надеюсь, что вы сможете меня понять.

Роберт вжался в диван. В его висках бешено барабанил пульс, голова начала ужасно болеть. Он почувствовал, как его ногти впиваются в ладони.

- Думаю, что сейчас вы уже догадались, что я собираюсь сделать. Прошу, не осуждайте меня за это. Все же… все же хорошо, что мне удалось перепрограммировать Гретту. Никто не увидит, как я это сделаю, и не сможет мне помешать.

- Нет… - сорвалось с губ Роберта. Иззи Голдмен его не услышал.

- Но прежде, доктор. Прежде, чем я сделаю свой выбор, я хочу, чтобы вы меня очень внимательно выслушали. Поверьте, сейчас, в вашем времени, нет ничего важнее этого, и я искренне надеюсь, что еще не поздно что-либо исправить. Надеюсь, что корпорация еще не добралась до своей цели. Если это так, если у нас с вами еще есть время, то вы просто обязаны не терять его даром. Я… я скажу вам, что нужно сделать, и вы должны пообещать самому себе, что выполните это.

Роберт приблизился к экрану.

- Вот, что вам нужно сделать…

Льюис ловил каждое его слово. Как и предполагалось, поначалу, он отказывался верить во все, что слышит. Отказывался выполнять поручение своего друга из прошлого. Но, со временем, он начал понимать, что иного выхода нет. Он смотрел в глаза Иззи Голдмена так близко, словно он был настоящим и стоял рядом. Роберт слушал его речь, как священнослужитель слушает проповедь пастыря - ловя каждое слово. Он видел, как тяжело Иззи дается правда, но понял, что он поступает правильно.

Иззи Голдмен снова умолк. Он сказал все, что нужно было, и тем самым выполнил свою миссию, которую сам же перед собой поставил.

- Вот и все, - произнес он. - Теперь, мне остается только надеяться, что это сообщение попадет в нужные руки. Я надеюсь… надеюсь…

Иззи утер слезы. Закатанный рукав рубашки давил на руку и

было видно, как выступили толстые вены. Иззи взглянул наверх.

- Я надеюсь, что это когда-нибудь обретет свой конец, доктор. Я бы очень этого хотел. Спасибо…

Больше он ничего не сказал, не произнес ни слова, ни звука. Лишь только в тот момент, когда игла пустого шприца вошла в вену, его лицо чуть дернулось, словно по нему пробежала дрожь. Иззи медленно надавил на шприц, воздух просочился в кровь. Но, лишь на момент. Потом все ушло…

Роберт видел, как Иззи Голдмен сморит на свои руки, из которых утекала жизнь. Льюис увидел, что на лице этого человека появилась робкая, но такая живая улыбка. Иззи Голдмен сделал свой выбор, и он был чертовски рад, что, хотя бы раз в жизни, сделал это сам. Как настоящий человек, он принял решение, и смог сам распорядится остатком своего времени. Иззи перевел взгляд на камеру, чтобы посмотреть на своего приятеля из будущего, в последний раз… и… в этих глазах… Роберт увидел в них выражение безграничного счастья, легкости и… свободы…

Иззи Голдмен закрыл глаза, и его голова упала на грудь. Больше ничего не происходило.

Сдавленное прерывистое дыхание раздалось в тишине. Роберт плакал и дрожал. Дрожал и плакал. Его сердце сжалось до размера крохотного камня, и, казалось, перестало биться вместе с сердцем Иззи Голдмена. Он закрыл лицо руками, чтобы сдержаться, но это было невозможно. Истерика, самая настоящая истерика пронзила его, как может пронзать только финский нож. Роберт плакал, и внутри его царила ужасная боль…

Боль потери…

Он пропустил ее через себя.

- Гретта, - сказал Роберт.

- Да, доктор Льюис.

- Выключи запись.

Экран погас. Роберт снова оказался наедине с самим собой. Истерика уже прошла, но в горле до сих пор стоял ком, а на лице чувствовались холодные колючие слезы. Он отнял руки от лица, встал и подошел к окну. В его голове сейчас кружило слишком много мыслей, чтобы можно было просто забыть о произошедшем. Стекло окна было прохладным, и в него до сих пор светил несуществующий закат. Роберт прислонился к стеклу щекой, чтобы ощутить эту прохладу, и чтобы от лица отлило волнение. Действительно, стало немного легче, но он до сих пор видел перед собой, как Иззи Голдмен закрыл глаза и уронил голову.

- Я должен это сделать, - произнес он, снова и снова прокручивая в голове все услышанное. - Я должен это сделать…

Гретта.

- Да, доктор Льюис.

- Ты сейчас передаешь видеоизображение моей квартиры в комплекс?

- Да, но использую для этого идентичную запись, сделанную полгода назад.

- Значит, никто не знает о том, что здесь произошло?

- Нет.

Роберт выпрямился и вытер лицо.

- Гретта, скажи мне. Что тебе приказал Артур Браун?

- Мистер Браун велел активировать систему круглосуточного наблюдения за вами.

- Сукин сын… - Роберт сжал губы.

- Доктор Льюис.

- Что, Гретта?

- Думаю, вам будет полезно узнать, что мистер Браун связывался сегодня по видеосвязи с Гордоном Элиотом.

- С президентом корпорации? - удивился Роберт.

- Да, именно.

- И что он сообщил ему?

Льюис взволновался не на шутку. Осознание чего-то страшного, что уже не повернуть вспять, пришло к нему слишком быстро, и он совершенно не был готов к нему. Голова снова отдалась болью.

- Мистер Браун сообщил Гордону Элиоту, что в скором времени образец 92 8281 будет готов к извлечению слепков ДНК…

- Что?! - вскрикнул Роберт. - Какого черта творит этот идиот?!

- Вопрос задан некорректно, доктор Льюис. Я не могу ответить на него.

Роберт схватил себя за волосы и зажмурил глаза. После минутного промедления, он спросил:

- Что еще он сказал ему? Что он сказал ему, Гретта?

- Мистер Браун заявил, что для извлечения слепков ДНК из наблюдаемого Иззи Голдмена, потребуется месяц, после чего образец 92 8281 будет готов к трансплантации.

- Нет! Нет! - кричал Роберт. - Он еще не готов к этому!

- Да, верно, доктор Льюис. В данное время состояние образца 92 8281 можно охарактеризовать, как тяжелое. Его физические функции в норме, но датчики мозговой активности показывают высокий риск возникновения инсульта, который наблюдаемый скорее всего не сможет пережить.

- Он слишком слаб для этого… он не сможет…

Роберт произносил те слова, которые он обычно и сказал бы в

этой ситуации. Но сейчас в нем что-то изменилось.

Льюис обессилил и опустился на пол. В груди возникла неприятная боль. В этот момент, после просмотра сообщения Иззи Голдмена, после принятия новой правды, Роберт понял, что не сможет взять слепки ДНК из нынешнего Иззи. Не сможет так поступить с человеком, который стал ему дорог. С человеком, который жив и хочет жить.

- Доктор Льюис.

- Да, Гретта.

- Мои датчики зафиксировали, что ваше сердце стало биться гораздо чаще. В таком состоянии есть риск…

- Спасибо, Гретта. - перебил он. - Я знаю.

Она замолчала. Замолчала так, как только может замолчать чуткий собеседник, почувствовавший переживания своего товарища. Нет, Гретта, конечно же, не поняла этого. Она просто выполняла протоколы, заложенные в ней, и было безнадежно и глупо рассчитывать на проявление ее чувств, которых не было.

Роберт это знал, но сейчас, быть может, самый первый раз за всю его жизнь, ему захотелось, чтобы рядом оказалась хоть одна живая душа. Сообщение Иззи Голдмена изменило все, не только порядок вещей, но и изменило какую-то струнку внутри самого Роберта. Он осознал, что ужасно одинок. У него есть та самая свобода, которой лишен Иззи, но он не может вкусить ее сладости, не может насладиться безграничностью своих действий. Роберт не может дышать полной грудью. Он связан. Связан точно так же, как может быть связан заключенный, брошенный в тюремную камеру.

Он осмотрелся.

В комнате уже совершенно стемнело, и даже ненастоящий закат постепенно начал тухнуть и превращаться в ночную холодную мглу. Квартиру Льюиса затягивало мраком, который подкрадывался со всех сторон. И тишина…

Тяжелая… гнетущая тишина, которая в один прекрасный момент сведет тебя с ума и заставит пойти на отчаянный поступок, лишь бы только разорвать ее своим собственным криком.

Ему было холодно. Роберт Льюис пересел прямо под окно и прислонился к стене, обняв колени. Никогда еще он не чувствовал себя так паршиво, так растерянно. В его жизни очень часто приходилось принимать множество решений, и пусть порой они были невыносимо трудными, но выход он находил всегда. Вплоть до этого момента. Сейчас, он не имел ни малейшего понятия, что ему делать.

Или…

- Нет… - произнес Роберт и посмотрел прямо перед собой.

Он поднялся с пола, зашел в ванную комнату, чтобы умыться ледяной водой, а после вернулся в гостиную. Льюис вспомнил, что сказал ему Иззи Голдмен, прошлый, прежде чем расстаться с жизнью. И сейчас… да… сейчас это было единственным правильным решением, и Роберту нужно было поступить именно так. Иного выбора не было, и речь сейчас шла не только о личных амбициях кучки людей. Речь шла о гораздо большем, чем можно было себе представить. Но Роберт представил.

Зайдя в кабинет, Роберт Льюис подошел к своему столу, который был усеян множеством профессиональной литературы. Он шел уверенно. В его действиях не было и толики сомнения, и Роберт прекрасно знал, что именно ему нужно. Пересмотрев старые записи, датированные началом эксперимента с последним, нынешним, Иззи Голдменом, он стал тщательно изучать все материалы, по которым обычно просто пробегал глазами. И это было именно то, что нужно.

В его руках была зажата толстая потертая папка, на лицевой стороне которой крупными буквами было написано «Гретта».

- Ты меня слышишь?

- Да, доктор Льюис.

- Скажи мне, как много информации по Иззи Голдмену скрыто от меня?

- С данным уровнем, вы имеете доступ к двадцати трем процентам от всей информации.

Роберт обернулся.

- Двадцать три процента?

- Верно.

Он помолчал.

- Гретта.

- Да, доктор Льюис.

- Предоставить мне полные данные по Иззи Голдмену, включая закрытые и засекреченные сектора. Все, что было от меня скрыто…

Гретта не медлила и не колебалась. Просто внутри нее, где-то в середине ее технологичного сердца, активировалась крошечная крупица того, что в нее заложил Иззи.

- Выполнено, доктор Льюис.

Да. Без сомнений. Теперь, Роберт прекрасно знал, что ему нужно делать.

* * *

Роберт оказался прав, хотя Иззи и без того ничуть не сомневался в его словах. На следующий же день после инцидента Голдмена перевели обратно в свою камеру, и она показалась ему по-настоящему уютной. Он вернулся домой, и был очень рад этому. Все случившееся было для него слишком диким, даже для того, чтобы думать об этом. И все же, забывать об этом не следовало.

Иззи Голдмен снова был на своем месте, и заметил, как его дни наполнились спокойствием. Он и раньше замечал это, но теперь он смог от всей души насладиться этим чувством. Ему не нужен был внешний мир. Ему не нужны были люди. Ему вообще ничего не было нужно. Только его комната, его постель, книги и вечное жужжание камер наблюдения. Это все было его, и здесь он чувствовал себя комфортно и в безопасности.

Дни снова вошли в прежнее русло. Роберт навещал его каждый день, и она разговаривали долгими часами. Разговаривали втрое больше обычного, и Иззи это нравилось. У них всегда было, что обсудить, о чем подискутировать, и чем поделиться.

Иззи продолжал выполнять привычные психологические тесты, и Роберт утверждал, что тот отлично с ними справляется, и ему нравится душевное состояние Голдмена. Однако как-то раз он все-таки заметил что-то в поведении Льюиса, что его заинтересовало.

- Боб?

- Мистер Голдмен.

- У тебя все в порядке?

- Да, все хорошо. А почему вы спрашиваете?

- У тебя стали дрожать руки.

Роберт посмотрел на ладони, вытянул их вперед и растопырил пальцы. Они чуть тряслись.

- И вправду, дрожат. Это от переутомления, мистер Голдмен.

- Много работаешь?

Тот ответил не сразу.

- Да. В последнее время… в последнее время столько всего навалилось, и я сейчас стараюсь разобрать это все по полочкам.

- Удается?

Льюис посмотрел на Иззи.

- Да, конечно, - он улыбнулся, но улыбка вышла довольно тяжелой.

- Боб, скажи, у тебя вообще бывает отпуск?

- Отпуск? Хм… я не помню, когда брал его в последний раз, мистер Голдмен.

- А брал ли вообще?

- Нет… я пришел сюда работать сразу, как окончил учебу. Знаете, у стажеров и так хватает проблем, чтобы еще думать о развлечениях и отдыхе. Поэтому…

- Ты трудоголик, Боб?

- Думаю, нет. Я просто очень люблю свою работу.

- А разве это ни одно и то же.

- Вовсе нет.

После того раза прошло несколько недель, и Иззи еще не раз спрашивал Роберта о его состоянии. По словам самого Иззи, Льюису становилось все хуже и хуже, и хотя он старался это тщательно скрывать, выходило скверно.

Голдмен был довольно учтивым человеком с теми, кого он подпускал близко к себе, и не стал лезть в душу к Роберту. Где-то глубоко в душе он понимал, что состояние Роберта связано не только с его работой. У Льюиса и прежде были завалы и всевозможные нескончаемые отчеты и анализы, но прежде он не выглядел столь уставшим, и даже озабоченным. Иззи догадывался, что отчасти это наверняка связано с ним самим, и, может быть, у Роберта появились проблемы именно тогда, когда он вспылил и разбил видео-панно. Он был прав, но видел только вершину айсберга.

Иззи не знал… он не мог знать, что ждет его в будущем, хотя, казалось, об этом знает весь персонал комплекса. Он не знал, что тот срок, который был назначен Артуру Брауну, истекает слишком быстро, и у него осталось не так уж и много времени. Он просто продолжал жить своей степенной жизнью. Но в голове его всегда крутились мысли обо всем, что происходит вокруг, и его внимательный взгляд зорко следил за всем, что попадало в зону досягаемости.

Дни сменяли друг друга, и ничего не происходило, что могло бы накликать беду. Но, однажды случилось то, о чем Иззи Голдмен догадывался долгое время.

Это произошло в самый обычный день. Иззи проснулся, позавтракал, сделал зарядку и принял душ. Его досуг был не очень-то разнообразным, но он давно научился грамотно распределять свое время. Скучать ему не приходилось.

Когда Роберт Льюис открыл дверь в его камеру, Иззи лежал на кровати и читал «Войну миров». В этом появлении было что-то необычное. Иззи смотрел на доктора Льюиса. Глаза того были сосредоточенными, слишком сосредоточенными, что было не похоже на обычное спокойное хладнокровие Роберта.

- Доброе утро, мистер Голдмен.

- Доброе, Боб.

- Как вам спалось?

- Жарко и душно.

- Да, - согласился Роберт и посмотрел на видео-панно. За ним был полдень, залитый ярким солнцем. - Лето уже в самом разгаре. Теперь будет только жарче.

- Лето… - произнес Иззи и тоже посмотрел на панно. - Это просто еще одно лето, Боб. Ничего особенного. Следующее будет точно таким же.

Следующее… следующее лето… Иззи сидел спиной к Роберту и не видел, как досада, злоба и страдание исказили его лицо при этих словах. Роберт прекрасно знал, что, возможно, жить Иззи Голдмену осталось чуть больше трех дней, при самом благоприятном исходе. Льюис вспомнил взгляд Иззи, который обращался к нему из прошлого и подумал, что незаурядный ум, скрывающийся за пронзительными карими глазами, не сможет изменить даже время, и тот мистер Голдмен, который сейчас сидит рядом с ним, наверняка догадывается о том, что это будет не обычное сканирование головного мозга.

- У вас все хорошо? - произнес Роберт.

- Все хорошо, Боб, - ответил Иззи, не оборачиваясь.

- Иззи…

Тот обернулся. Уж слишком редко доктор Льюис называл его по имени.

- Боб.

- Вам нужно пройти со мной.

Голдмен улыбнулся.

- Что на сей раз, Боб? МРТ? Тесты на выносливость? Проверка логического мышления?

Кадык Роберта дрогнул. Иззи успел заметить это.

- Сканирование.

- Простое сканирование?

- Да, - он старался отвечать как можно проще, чтобы не выдать переживания в своем голосе. Каждую секунду Роберт помнил, к чему приведет это сканирование, а, вернее, что оно покажет. Сегодняшний день должен решить, готов ли Иззи Голдмен к извлечению слепков ДНК. Иззи был готов, и Льюис отлично знал это.

Иззи не сводил с него глаз, но в них не было призрения и злобы. В них было смирение. Он догадался, что сегодня особенный, очень важный день. Он не знал, что он будет означать, но зато прекрасно понимал, с каким трудом Роберт Льюис принимает это решение, и был благодарен ему за это.

- Хорошо, Боб. Как скажешь. Идем.

Голдмен поднялся с кровати и вышел из камеры. Следом вышел Роберт.

- А где охранники? - Иззи осмотрелся по сторонам, но кроме них двоих не было больше никого.

- Они не нужны, мистер Голдмен.

- Не нужны?

- Я полностью уверен в вас, поэтому охрана ни к чему.

Иззи кивнул. Они поняли друг друга.

- Нам сюда, - сказал Роберт, указывая на восточный коридор.

Льюис зашагал быстрее. Иззи Голдмен шел рядом. Артур Браун следил за ними сидя в своем кресле, потирая костяшки пальцев. Сегодня…

Сегодня…

* * *

Сегодня, он был действительно расслаблен. Дело всей его жизни, его цель, то, к чему он шел уже больше десяти лет, должно было решиться сегодня, и он был уверен в успехе. Многие на его месте испытывали бы волнение, переживание или же страх. Но только не он.

Артур Браун был спокоен. Спокоен, как никогда прежде. Словно высеченный из холодного белого мрамора, он стоял у окна в комнату обследования в своем неизменно белом халате и наблюдал, как Иззи Голдмену делали сканирование.

Да. Сегодня, он был дьявольски спокоен.

- Мистер Браун…

Он обернулся. Перед ним стоял невысокий человек в очках. Всего лишь одна пешка из медперсонала.

- Что такое?

- Реакция положительная.

Ледяная улыбка рассекла его рот, а глаза загорелись.

- Хорошо, спасибо.

Медик откланялся и попятился назад, оставив Артура Брауна наедине с собой.

Он стоял и смотрел, как на белоснежной кушетке лежит Иззи Голдмен. Вокруг него расхаживал Роберт Льюис, и его вид был озабоченным. Браун догадывался, что сейчас испытывает этот человек. Догадывался о противостоянии в его душе. Догадывался обо всех переживаниях. Знал о предстоящей потере. Он просто знал, и готов был на это пойти.

Ему было абсолютно неважно, что при этом будет с самим Иззи Голдменом. Скорее всего, тот не останется в живых, а если и выживет, то будет умалишенным овощем, и, в конце концов, когда из него высосут последние соки, его усыпят. Да, так оно все

и будет.

А дальше? Дальше уже не важно, потому что впереди мелькает будущее человечества. Светлое будущее. Чистое будущее. Больше не будет ни войн, ни холокоста, ни распрей. Это будет идеальный мир. Идеальный мир…

И… ради этого…

Ради этого нужно пожертвовать всего одной жалкой жизнью. Жизнью, которая уже давным-давно перестала принадлежать своему хозяину. Для этого нужно было убить Иззи Голдмена.

Да, сегодня, ему было очень хорошо.

Иззи лежал не шелохнувшись, под действием транквилизатора. Роберт стоял рядом с ним и брал анализ крови, набирая ее в шприц. В какой-то момент, он остановился, выпрямился и посмотрел наверх. Его взгляд встретился со взглядом руководителя проекта. Льюис посмотрел на него, как на преступника, но постарался всем своим видом скрыть этот факт. Собственно, Роберт так и считал Артура Брауна преступником. Как и себя. Как и всех, кто, так или иначе, имел отношение к проекту «Гретта». Он ненавидел и призирал их так же, как ненавидел и призирал себя. И все же…

Браун усмехнулся лишь сильнее, когда доктор Льюис посмотрел на него. Его улыбка обратилась в звериный оскал. Он поднял руку и нажал на кнопку передатчика.

- Хорошая работа… доктор Льюис.

Тот не ответил. Он смотрел на Брауна, и лишь сузил глаза, а после отвернулся и посмотрел на Иззи Голдмена, который через полчаса должен был прийти в себя и начать отсчет своих последних часов. Несколько часов. Всего несколько часов до смерти, а после до нового перерождения. И это…

- Это будет совершенный человек… - сказал Браун, отняв палец от передатчика. Его никто не услышал.

Он развернулся и пошел прочь. Когда Роберт снова поднял глаза, он увидел лишь пустую смотровую комнату. Его кулак непроизвольно сжался. Он понял, куда отправился Артур Браун…

- Гретта…

* * *

- Добрый день, мистер Элиот.

- Твоя пунктуальность не может не обрадовать нас, Артур.

- Я прилагаю к этому максимум усилий.

- Какие новости?

- Сегодня мы провели последнее тестирование образца 92

8281, и я с гордостью могу сообщить, что он абсолютно готов к извлечению.

- Замечательно, Артур, - Гордон Элиот скрестил руки на груди и прислонился к спинке кресла из черной кожи. - Когда состоится операция?

Артур Браун чуть помедлил. Нет, он не юлил и не хотел соврать.

Он просто наслаждался моментом.

- Завтра…

* * *

- Как вы себя чувствуете?

- Довольно неплохо, Боб. Что это было?

- Снотворное.

- Вы меня усыпили?

- Извините, мистер Голдмен. Так было нужно.

Иззи повернулся к видео-панно. Его бил озноб, и он повыше натянул белое покрывало.

- Ты не мог бы приглушить свет, Боб?

- Да, конечно. Гретта, приглуши свет к камере Иззи Голдмена.

- Слушаюсь, доктор Льюис, - в это же мгновение в камере стало тусклее, словно она освещалась предрассветным солнцем. - Свет в камере клиента 92 8281 приглушен на шестьдесят процентов.

- Спасибо, Гретта, - ответил Роберт и повернулся к Иззи. - Так лучше?

- Да, гораздо, - он широко раскрыл глаза. - В последнее время меня стал раздражать яркий свет.

- Такое бывает, мистер Голдмен.

- Почему здесь так холодно, Боб?

Льюис помедлил.

- У вас озноб. Это побочный эффект после транквилизатора.

Иззи покрутил головой. Он смотрел на голубое небо за видео-панно.

- Как же это все странно…

- Что именно?

- Все, Боб. Все, что меня окружает. «Клиент 92 8281»… словно у меня нет имени. Словно я какой-то овощ, или подопытная мышь.

Как же он все-таки был прав.

- Это простая формальность, мистер Голдмен.

- Я понимаю это, Боб. Но эта формальность слишком сильно

дает понять, что я не принадлежу себе. Да и вряд ли когда-нибудь принадлежал.

Иззи Голдмен был в подавленном состоянии, и остатки агрессии в нем сменились скорбным тягостным унынием. Роберт не мог с точностью сказать, предчувствовал ли Иззи то, что произойдет с ним завтра, или же у него просто не было настроения. Как бы он отреагировал, если бы Роберт сейчас рассказал ему обо всем? Имеет ли он право узнать, кто он такой на самом деле, и какая роль ему отведена в этом бесконечном спектакле? Имеет ли право хотя бы раз, перед смертью, узнать всю правду?

- Я… - Льюис покачал головой. Слова слишком сильно давались ему.

- Да все в порядке, Боб. Ты не обязан ничего говорить. Это были просто мысли вслух. Ты ведь и сам прекрасно знаешь, что апатия скоро пройдет, и мир снова для меня будет выглядеть в ярких красках. Снова все встанет на свои места.

Не встанет… никогда не встанет… это был конец.

Роберт знал это слишком хорошо, чтобы переубеждать Иззи в обратном. Но, самым страшным было то, что это, возможно, их последняя беседа.

Сказать?…

- Да, я знаю это, мистер Голдмен.

- Хм… - усмехнулся Иззи. - Ты так и не стал называть меня по имени, Боб.

Роберт улыбнулся.

- Да. У меня это весьма скверно получается.

- Как знаешь, Боб. Как знаешь…

Роберт снял очки, прислонился спиной к стене и опустился на пол. Он прикрыл глаза и откинул голову так, как если бы отдыхал у себя дома, когда никто не может ему помешать.

- Что ты делаешь?

- Просто захотелось немного расслабиться, мистер Голдмен.

Иззи его понял, и какое-то время они находились в полной тишине. В тишине, которая расслабляла их и позволяла подумать о чем-то своем, и это было чертовски хорошо.

- Как ты думаешь, Боб…

- Что?

- Если бы мы встретились в другом месте, стали бы мы друзьями?

Роберт задумался.

- У меня очень мало друзей, мистер Голдмен. Но, думаю, да.

- Это было бы интересно. Я ведь не имею ни малейшего понятия о том, как ведут себя люди там, - он кивнул на видео-

панно, и Льюис проследил за его взглядом. - За этой стеной. Какая там жизнь?

- В каком-то смысле точно такая же, как и здесь, мистер Голдмен. Помните, мы с вами обсуждали это. Многие люди, даже имея свободу, все равно пребывают в заточении. Они не могут по достоинству оценить то, что у них есть. Они принимают это, как должное. У них нет стимула, бороться за каждый прожитый день, двигаться дальше, ставить перед собой все новые и новые планки. Люди за этими стенами, мистер Голдмен, это по большей части аморфные тела, лишенные собственного мнения. Конформисты, идущие на поводу у времени, лишенные стремлений. Конечно, есть те, кто пытается бороться за что-то свое, но остальная масса просто затаптывает их, потому что им так удобно. Они не хотят выглядеть ущербными на фоне тех, кто поднялся сам и добился чего-то своего. Нет, мистер Голдмен… жизнь за этими стенами определенно другая.

- Хуже?

- Я не могу ответить вам на этот вопрос. Не потому, что не хочу, а потому что просто не знаю. Я невольно сравниваю себя с вами, потому что в моем случае, вы самый прямой пример того, как человек может расти духовно, даже будучи запертым от всего прочего мира. А я…

Льюис замолчал.

- Боб?

Они посмотрели друг на друга.

- Я ничем не лучше вас, мистер Голдмен. И мое положение… я точно такой же пленник, как и вы. Только мое положение выгодно тем, что я могу выйти отсюда через главный вход, и за мной не будут направлены отслеживающие роботы, и город не будет сканироваться на мои биометрики. Вот и все. Это единственное мое отличие от вас.

- Мне с трудом верится в это.

- И все же, это так.

Они помолчали, а после Иззи сказал:

- Я не знаю, что ответить на это, Боб.

- Не надо ничего говорить, мистер Голдмен. Это мой выбор.

- Выбор. По крайней мере, Боб, у тебя есть эта привилегия.

- Да… - ответил он, и замолчал. - Жизнь - все-таки очень сложная штука.

- Верно, Боб. Очень сложная.

Роберт поднялся. Он подошел к Иззи и положил руку ему на плечо.

- Поспите немного, мистер Голдмен. Вам станет лучше.

- Хорошо, - ответил тот и отвернулся к стене.

- Я попозже еще зайду к вам.

Но на это Иззи Голдмен уже ничего не ответил. В тот момент, когда Льюис вышел в дверь, его уже затягивал сон, и ему было просто лень что-либо отвечать. Он лежал с закрытыми глазами, и наслаждался легкой полудремой. Над головой приятно жужжали камеры.

* * *

- Что-то вы стали слишком откровенным с ним, доктор Льюис.

Роберт посмотрел на Артура Брауна.

- Ему осталось жить меньше суток, имейте сострадание.

- Сострадание? Господи, Роберт, я вас умоляю, - рассмеялся Браун.

- Что?

- Вы говорите о нем, как о полноценном человеке.

- А вы не считаете Иззи Голдмена полноценным человеком?

Они стояли перед экраном и наблюдали, как Иззи ворочается во сне.

- Конечно же, нет. Он просто эксперимент, лабораторная мышка с красными глазками, не более.

- Удивительно.

- Что вас так удивляет, доктор Льюис?

- Вы, - ответил он прямо в глаза.

- Не потрудитесь объяснить?

- Потружусь. Для вас абсолютно не значат ничего те, в которых вы видите выгоду. Раньше я вас считал просто бюрократом, сэр. Но, сейчас я вижу, что вы настоящее зло.

- Можете не распыляться так, доктор Льюис. У меня сегодня прекрасное настроение, и такому… ученому, как вы, не испортить его.

- Может быть…

- Можете бормотать себе под нос, что хотите. Завтра уже все кончится, и наш с вами контракт на этом подойдет к концу. Вы, наконец-таки, сможете забрать ваши документы, вещи и ненаглядный грант, и уматывать на все четыре стороны.

- Да, пожалуй, я так и сделаю, сэр.

- Ваше право.

- Могу я узнать кое-что?

- Смотря что.

Роберт помедлил.

- Что будет с Иззи Голдменом после извлечения слепков?

- Вам же это прекрасно известно. Его снова клонируют, с поправкой на полученные данные. Он станет первым в мире человеком, чей геном полностью будет выведен учеными. Его модель поведения будет заложена именно такой, какая нам необходима… совершенный человек.

- Совершенный… совершенный он сейчас. А потом он прекратится просто в марионетку в ваших руках.

- Да, другими словами. И все это, благодаря вам… доктор Льюис.

Он посмотрел на него. Роберт вернул ему этот взгляд.

- Я хотел узнать, что будет с… телом Иззи Голдмена.

- После того, как мы извлечем все, что нам надо, он будет помещен в контейнер, как и предыдущие… клоны, для дальнейших исследований.

- Он даже не будет захоронен или кремирован, как обычный человек.

- Нет, конечно. Это не его право, распоряжаться собой, а наше, доктор Льюис. Мы его полноценные хозяева, и нам решать, что с ним будет при жизни, и после смерти.

- Знаете, в чем ваша проблема, сэр?

Артур Браун посмотрел на него, и хотя он утверждал, что ему безразличны слова Льюиса, в глазах кипела ненависть.

- И в чем же?

- Вы возомнили себя Богом, сэр. Ни одному человеку на земле нельзя забывать свое место. Вы его забыли.

- Не стойте из себя праведника, Роберт. Ваши руки точно так же запачканы кровью, как и мои. Это наше с вами дело. Не скажу, что на вашем месте не мог бы быть кто-нибудь другой, но без вашей помощи ничего этого не получилось бы. Клиент 92 8281, ваш ненаглядный Иззи Голдмен, обязан вам тем, что завтра будет лежать на операционном столе, а вы, и еще несколько ученых будете копошиться в его мозгах.

- Это меня и тяготит.

- Тяготит? Вы смешны, Роберт. Это в первую очередь ваша работа.

- Будь она проклята, эта работа… - сказал Роберт и направился к выходу из операторской.

- Я не отпускал вас.

- Мой рабочий день на сегодня закончен. Сегодня мне больше нечего делать здесь, сэр.

Артур Браун ничего не ответил на это и лишь посмотрел на удаляющуюся спину Льюиса. На лице появилась улыбка.

- Гретта.

- Да, мистер Браун.

- Дом Льюиса по-прежнему под наблюдением?

- Да.

- Хорошо, - он повернулся к экранам. - Этот ублюдок слишком много знает, чтобы отпускать его просто так. Гретта, запусти первую стадию протокола №7.473. Начать сбор информации по Роберту Льюису. Завтра после операции распорядись, чтобы группа захвата была готова взять его под стражу.

- Будет сделано, мистер Браун.

Злобная усмешка исказила лицо.

- Завтра будет хороший день…

* * *

Этой ночью Иззи Голдмен спал беспокойно. Сегодня ему снился город, и люди… много людей.

Он стоял в бесконечном их потоке и старался протиснуться куда-то вдаль, а все шли только ему навстречу и мешали сделать новый шаг. Он поднял глаза и увидел, что ни на одном прохожем нет лица… все они были, словно с пластиковыми белыми масками, лишенными глаз, рта и носа. Ничего не выражающие, пустые, лишенные эмоций, и такие холодные. Они шли прямо на него и поворачивали головы ему вслед. Они показывали на него пальцами и, возможно, что-нибудь сказали бы, если бы только могли. Но более ничего не происходило. Они просто оставались на месте, и ни у одного из них не хватило мужества последовать за ним.

А Иззи продолжал идти. Упрямо, твердо. Он расталкивал их руками и пробивал себе дорогу. Он не имел ни малейшего понятия, зачем двигается вперед, но точно знал, что именно туда ему сейчас и надо.

Улицы сменяли друг друга, и с каждым новым кварталом идти было все сложнее и сложнее. Весь мир был погружен в одну сплошную пучину тишины. До его ушей не доходило ни одного звука, словно все люди оторвались от земли и просто плыли по воздуху, заграждая ему дорогу. А он все шел вперед.

Внезапно, он уловил какой-то звук. Голос. Плач?

Плакал ребенок.

Девочка?

- Я иду! - крикнул Иззи Голдмен, и прохожие на мгновение расступились, чтобы потом вновь сомкнуть свои ряды.

Иззи почувствовал, как по его руке скользнули чьи то пальцы, и от этого прикосновения повеяло могильным холодом. Не останавливаясь, он обернулся и посмотрел. Прямо на него

уставилась очередная пустая маска. Она тянула к нему тонкие руки, и каждое ее медленное движение было напряженным, словно внутри пылал огонь, сжирающий все и вся. И это пламя распространялось с неимоверной скоростью. Люди вокруг распалялись им, и все чаще и чаще Иззи чувствовал, как его пытаются схватить, удержать, остановить…

А он продолжал слышать плач, который становился все громче и надрывнее.

- Где ты?! - кричал Иззи во всю силу своих связок. - Отпустите меня!

Он скидывал с себя цепкие пальцы, отталкивал тянущиеся руки и пробирался все дальше и дальше, хотя каждый новый шаг давался ему с ужасным усилием. Он протискивался сквозь эту толпу белых людей, и даже не заметил, как небеса над ним стали багрово-красными. Тяжелые тучи пульсировали, словно огромное сердце, и в какой-то момент их расчертила яркая белая молния, а вслед за громом хлынул дождь. Красный дождь.

Иззи вздрогнул, когда о его лицо начали биться крупные капли. Он посмотрел наверх, но вода заливала ее глаза, и тогда ему оставалось только одно - он смотрел вперед.

- Дрежись, я уже скоро! - кричал он плачущей девочке, но ее голос становился все надрывнее. Так может плакать только ребенок, потерявший своих родителей и оставшийся один на один с огромным беспощадным городом.

Чужие пальцы все сильнее хватали его за одежду. Иззи вырывался и старался не смотреть на них, потому что где-то там, впереди, был маленький ребенок, и ему нужна была помощь. Ему нужен был хоть кто-нибудь рядом, чтобы он смог утешить хрупкое детское сердце, которое слишком рано познало всю боль горькой утраты.

Кто- то ударил его по лицу, и от этого щеку обдало жаром. Иззи посмотрел на обидчика, но тут же в его груди что-то оборвалось, словно его кольнули в самое сердце. Перед ним была очередная маска, но сейчас… сейчас это было совершенно не то, что он видел прежде. По белому лицу тянулись красные струи дождя, как из разбитой головы сочиться кровь. Красное заливало незнакомца все больше и больше, и с каждой секундой он все меньше походил на человеческое создание. Иззи обернулся. Все люди вокруг заливались бордовой тягучей жидкостью, словно кто-то там, наверху, решил окропить землю кровью.

Собрав все свои силы, он бросился со всех ног и тут же столкнул на землю нескольких прохожих, которые сейчас выглядели, как жертвы автокатастрофы. Изуродованные, стонущие несуществующими губами, они тянули к нему руки, и

пытались ухватиться и остановить. Остановить, чтобы Иззи Голдмен так и не успел добраться до плачущей девочки.

Но он шел.

Упрямо, стиснув зубы и рыча, как дикий раненый зверь, он пробирался вперед, и люди один за другим валились перед его поступью. Он шел по их мягким телам, и с каждым новым шагом их становилось все больше. Они выстилались бордовой дорожкой по его следу, а те, кто остался стоять, пытались вцепиться в него окровавленными пальцами.

Вновь грянул гром.

- Где ты?! Я тебя не вижу! Пожалуйста… пожалуйста, покажись! - кричал он девочке и чувствовал, как противная сладковатая вода, с привкусом железа, заливала его рот. Она струилась по лицу, и Иззи отчаянно старался не думать о том, что она похожа на кровь.

Девочка плакала, но была уже близко, и ему казалось, что стоит оттолкнуть еще дюжину красных тел, и он увидит ее. Увидит, и спасет. Да… чего бы это ему не стоило… он спасет ее…

Он должен…

Еще один удар по лицу был гораздо сильнее прежнего. Били кулаком, расчетливо, безжалостно. Заныли скулы, но Иззи это было неважно. Он наотмашь ударил в ответ, и прямо перед ним завалился человек, схватившийся за лицо.

Иззи шел, словно по трясине. Так идут корабли в дьявольский шторм, который застиг их спокойной ночью и вот сейчас он видел где-то вдалеке слабый свет прибрежного маяка. Он знал, что до нее осталось совсем чуть-чуть… совсем…

- Уйди! - заревел он кому-то перед собой. Очередная красная маска отлетела в сторону, и тут Иззи увидел…

На пустой улице, залитой неведомым светом, стояли двое. Маленькая девочка, утирающая глазки своим кулачком, и высокий мужчина, что стоял спиной к Иззи. Девочка плакала, а мужчина даже не старался ее успокоить. Он просто стоял рядом, как может ждать пассажир свой последний экспресс.

- Я иду! - крикнул Иззи…

Девочка обернулась. Она посмотрела на него своими бесподобно добрыми синими глазами. Смотрела и не понимала, что происходит. Но, в какой-то момент, что-то скользнула по ее лицу, какая-то одинокая эмоция, и она потянула к нему свою маленькую пухлую ручку с вытянутыми пальчиками. Иззи Выбросил руку вперед, но тут же почувствовал, как на него навалилось несколько безликих тел. Они схватили его, держали, старались заволочь в эту бесформенную массу окровавленных тел. А он тянулся. Тянулся к ней до последней капли своих сил,

выжимая из себя все имеющееся. Тянулся, чтобы только коснуться ее руки. Тянулся, чтобы они вместе могли спасти друг друга.

- Нет! Нет! Не трогайте меня! - он старался высвободиться, но все его попытки были тщетны. - Смотри на меня! Не бойся! Только не бойся!

Малышка продолжала смотреть на него и тянулась ручонкой, но не могла сдвинуться с места, и в этот момент, мужчина, стоявший рядом, пошевелился…

Обернувшись в профиль, он взял другую ее руку, и крепко сжал в своей ладони.

- Нет! Отпусти ее, тварь! Отпусти! - кричал он незнакомцу, но тот оставался спокойным, как тихое озеро и твердым, как горный гранит.

Девочка перевела взгляд с Иззи на незнакомца, а потом обратно, но так и не отпустила своей тянущейся ручки. Иззи продолжал тянуться к ней, но с каждой секундой его все дальше и дальше засасывала шевелящаяся масса. Из сдавленной груди вырвался только единственный вопрос:

- Кто же ты?…

Незнакомец обернулся. Это был он… Иззи Голдмен. Спокойный, хладнокровный, неприступный. Это был только он.

Слова навсегда застряли где-то внутри, и все, что оставалось, это смотреть широко раскрытыми глазами и тянуться… на последнем дыхании. Тот, другой Иззи Голдмен, что-то тихонько сказал девочке, и она посмотрела на него. Он крепче сжал ее руку, и сделал шаг навстречу приближающему ослепительно белому свету, который все больше и больше поглощал их удаляющиеся силуэты. Иззи просто смотрел им вслед.

В тот момент, как они полностью потонули в свете, а он сам скрылся в массе людских тел, по его щеке скользнула одинокая горячая слеза.

Все было кончено…

* * *

- У нас все готово?

- Да, мистер Браун, - ответил человек, затянутый в белый хирургический халат. На его глазах были защитные очки, а на руках одноразовые перчатки.

- Хорошо. Когда мы можем приступать?

- Как только появится доктор Льюис.

- Что? - Браун обернулся. - Он еще не появился?

- Нет.

- Гретта.

- Да, мистер Браун.

- Где сейчас находится Роберт?

- В данный момент доктор Льюис находится в комнате для персонала.

- Уже десять тридцать. Какого черта он так задержался? - сказал Артур Браун, но тут же заметил, с каким неподдельным интересом смотрит на него нейрохирург. - Ждите меня в операционной. Подготовьте пока все, чтобы больше не терять времени.

- Хорошо, мистер Браун. Будет сделано.

- Сколько займет вся процедура?

- Сложно сказать точно. Образец 92 8281 обладает довольно сложной и устойчивой нейроструктурой, поэтому вся операция может занять больше времени, чем, к примеру, у всех предыдущих образцов. Это обусловлено…

- Доктор! - перебил его Браун, и тот вздрогнул. - Сколько?

- Пять часов… примерно…

- Хорошо. Можете отправляться.

- Слушаюсь, мистер Браун.

Руководитель развернулся и направился в комнату персонала. Он шел и думал о чем-то своем, но главным образом, его голову заполняла одна только мысль - как это все пройдет. Вчера он отвергал все мысли о том, что что-то может пойти не так, но чем больше срок ожидания близился к концу, чем больше Браун начинал волноваться. Спокойствие и безмятежность сменились озадаченным напряжением и волнением. Он прекрасно знал, что пойди что-нибудь не так, и в тот же момент полетят головы. В первую очередь - его собственная.

Нет, он не должен был позволить, чтобы столь долгий эксперимент имел шанс провалиться. Все было просчитано, ведь так? Долгое-долгое время биоинженеры корпели над образцом 92 8281, слишком много денег было вложено в проект Гретта, чтобы сейчас все пошло под откос. Нет, на карту было поставлено гораздо больше, чем кто-либо из персонала комплекса мог себе представить. Но Артур Браун прекрасно знал это.

Нет. Он не позволит, чтобы из-за одного несчастного психоаналитика все пошло к чертям. Никогда не позволит.

- Гретта, - сказал он, проходя очередной коридор.

- Да, мистер Браун.

- Этот пролет изолирован? Он не может быть прослушан?

- На ближайшие пятьдесят метров от вас нет никого из персонала. Видеозапись с вашим участием никем не прослеживается.

- Хорошо. Ты отслеживала вчера действия Роберта Льюиса?

- Да. Вчера доктор Льюис покинул комплекс в девятнадцать сорок, после чего отправился домой. Камера и датчики в его электрокаре подтверждают, что он ни с кем не связывался по дороге. Дома он так же ни с кем не разговаривал, и работал с квартальными отчетами и прочими показателями клиента 92 8281, просматривал видеозаписи бесед с образцом, сравнивал показатели тестов за несколько лет, а так же тщательно изучал физическое состояние Иззи Голдмена. Проснувшись сегодня в шесть пятнадцать, он собрался и приехал в комплекс. Так же ни с кем не связывался.

- Он ведет себя подозрительно тихо.

- Отрицаю. Поведение доктора Льюиса полностью соответствует его модели за последние десять лет жизни и в особенности за время участия в проекте «Гретта». Все действия доктора Льюиса типичны для него.

- Роберт настолько нелюдим и одинок?

- Да.

- Хи… - Браун не останавливался. - А образец?

- Наблюдаемый Иззи Голдмен за прошедшие сутки в основном находился в состоянии глубокого сна. Никаких отклонений замечено не было.

- Чем он сейчас занимается?

- Спит.

- Спит? - удивился Артур Браун. - Сколько же можно спать.

- Биометрические параметры уверяют, что в его состоянии это нормально. Сказывается воздействие на его организм транквилизатора, который был введен ему вчера во время сканирования.

- Понятно.

Гретта умолкла. В ее протоколе не было заложено функции задавать ненужных вопросов, а если бы и так, она оказалась бы достаточно сообразительна и уж точно не стала бы спрашивать о чем-либо руководителя. Ее маленькое электронное сердце больше импонировало Роберту Льюису.

- Льюис!

Артур Браун столкнулся с Робертом в коридоре. Он уже переоделся в рабочую униформу и сейчас как раз направлялся в операторскую. В тот момент, когда руководитель окликнул его по имени, Роберт протирал очки.

- Сэр.

- Какого черта вы творите?!

- Я вас не совсем понимаю.

- Вы все прекрасно понимаете, гораздо больше, чем хотите

показать. Почему вы опоздали?

- Я собирал всю нужную информацию по извлечению.

- Именно сегодня?

- Да, сэр. Именно сегодня невероятно важно ничего не пропустить и не допустить ошибки, поэтому я трижды все перепроверял.

Браун сжал губы. Роберт же оставался спокойным, как и было ему свойственно.

- Мы опаздываем, - сказал Артур Браун, направляясь в сторону в сторону камеры Иззи Голдмена.

- Да, разумеется, сэр, - ответил Роберт и направился следом за ним.

Скоро все будет кончено. Именно этой мыслью утешал себя Браун, и именно от нее его сердце начинало биться чаще.

Молча, они прошли несколько пролетов, и вошли в большую комнату, которая, как и все помещения комплекса, была выкрашена в белый цвет. Здесь не было ничего, кроме многочисленных камер, датчиков и охранных установок. Это был своеобразный шлюз, между Иззи Голдменом и всем остальным миром.

В комнате находились четверо. Все они были сотрудниками охраны, но в них было что-то не то. Затянутые с ног до головы в черную униформу, они выглядели устрашающе, чем обычно, и Роберт не мог не отметить этот факт. Вместо привычных шокеров, эти ребята были вооружены пистолетами, а их шею, грудь и пах прикрывали кевларовые пластины. Их лица были скрыты за толстым укрепленным стеклом шлемов, которые обычно использовали только в отрядах группы захвата. Каждая деталь в их поведении выдавала не просто надсмотрщиков, а специально обученных людей: как они выпрямились по струнке, стоило только Брауну появиться в комнате, как они проследовали взглядом за вошедшими, как их правая рука готова была в мгновение ока выхватить пистолет и всадить вам пулю промеж глаз.

- Все готово, сэр, - отрапортовал боец, сделавший шаг вперед.

- Хорошо, будьте начеку.

- Зачем они здесь? - спросил Роберт, кивнув на охранников.

- Что значит «зачем», Роберт? - Браун повернулся к нему и удивленно выгнул бровь. - Мы имеем дело с маньяком, и прошлая ваша презентация лишь подтвердила тот факт, что с Иззи Голдменом нужны радикальные меры. Я не собираюсь рисковать ни своим здоровьем, ни своей жизнью.

- Но, вы не понимаете…

- Это вы не понимаете, Роберт. Если вы с ним так прекрасно

спелись, если он смог пролезть вам в мозг и заверить, что он хороший парень, это совершенно не означает, что это правда. Он опасен.

- Он не опасен, если только вы не будете его провоцировать.

- Провоцировать? Вы видите провокацию с моей стороны?

- С вашей - нет. Но вон те ребята, - Роберт кивнул на бойцов, - выглядят совсем не дружелюбно.

- Послушай, если ты забыл…

- Нет, это вы послушайте, сэр, - Льюис шагнул к нему. - Моя работа здесь заключается в том, чтобы Иззи Голдмен не наделал глупостей, и как раз это случится, если вы ворветесь к нему в камеру со своими бойцами. Он придет в ярость и как минимум, это будет отсрочка операции, а как максимум, он снова попадет в лазарет, как тогда, что может поставить под срыв весь эксперимент в целом. Эти, - он указал рукой на отряд, - церемониться не будут, и одним только обмороком не отделаются…

- Хватит! - вскрикнул Браун. - С меня довольно твоей пустой болтовни! Мне уже не важно, что ты сейчас будешь говорить. Я вижу тебя насквозь, Роберт, и прекрасно знаю, что у тебя на уме.

- Да? И что же у меня на уме?

- Ты собираешься сорвать эксперимент. Я не знаю, как, но ты тянешь время.

- Это клевета, сэр. К тому же, ваши слова не подкреплены ни одним доказательством.

- Я… - у Брауна еще оставался козырь в рукаве, но слишком рано было выкладывать его на игральный стол. Роберт все равно узнает правду, со временем, когда уже не сможет ничего исправить, и тогда… - Так. Мне надоело цацкаться с вами обоими. С дороги…

Артур Браун отпихнул Роберта в сторону.

- За мной. Действуйте по уставу, - приказал он своим людям. - Гретта. Открыть дверь в камеру образца 92 8281.

- Нет, Гретта! Не делай этого! - закричал Роберт, увидев, как сурово приближаются к двери бойцы в черном. Один из них уже держал руку на расстегнутой кобуре. - Артур, вы не знаете, что творите! Вы сделаете только хуже!

- Да пошел ты! - Браун отпихнул Льюиса к стене и тот ударился затылком. В этот же момент к нему подскочил один из бойцов, и придавил рукой, чтобы тот не двигался.

- Прошу вас, сэр, не делайте глупостей, - прозвучал голос за маской. В ее черном цвете Роберт увидел свое отражение.

- Убери от меня руку!

Роберт попытался оттолкнуть бойца, но тот лишь сильнее

прижал его к стене.

- Сэр, это последнее предупреждение. После этого я буду вынужден применить силу.

- Артур! Вы должны дать ему еще немного времени! Вы должны…

- Я ничего не должен этому сукиному сыну! Гретта! Какого черта ты не выполняешь приказы?!

- Нет, Гретта! - Роберт не шевелился, но повернулся лицом к руководителю. - Послушайте, мистер Браун, - сказал он, понизив голос. - Вы же разумный человек. Вы ученый. Ну, должны же вы понимать, что такими методами только усугубляете положение. Так вы от него ничего не добьетесь.

Руководитель обернулся к нему.

- Я не ученый, Роберт. Я просто бюрократ. Гретта…

- Нет!

- Да закрой же ты ему пасть! - приказал он бойцу, и тот мгновенно рукой зажал Роберту рот.

- Гретта! Открыть камеру Иззи Голдмена.

- Слушаюсь, мистер Браун…

- Нет!!! Иззи!!! - выкрикнул Роберт, освободившись от руки охранника, но тут же получил сильный удар в живот, от которого повалился на пол.

- Заходим, - скомандовал Браун, и вслед за этими словами трое бойцов ворвались в темную камеру. - Гретта, включить свет в камере!

Свет зажегся, и на какое-то мгновение Артур Браун даже прикрыл глаза, столь ярким он был. Внутри камеры бойцы в своих черных костюмах, выглядели не просто устрашающе, а жутко.

- Мистер Голдмен… - прохрипел сквозь сжатые зубы Роберт.

Бойцы обошли всю камеру. Браун занервничал.

- Его здесь нет.

- Что?…

- Объекта здесь нет, сэр.

- Как это нет?… - произнес Браун, врываясь в камеру.

Артур Браун стоял в камере Иззи Голдмена вместе с тремя бойцами. Один из отряда остался снаружи и стоял рядом с распростертым на полу Робертом Льюисом, который до сих пор не мог прийти в себя после удара. Его выворачивало наизнанку, а легкие никак не могли сделать полный вдох.

Кровь вместе с яростью хлынула к лицу Брауна.

- Черт! Твою мать!

Он схватил за металлический стол и швырнул его в сторону.

- Где он!

- Сэр…

- Отвали! Где этот сукин сын! Гретта! Льюис! Где он?!

Браун пришел в неистовство. Он хватал вещи, швырял их в сторону, словно взрослый мужчина, подобно клопу, мог спрятаться среди мелкого хлама.

- Сэр, вам нужно успокоиться, - сказал боец, положив руку ему на плечо.

- Убери от меня свои руки! - крикнул он. - Куда он делся?! Он только что был здесь! Только что был здесь!

Руководитель вращался на месте и осматривал каждый угол, но в скромных четырнадцати квадратных ярдов было сложно не найти человека. Иззи Голдмен исчез.

- Льюис… Льюис!!! - проревел он и вылетел из камеры. Роберт по-прежнему лежал на полу. Он схватил его и поднял с пола, держа за грудки. - Где он, Льюис?! Я знаю, что ты причастен к этому!

- Я…

- Где он, мать твою! Отвечай! Не смей мне лгать, иначе клянусь Богом, я сейчас же пристрелю тебя на месте!

Очки слетели с лица Артура Брауна. Его волосы, всегда аккуратно уложенные, взлохматились и торчали в разные стороны, верхняя пуговица его халата оторвалась, и воротник был распахнут. От него разило потом, и сейчас Роберт прекрасно почувствовал этот запах. Так смердел страх.

- Я не знаю… - ответил Роберт.

- Врешь! Ты врешь! Ты все знаешь!

- Сэр, успокойтесь… - сказал глава отряда.

- Не смей указывать мне, что делать! Отвечай, Роберт! Я знаю, что это твоих рук дело!

- И как же? Я с самого утра был рядом с вами.

- Вчера…

- Вчера я был дома.

- Я знаю, что ты был дома!

- Знаете? - переспросил Роберт. - Что это значит?

Браун замолчал.

- Вы что, следите за мной?

- Заткнись!

- Вы установили за мной наблюдение?

- Это… это не твоего ума дела, Роберт!

- Это противозаконно!

- Да пошел ты! - Браун отшвырнул его в сторону. - Я знаю, что это ты подстроил… я знаю это… и я докажу это… Взять его под стражу! - приказал он, и на Роберта тут же надели наручники. - В камеру для допроса его. Гретта!

- Да, мистер Браун.

- Красный код - побег заключенного! Объявляй общую тревогу!

- Слушаюсь, мистер Браун, - ответила Гретта, и в этот же момент белый свет помещение сменился красным, а в ушах заревела пронзительная сирена.

- Вы трое - за мной! - скомандовал Артур Браун. - А ты… - он помедлил, а потом кивнул на Роберта. - Я скоро вернусь, а пока научи его хорошим манерам.

- Есть, сэр.

Артур Браун ушел, а Льюис проследил за ним глазами. На его лице чуть блеснула улыбка.

Да, безусловно, игра стоила свеч.

* * *

За девять часов до этих событий.

- Мистер Голдмен, - Роберт тряс его за плечо. - Мистер Голдмен, проснитесь.

Иззи раскрыл глаза. В темноте перед собой он увидел лицо Роберта Льюиса. Он вздрогнул, потому что перед глазами до сих пор маячили остатки жуткого сна: город залитый багрянцем, плачущая девочка, безликие маски людей… он сам…

Голдмен встряхнул головой.

- Боб? Который час?

- Сейчас два тридцать ночи.

- Что?

- Половина третьего ночи.

- Я прекрасно слышал тебя. Что ты здесь делаешь? Почему?… - Иззи осмотрелся и первое, что заметил - все камеры замерли. Они были отключены. - Что происходит, Боб?

- Мистер Голдмен, послушайте. То, что я сейчас вам скажу - это очень важно. Можете считать, что важнее этого ничего в вашей жизни прежде не было.

- О чем ты?

- Прошу вас, не перебивайте меня. Просто выслушайте и постарайтесь понять.

Иззи посмотрел на него.

- Хорошо.

- Замечательно. Мистер Голдмен… Иззи… помните, мы с вами много раз разговаривали о том, кто вы такой. Вы меня все спрашивали, а я не мог дать вам ответов. Помните?

- Помню.

- Так вот. Настало время узнать всю правду о вас.

- Что?…

- Не перебивайте, мне сейчас очень сложно сосредоточиться. Так вот… я… я даже не знаю, с чего начать.

- Начни с самого простого, Боб.

Роберт посмотрел на Иззи и присел напротив.

- Вас завтра убьют.

- Что?…

- Да. Вы… вас… это все так сложно…

- Какого черта происходит, Боб? Почему отключены камеры? Что ты вообще несешь?!

- Тише, прошу вас…

- Отвечай…

- Хорошо, хорошо, - Льюис помедлил. Слова давались ему с трудом, ведь каждая фраза, которую он собирался произнести, походила на удар огромного молота. Он прекрасно знал об этом. Знал, как тяжело дастся Иззи то, что он сейчас откроет. Знал, но должен был это сделать. - Дело в том… мистер Голдмен… вы не просто заключенный. Вернее, вы когда-то были заключенным, но только не сейчас. На вас был поставлен эксперимент, который должен был раскрыть полный человеческий потенциал. Он был направлен на то, чтобы мы могли выявить в человеке ген, отвечающий за его модель поведения. Так мы изначально могли сказать, кто будет убийцей, а кто развяжет следующую войну. И мы… мы, то есть не конкретно мы, а ученые взяли на себя смелость изменить саму сущность людей. И для этого нам нужны были вы.

Иззи машинально отпрянул назад. Он отказывался верить в то, что слышит. На какой-то момент ему показалось, что это всего лишь остатки сна, или же что он бредит наяву. Сжав кулаки и почувствовав, как ногти впиваются в ладони, он понял, что не бредит.

- Что?

- Мистер Голдмен. Я обещаю вам, что все расскажу, очень, очень скоро. Вы все узнаете и поймете.

- Пойму?… Боб… ты только что сообщил мне, что я подопытная крыса… Эксперимент? Боб, какого черта я должен понять?

Роберт выставил вперед ладони и пододвинулся чуть ближе.

- Иззи, пожалуйста, выслушайте. Сейчас для вас очень важно, чтобы вы просто доверились мне.

Голдмен отшатнулся. Даже в полнейшей темноте было видно, как на его лицо опустилась маска подозрения и прибывающей злобы. Злобы, которая готова была накрыть огромным тайфуном Роберта, комплекс и весь белый свет. Злоба, которая сжала его

кулаки еще сильнее. Злоба, которая показывала миру другого, настоящего Иззи Голдмена…

- Я доверял тебе, Боб… Я доверял тебе все это время. Роберт… это ведь твое настоящее имя?

- Да. Поймите. Я знаю…

- Да какого черта ты вообще знаешь?!

- Мистер Голдмен…

- Ты ставил на мне эксперименты, Боб! Ты… ты…

- Прошу вас… просто выслушайте, а потом можете поступать, как хотите. Я… я виноват перед вами… и как вы решите со мной поступить, так и будет. Я вверяю вам свою жизнь, но взамен просто прошу вас выслушать меня.

Иззи помедлил. Темнота растворялась в воздухе, как утренний туман уступает свету яркого дня. Он смотрел прямо в глаза Роберта, словно искал в них ответа. Кровь в его висках напряженно пульсировала, к горлу подкатывала тошнота.

- Говори…

- Хорошо… завтра… нет… на сегодня назначена операция, которую вы не сможете пережить. Эта операция направлена на извлечение слепков вашей ДНК, но, помимо этого, хирурги извлекут из вас весь материал, который требуется для продолжения эксперимента. Иными словами, у вас будет изъят головной мозг… но я не позволю им сделать этого. За всем этим стоит гораздо большая история, чем вы только можете представить себе, и ее центром, главной сущностью, являетесь именно вы, мистер Голдмен. Когда мы выберемся отсюда…

- Выберемся…

- Слушайте… Когда мы выберемся отсюда, я расскажу вам обо всем. Что за мир за вашим видео-панно, кто вы такой на самом деле, и почему вы с самого рождения находитесь в этих стенах. Я расскажу вам обо всем, что знаю сам. Я ничего не утаю от вас, я обещаю…

- Боб…

- Мистер Голдмен. Вы должны понять. За всем этим стоит корпорация с очень влиятельными и потому ужасными людьми во главе. Ни вы, ни я не способны до конца понять, как далеко уходят ее корни, докуда доходит ее влияние, и что является ее конечной целью. Хотя… нет… я знаю их конечную цель…

- И какова она?

- Тотальная власть. Беспрекословное подчинение. Как бы громко это не звучало, это правда. Корпорация хочет завладеть всем миром, сделав людей своими марионетками. Если завтрашний день… если вы, мистер Голдмен, завтра ляжете на операционный стол и они получат всю информацию… если

только эксперимент обернется удачей…

- Что тогда?

- Всего через несколько лет на земле не останется ни одного человека, который обладал свободой воли. Все… все люди на земле будут их рабами, тупыми куклами, называйте это, как вам удобно. Люди будут лишены выбора. Они будут безынициативны… они просто не будут принадлежать себе. Это трутни, служащие интересам корпорации, и никто, мистер Голдмен… никто не сможет их остановить. Даже марсианские колонисты будут под их контролем.

- Стоп… что?

- Мистер Голдмен. В вас скрыт ключ к порабощению человечества… это снова звучит слишком банально и громко, но это так.

Иззи помолчал.

- Ты порядочная сволочь, Боб.

- Не я… это корпорация…

- Это тебя не оправдывает. Ты замешан в этом ничуть не меньше их.

- Вы не понимаете…

- Ох нет… Боб… я все прекрасно понял…

- Боюсь, что нет, мистер Голдмен. Я не имел ни малейшего понятия об их истинных намерениях. Когда я подписывался на эту работу, я думал, что буду работать с адаптацией биоинженерного клона в социум, и ничего больше. Мне сказали, что я смогу вам помочь искупить свой долг перед обществом. Что в будущем, возможно, будет создать жизнеспособный клон человека, сохранив его воспоминания, и тем самым помочь сотням тысяч избавиться от неизлечимых заболеваний. Я не знал, что на самом деле у них на уме.

- Ну, а когда узнал, Боб… когда ты узнал обо всем, почему не отошел от дел?

- Я не мог…

Голдмен вскочил с кровати, а Льюис все так же сидел на ее краю.

- Чушь собачья! Не захотел - в это я бы больше поверил!

- Да… да, вы правы… но я осознал свою ошибку… я…

- Заткнись, Боб… Почему? Почему я должен тебе верить?

Льюис поднялся.

- Вы не должны, мистер Голдмен. Я просто хочу дать вам выбор.

- Не слишком ли много ты берешь на себя, Боб?

- Вы правы… я слишком сильно увяз в этом, но я хочу вам помочь. Я хочу дать вам шанс самому узнать себя. Узнать свое

прошлое.

Иззи задумался.

- Мистер Голдмен. Я раскрыл перед вами все карты, которые только мог раскрыть в этих стенах. Система безопасности отключена, а завтра, когда руководство будет просматривать видеозаписи этой ночи, они будут видеть, как вы спите, и об этом разговоре не узнает ни одна живая душа. Какое бы решение вы не приняли - все останется в тайне. Сейчас перед вами стоит выбор: либо остаться, и завтра будет все точно так, как я вам описал, либо довериться мне, и тогда у вас появится то, чего никогда не было.

- А если я не хочу этого, Боб?

- Не хотите?

- Да. Если я не хочу ничего этого? Если я хочу, чтобы это все закончилось, пусть смертью. Какое мне, собственно, дело, до всего человечества, как ты говоришь? Благодаря таким людям, как они, я сижу здесь, Боб. Почему я должен чем-то жертвовать ради людей, которых я не знаю.

- Да, я понимаю вас.

- Понимаешь?

- Да, понимаю. Простите меня, я был неправ. Вы действительно никому и ничего не обязаны. Но, позвольте мне просто открыть вам всю правду. Позвольте мне спасти только вас, а дальше, вы сами сможете решать, что делать.

- Откуда столько уверенности в голосе, Боб? Откуда ты все это знаешь?

- Дело в том, мистер Голдмен, что…

Он замолчал.

- Говори…

- Вы сами сказали мне об этом.

- Что?

- Я не хочу вас разочаровывать, но в этих стенах даже смерть не будет вашим концом.

- О чем ты вообще?

- Нет, так я не смогу вам этого объяснить. Вы все должны увидеть сами. Только так, и никак иначе. Только так вы сможете мне поверить.

Иззи Голдмен не двигался. Он как будто превратился в один большой кусок черного мрамора, выросшего в ночной темноте. Он молча обдумывал все, что сказал ему Льюис, а тот терпеливо ждал и не смел его торопить. Роберт прекрасно понимал, сколько всего сейчас свалилось на Иззи, и знал, что ему потребуется время, чтобы принять правду. Правду, к которой он стремился тридцать пять лет.

- Что мне надо делать?

- Хорошо… мистер Голдмен… я рад, что вы…

- Боб, - тот замолчал и посмотрел на Иззи. - Хватит. Не думай, что это конец разговора. Я буду делать то, что ты скажешь, но только потому, что мне нужны ответы. Как только я их получу…

- Вы сможете поступить так, как посчитаете нужным, и никто вас не остановит.

- Ты обещаешь это?

Роберт положил руку ему на плечо.

- Я обещаю, Иззи.

- Хорошо. Так что мне надо делать?

* * *

По полу, выложенному белой плиткой, стелился звук шагов. Командир маленького отряда шел впереди, и хотя внешне он мало чем отличался от двух других бойцов, по его поведению можно было понять, что именно он главный, и кнут власти принадлежит этому человеку без малейшего остатка. Он шел гордо и неумолимо, а в двух шагах позади него шли его подчиненные. Все они, как один, одетые в черную униформу бойцов спецназначения: пошитая на заказ для каждого члена отряда, она сидела идеально и была максимально практичной.

Сегодня, в этот день, когда его по видеосвязи вызвал Артур Браун, командир отряда не посчитал нужным усиливать свою униформу бронепластинами, и все же, руководитель проекта «Гретта» настоял на этом. Он не стал объяснять, для чего эти меры, но его тон был неоспоримым.

- Готовность тридцать минут, - объявил он.

- Майор Гилмор, сэр, - окликнул его один из бойцов и подошел ближе.

- Да, Уотсон.

- На брифинге вы сказали, что в «Греттенсхейме» нас будет четверо.

Говард Гилмор обернулся к нему.

- Все верно.

- Кто четвертый?

- Лейтенант третьего ранга Дилан Остин, пятая группа особого реагирования.

- Никогда не слышал о нем прежде.

- Мало, кто вообще слышал о нем, Уотсон. Ребята из пятого не любят слишком много трепаться о себе.

Они продвигались по белым коридорам, которые, искажаясь, отражались в черных зеркальных касках, закрывающих их лица.

- Неужели заключенный 92 8281 настолько опасен?

- Насколько мне известно - да, Уотсон. С ним шутки плохи, - трое бойцов пересекли восточное крыло. - Перед тем, как взяться за это дело, мне были предоставлены видеофайлы по этому парню, или «образцу», как называют его местные умники. Он настоящий псих. До смерти забил одного ученого металлической ножкой от стула.

- Все настолько плохо?

- Только не для нас, Уотсон. Ведь мы и не к такому готовы, верно?

- Да, сэр, - выпрямился он. - Разумеется.

- Вот и хорошо, - Гилмор активировал планшет и сверился со схемой «Греттенсхейма».

Ученые называли это заведение «комплексом», но для майора это было именно тюрьмой, и не важно, что она давно использовалась для проведения научных экспериментов. Говард Гилмор относился к этому со всей ответственностью. Для него не было важно, что сегодня им придется конвоировать только одного заключенного. Каждое задание было для него равносильно важным и опасным, ведь, именно за этим и обращались к его отряду - миссии повышенной опасности

- Мы почти пришли, - сказал он, определив местоположение. - Осталось всего два пролета. Эдриан, не отставай.

- Есть, сэр, - ответил третий боец, до сих пор идущий позади.

- Майор Гилмор, а где нас будет ждать этот Дилан Остин?

- Лейтенант Остин уже сейчас должен быть возле камеры заключенного 92 8281. Его направили туда еще утром, сменить обычную охрану, чтобы у нас не возникло никаких проблем. Думаю, что сейчас он на месте и ждет нашего прибытия. Запомните, как только окажемся на месте, сразу же оцените обстановку. После этого я скину дополнительную информацию по нашей миссии, и мы сможем дожидаться руководителя проекта, Артура Брауна. Ну, а потом, начнется жара.

- Есть, сэр, - ответили бойцы в один голос.

В тот момент, когда майор Гилмор подошел к последней двери и приложил к сканеру документы и пропуск, Артур Браун встретил в коридоре Роберта Льюиса, и сейчас они уже направлялись к камере Иззи Голдмена, которого на самом деле вот уже несколько часов, как не было на месте.

- Доступ разрешен, - ответила Гретта мягким голосом, и тяжелая белая дверь отползла в сторону.

* * *

Дилан Остин стоял в небольшом помещении. Слева от него находилась дверь, ведущая к заключенному, справа - дверь в остальную часть «Греттенсхейма», и именно оттуда он сейчас и ждал появления остальной своей группы. Его глаза, скрытые непросвечивающей маской, внимательно смотрели на камеру наблюдения, которая степенно осматривала все помещение своим механическим глазом. Сегодня на него была возложена довольно странная миссия.

Совершенно не для этого он отдал двадцать один год своей жизни на обучение в спецотряде. Совершенно не этому его научили десятки опасных заданий. Да, в последнее время общество стало гораздо спокойнее, а уровень преступности снизился до невероятной отметки, но это совершенно не означало, что Дилан сидел без работы. Для него всегда находилось что-то особенное, за что обычно не брались ребята, боящиеся испачкать руки в чужой крови. Его ценили за хладнокровие, которое словно отпечаталось в нем прямиком из другого столетия, когда на улицах города царил хаос и преступность. Особенно хорошо ему запомнились задания на Марсе, где он вместе со своим отрядом наводил порядок в колониях. Вот, где была настоящая работа. Вот, где он мог расправить свои по-мужски широкие плечи. Вот, где он мог дать себе волю.

А сегодня. Сегодня его заданием было нечто странное, необычное, по крайней мере, для него. И все же, это была его работа. Работа, которую нужно выполнить четко и слаженно, как обычно разделывается грейпфрут на кусочки равной величины.

Он повел плечами. Больше всего в жизни он не терпел ожидания, и сейчас некто Артур Браун заставлял его испытывать дискомфорт.

За дверью раздался негромкий шум. Несмотря на прекрасную звукоизоляцию, невозможно было приглушить топот армейских сапог по звукоотражающей поверхности. Он догадался: приближалась оставшаяся группа.

Дверь открылась, и в помещение вошли трое. Как и сам Остин, все были одеты в одинаковую укрепленную униформу. Как и у него, у всех имелись заряженные пистолеты, покоящиеся в набедренной кобуре. Как и лицо Дилана, лица вошедших были скрыты за непроницаемыми масками.

- Лейтенант Остин, я полагаю, - произнес человек, идущий чуть впереди.

- Верно. С кем имею честь разговаривать?

- Майор Говард Гилмор, а это бойцы из моего личного отряда, Майкл Уотсон и Ник Эдриан, - они кивнули. - Вас должны были известить о нашем появлении.

- Все верно, - ответил Остин и поздоровался с вошедшими. Рукопожатие вышло крепким. Именно таким, какое уважал Дилан. Какое уважали они оба. Майор не мог не отметить этого.

- Позволите? - обратился к нему Гилмор.

Остин вытянул вперед правую руку и расстегнул клапан на рукаве, через который был виден кусочек оголенного запястья. Майор Гилмор прислонил к нему конец планшета и активировал устройство распознавания личности. На появившемся экране высветилась табличка подтверждения. Теперь можно было быть полностью уверенным, что перед ними именно тот человек, который был нужен. К тому же, только войдя, Гилмор внимательно отследил каждое движение Дилана Остина, и все в том говорило, что это, безусловно, человек военной выправки.

- Спасибо, - сухо поблагодарил он и дезактивировал планшет, после чего протянул руку для той же процедуры.

- В этом нет необходимости, - остановил его Остин.

Гилмор еще раз посмотрел на него, и теперь у него не осталось ни малейшего подозрения о том, что этот человек профессионал своего дела. В какой-то момент он даже понял, что немного завидует ему и его выправке.

- Прекрасно. Вы знакомы с нашим заданием?

- Не совсем, - ответил Остин. - Мне сказали, что я получу всю информацию на месте. Предупредили, что предоставите ее именно вы, майор Гилмор.

- Совершенно верно. Итак. Сегодня в 11:00 мы должны будем сопроводить заключенного 92 8281 в другую часть Греттенсхейма, где располагается исследовательский отдел. Этим займемся мы с ребятами, а ваша задача, лейтенант Остин, заключается в другом.

- В чем?

- Некто Роберт Льюис, психоаналитик. Нам приказано взять его под стражу сразу после того, как закончится операция заключенного 92 8281, которая предположительно продлится… - Гилмор снова включил планшет и сверился с данными, - Около пяти часов, то есть до 16:00. Так вот, ваша задача в том, чтобы все это время быть радом с Льюисом и не сводить с него глаз, чтобы он не наделал глупостей. Разумеется, вы не сможете быть рядом, когда он будет в операционной, но все остальное время, вы должны быть его тенью. Вам это понятно?

- Разумеется.

- Хорошо. После успешного выполнения миссии, вы должны

будете сопроводить Роберта Льюиса в комнату для допроса. Координаты и вся необходимая информация уже на вашем планшете, - Гилмор замолчал, ожидая, что Остин проверит полученную информацию, но он оставался неподвижным. - Вы не проверите?

- Нет. Всю необходимую информацию я уже усвоил. Остальное выясню во время выполнения задания.

Гилмор удивился.

- Вы уверены?

- Конечно.

Оба замолчали. Первым тишине проиграл майор.

- Хорошо, уверен, что вы знаете, как работать.

- Вы можете не сомневаться в моей компетенции.

- Я и не сомневаюсь, - ответил Гилмор и выключил планшет, после чего повернулся к своим. - Уотсон, Эдриан.

- Да, сэр.

- Расположитесь вдоль стен. Как только дверь заключенного откроется, будьте готовы к проникновению. Заходим четким порядком: я, следом ты, Уотсон, Эдриан замыкающий. Лейтенант Остин, в этот момент будет рядом с доктором. Это понятно?

- Да, сэр.

- Хорошо. Заключенный 92 8281 очень опасен. При проникновении всем быть начеку и знать, что и кто у тебя за спиной. Действуем быстро и четко. Никаких проблем возникнуть не должно, но если что-то пойдет не так, использовать только шокеры. Нам запрещено использовать огнестрельное оружие против заключенного, но если все же возникнут проблемы, стрелять только по ногам.

- Есть, сэр.

- Хорошо. На пока это все, будьте готовы. Начинаем через пять минут.

- Майор Гилмор, - обратился к нему Дилан Остин.

- Да.

- Вы располагаете информацией по заключенному?

- Да, - кивнул тот.

- Кто он?

Гилмор помедлил. Его зеркальная маска чуть приблизилась к шлему Остина, словно он хотел разглядеть за чернью плексегласа его глаза.

- Иззи Голдмен. Человеку, вроде вас, это имя вряд ли о чем-либо скажет. Я имею в виду, что из-за ваших частых командировок…

- Я понял вас, - перебил его Дилан.

- Это хорошо. Так вот. Насколько мне известно из полученных

данных, этот парень настоящий псих. Ученые Греттенсхейма проводили над ним какой-то эксперимент, который сегодня должен закончиться. Насколько я понимаю, он его не переживет, и после операции мы сопроводим его только до морга.

- Понятно, - ответил Дилан. - А что известно о его прошлом?

- О прошлом?

- Да.

- Достаточно. Дело в том, что этот Иззи Голдмен был…

В этот момент раздался звук открытия двери, той, которая вела в основную часть комплекса.

- Рассредоточиться, - скомандовал майор Гилмор, обернувшись к своим. - Действуем по плану.

Дверь открылась, и в комнату вошли двое в медицинских халатах, но не ничуть похожие друг на друга. Один был высоким, в очках, со строгими, чуть угловатыми чертами лица и гневными воинственными глазами. Его халат был безукоризненно выглажен и застегнут на все пуговицы так, что казалось, будто его Адамово яблоко передавлено воротником. Его руки были сложены за спиной, а ноги чеканили шаг, подобно строевому. Этот человек источал что-то отталкивающее, и, наверное, на свете не нашлось бы никого, кто мог бы чувствовать себя комфортно рядом с ним. Во всем его виде было что-то жестокое, беспощадное, и в то же время спокойное. Нет, он не был тираном. Он просто был ярым приверженцем своей работы. Это наверняка был руководитель проекта «Гретта» - Артур Браун.

Другой же, был прямой противоположностью Брауна. Невысокого роста, чуть сутулый, с густыми черными, чуть всклокоченными волосами. Его аккуратные ровные усы плавно переходили в бороду, а та сливалась с тонкими бакенбардами, пущенными от висков по скулам. Его добрые умные глаза выглядывали из под изящной оправы оптических очков. Он держался свободно, раскованно, и все же немного опасливо, даже боязливо. Но боялся он не Артура Брауна и не суровых бойцов, хотя Дилан Остин заметил, как он смерил их взглядом. Не боялся он и предстоящей операции. Казалось, что он опасался самого себя, словно где-то внутри, за этой хрупкой доброй оболочкой, таился неизвестный монстр, который готов был совершить ужасный поступок.

Роберт Льюис. Остин узнал его, и в тот момент, когда доктор держался рядом с руководителем, Дилан сделал крохотный шаг к нему навстречу. Быть начеку. Главное - быть начеку.

- Все готово, сэр, - Гилмор сделал шаг вперед.

- Хорошо, будьте начеку, - ответил ему Браун, обведя глазами каждого. Остин почувствовал, как его глаза, словно

хирургический лазер, скользнули по черной маске.

- Зачем они здесь? - доктор показал на отряд бойцов.

- Что значит «зачем», Роберт?

Значит все-таки Роберт. Остин не ошибся. Его интуиция, как всегда, была на высоте. Браун продолжил.

- Мы имеем дело с маньяком, и прошлая ваша презентация лишь подтвердила тот факт, что с Иззи Голдменом нужны радикальные меры. Я не собираюсь рисковать ни своим здоровьем, ни своей жизнью.

Маньяк? Неужели все настолько серьезно?…

- Но, вы не понимаете…

- Это вы не понимаете, Роберт. Если вы с ним так прекрасно спелись, если он смог пролезть вам в мозги и заверить, что он хороший парень, это совершенно не означает, что это правда. Это только подтверждает, что он опасен.

- Он не опасен, если только вы не будете его провоцировать.

- Провоцировать? Вы видите провокацию с моей стороны?

- С вашей - нет. Но вон те ребята выглядят совсем недружелюбно.

Ситуация накалялась. Дилан уловил напряжение, которое повисло в воздухе, и вот-вот готово было разразиться молниями. Он видел, что нервы обоих были сжаты в кулак, а самоконтроль трещал по швам. Он видел, как нервничает Артур Браун, как волнуется Роберт Льюис, и как настороженно за их поведением наблюдает Говард Гилмор, который держался ближе к руководителю. Что-то должно было произойти. Что-то Остин прекрасно уловил это своим натренированным чутьем.

- Послушай, если ты забыл…

Роберт сделал шаг.

- Нет, это вы послушайте, сэр…

Остин не вмешивался. Пока не произошло ничего такого, что бы потребовало от него решительных действий, и все же, он старался держаться поблизости. Он не слушал, о чем говорит Роберт, но очень внимательно следил за каждым его движением, отслеживал, анализировал, просчитывал ходы наперед. В какой-то момент он повернулся и посмотрел на майора Гилмора. Тот понял его взгляд и кивнул.

- Хватит! - голос Артура Брауна заставил Остина обернуться. - С меня довольно твоей пустой болтовни! Мне уже не важно, что ты сейчас будешь говорить. Я вижу тебя насквозь, Роберт, и прекрасно знаю, что у тебя на уме.

- Да? И что же у меня на уме?

Дилан напрягся.

- Ты собираешься сорвать эксперимент. Я не знаю, как, но ты

тянешь время.

- Это клевета, сэр…

Их перепалка уже слишком затянулась. Дилан увидел, что, несмотря на своего спокойного командира, остальные двое бойцов заметно нервничают. Их пальцы все чаще касались расстегнутой кобуры.

- С дороги… - прохрипел Браун и оттолкнул Роберта. - За мной. Действуйте по уставу. Гретта. Открыть дверь в камеру образца 92 8281.

Истосковавшиеся Уотсон и Эдриан двинулись в сторону двери. Гилмор подошел ближе к Брауну. Он ждал приказа.

- Нет, Гретта! Не делай этого! Артур, вы не знаете, что творите! Вы сделаете только хуже!

- Да пошел ты!

Выкрикнув эти слова, Браун толкнул доктора, и тот ударился о стену. Настало время действовать.

Дилан Остин подбежал к Роберту. Положив руку ему на грудь, он крепче прижал его к стене, чтобы Льюис не смог двинуться. Другая его рука уже была крепко сжата в кулак. Нагнувшись ближе к нему и заглянув в глаза, он произнес:

- Прошу вас, сэр, не делайте глупостей.

- Убери от меня руку! - выкрикнул Роберт в ответ, и попытался высвободиться, но не вышло.

- Сэр, это последнее предупреждение, - Роберт явно испытывал его терпение. - После этого я буду вынужден применить силу.

Роберт не слушал его. Отвернувшись к руководителю, он прокричал:

- Артур! Вы должны дать ему еще немного времени! Вы должны…

- Я ничего не должен этому сукиному сыну! Гретта! - под грохот голоса Брауна, майор Гилмор жестом приказал бойцам быть в полной готовности. - Какого черта ты не выполняешь приказы?!

- Нет, Гретта! - Роберт не сдавал позиций. - Послушайте, мистер Браун. Вы же разумный человек. Вы ученый. Ну, должны же вы понимать, что такими методами только усугубляете положение. Так вы от него ничего не добьетесь.

- Я не ученый, Роберт, - холодно ответил Браун. Его плечи чуть повелись в сторону, словно разминаясь. - Я просто бюрократ. Гретта…

- Нет!

- Да закрой же ты ему пасть!

Остин отреагировал моментально, и зажал рот Льюиса своей

рукой.

- Гретта! Открыть камеру Иззи Голдмена.

- Слушаюсь, мистер Браун…

В этот момент, услышав знакомое имя, Остин обернулся и увидел, как в сторону отползает дверь камеры заключенного. За белым ровным металлом была непроглядная тьма. Эдриан прислонился к стене, Уотсон положил руку на рукоять пистолета, Гилмор шагнул вперед, а Артур Браун оскалился. И только Роберт Льюис собрал всю волю в кулак, чтобы отнять руку от своего лица и выкрикнуть:

- Нет!!! Иззи!!!

Все произошло быстрее, чем мысль мелькает в распаленном сознании. Рефлексы дали о себе знать, и Дилан Остин с ужасающей силой ударил Роберта по животу. Под рукой он почувствовал податливый мягкий торс ученого и понял, что после такого удара тот вряд ли сможет встать. Роберт выдал короткий хриплый звук, отдаленно похожий на сдавленный крик, и перед тем, как упасть на пол, мельком взглянул на маску Остина. Все, что он успел увидеть, это лишь искореженное болью собственное лицо.

- Заходим, - скомандовал Браун, и это было именно то, чего ждал майор.

Сорвавшись с места, словно боевой андроид, он вместе со своими людьми ворвался в темную камеру. После белой комнаты их глаза долго не могли привыкнуть к темноте, и они были ничуть не лучше слепых котят. Прежде, чем Гилмор отдал распоряжение активировать приборы ночного видения, Браун скомандовал:

- Гретта, включить свет в камере!

Она повиновалась. Яркий белый свет хлестанул по глазам и обжег их. Даже несмотря на фильтры, установленные в масках, бойцы ненадолго ослепли, но не сделали и шагу назад. Первым в себя пришел сам Гилмор. Он осмотрелся вокруг. В камере было пусто.

- Мистер Голдмен…

Остин посмотрел под ноги. Лежащий на полу, сведенный немыслимой судорогой, еле дышащий - этот человек все равно пытался спасти того, кто был ему дорог. Это заслуживало уважения.

- Его здесь нет.

- Что?

- Объекта здесь нет, сэр, - повторил майор Гилмор.

- Как это его нет?

Артур Браун ворвался в камеру, и бойцы расступились перед ним.

- Черт! Твою мать! - взревел Браун. - Где он!

- Сэр… - Говард Гилмор подошел к нему.

- Отвали! Где этот сукин сын! Гретта! Льюис! Где он!

Гилмор стоял и смотрел, как звереет руководитель, как он раскидывал личные вещи Иззи Голдмена, как он яростно метался из угла в угол, как горели ненавистью его глаза.

- Сэр, вам нужно успокоиться, - Гилмор дотронулся до его плеча, но Браун оттолкнул его.

- Убери от меня свои руки! Куда он делся?! Он только что был здесь! Только что был здесь!

Майор отошел назад, двое других бойцов отодвинулись к стене, и лишь Дилан Остин оставался на месте и внимательно смотрел на Артура Брауна.

- Льюис… Льюис!!! Где он, Льюис?! Я знаю, что ты причастен к этому!

- Я…

- Где он, мать твою! Отвечай! Не смей мне лгать, иначе клянусь Богом, я сейчас же пристрелю тебя на месте!

- Я не знаю…

- Врешь! Ты врешь! Ты все знаешь!

Ситуация накалилась до предела. Гилмор подошел к Брауну и произнес холодным голосом. Остин заметил, что тот готов был принять экстренные меры, если ситуация не разрядиться сама собой.

- Сэр, успокойтесь…

- Не смей указывать мне, что делать! Отвечай, Роберт! Я знаю, что это твоих рук дело!

- И как же? Я с самого утра был рядом с вами.

- Вчера…

Остин смотрел на них.

- Вчера я был дома.

- Я знаю, что ты был дома!

- Знаете? Что это значит? Вы что, следите за мной?

- Заткнись!

- Вы установили за мной наблюдение?

- Это… это не твоего ума дело, Роберт!

- Это противозаконно!

- Да пошел ты! Я знаю, что это ты подстроил… я знаю это… и я это докажу… Взять его под стражу! - Дилан Остин мгновенно заковал Роберта в наручники. - В камеру для допроса его. Гретта!

- Да, мистер Браун, - ответила она спокойным тоном.

- Красный код - побег заключенного! Объявляй общую тревогу!

- Слушаюсь, мистер Браун.

- Вы трое - за мной! А ты… - он указал рукой на Остина, - Я

скоро вернусь, а пока научи его хорошим манерам.

- Есть, сэр, - ответил Дилан и посмотрел на Роберта. Доктор чуть улыбнулся.

Артур Браун и трое бойцов вышли из помещения, оставив Остина и Льюиса наедине, под неусыпным контролем Гретты. Внутренности Роберта только отпустила ужасная боль, и он более-менее смог дышать. Он поднял глаза и посмотрел в зеркальную маску Остина, а тот в свою очередь посмотрел на него. Не говоря ни слова, Дилан взял доктора за шиворот, и они вместе направились к выходу.

Они продвигались под неустанный рев сирены, которая гулко раздавалась в ушах. Окруженные красным светом аварийных ламп, располагающихся вдоль стен, эти двое отбрасывали длинные черные тени, быстро скользящие по гладким красным стенам. В какой-то момент мимо них пробежало несколько рабочих. Они хотели остановиться, потому что лицо Льюиса показалось им знакомым, но их останавливал тяжелый немой взгляд Дилана Остина, который не сулил ничего доброго.

Роберт молчал, но молчал вовсе не потому, что ему нечего было сказать. Он молчал, потому что так было нужно. Быстро перебирая ногами, он шел рядом с Диланом Остином, который уже несколько минут не произнесил ни слова. В тот момент, когда они прошли третий пролет и свернули в северное крыло, доктор Льюис думал о дальнейшей судьбе Иззи Голдмена, и что ему нужно предпринять для спасения своего друга.

Пока, все шло именно так, как нужно.

Они подошли к высокой двери. Это помещение располагалось чуть ли не в самом конце Греттенсхейма, и служило входом в технический отсек, поэтому персонал бывал здесь нечасто. Легкая ржавчина по углам двери лишь подтверждало этот факт.

- Дилан Остин, допуск четвертого уровня, - сказал лейтенант, приложив к сканеру раскрытое запястье.

- В доступе отказано, - сообщила Гретта.

Остин посмотрел на Роберта, и тот все прекрасно понял без слов. Была ли это судьба, или что-то еще, противиться происходящему не было никакого смысла.

- Гретта, открой, пожалуйста, дверь в техническое помещение…

- Слушаюсь, доктор Льюис.

Дверь подалась в сторону, и несколько кусочков ржавчины слетело вниз. За ней было темно, сыро и холодно. За ней было то, что осталось от далекого прошлого.

- Входи, - произнес Остин.

Роберт чуть помедлил, потом посмотрел назад. Коридор по-

прежнему был залит красным светом. Сейчас он должен был сделать свой последний шаг на территории исследовательского комплекса. Последний шаг, но, в этот момент…

Он посмотрел на Дилана Остина, посмотрел на его непроницаемую маску и понял, ради чего он все это совершил.

Иззи Голдмен.

Да, безусловно. Это того стоило…

Они шагнули. Тяжелая дверь навсегда закрылась за их спинами.

* * *

Двое мужчин стояли посреди темного помещения. Здесь пахло сыростью и ржавчиной. Откуда-то слева, из морока, доносился мерный шум роторного двигателя старой модели, который приятно ласкал слух.

Роберт двинулся в сторону.

- Современные технологии не добрались до этого отсека. Здесь все работает по старому принципу. Тут нет ни камер наблюдения, ни прослушивающих жучков. Лишь сканеры и датчики самой Гретты, которые говорят ей о том, что все работает нормально, - внезапно тьму развеял небольшой прямоугольник света - Льюис включил компьютер. - Люди нечасто бывают здесь, а многие даже и не подозревают, что это помещение вообще есть в комплексе Греттенсхейма. Вот, кажется здесь…

После этих слов, Роберт активировал несколько блоков на приборной панели, и в помещении включилось освещение. Весьма тусклый, но в желтом свете пыльных ламп можно было без проблем различить все, что окружало вокруг.

- Боже… - произнес боец в черном, когда посмотрел себе под ноги - под решетчатым полом вниз, во тьму, уходила глубокая шахта.

- Да, я понимаю вас. Двести двадцать четыре метра, если я не ошибаюсь, - сказал Роберт, обернувшись. - Не бойтесь, это площадка выдержит и десять человек, не говоря уже о нас с вами.

- Я и не боюсь, просто это…

- Завораживает. Да, мне знакомо это чувство.

Введя еще несколько команд, Роберт отошел в сторону от компьютера. На старом мониторе одно за другим сменялись изображения с камер наблюдения комплекса: в красном аварийном свечении метались люди. Несколько раз на экране мелькнул и сам Артур Браун.

- Все готово, - сказал он бойцу, когда тот подошел и

остановился рядом с ним.

Тот ничего не ответил. Он лишь поднял руки и расстегнул молнию комбинезона на горловине, после чего снял шлем. Поведя головой из стороны в сторону, разминая затекшие шейные позвонки, Иззи Голдмен произнес:

- Черт возьми, Боб. Как же неудобно в этой штуковине.

- Понимаю вас. Но, видите, как я и говорил: это был наш единственный шанс пройти незамеченными.

- Боб, я хотел спросить.

- Да.

- А что с этим Диланом Остином? В смысле, где он сам?

Роберт усмехнулся. Он подошел к Иззи, взял его запястье и снял имплантат чужого АйДи номера.

- Дилана Остина не существует. Этого человека нет, и никогда не было. Он лишь фикция, придуманная для вашего прикрытия.

- Придуманная кем?

Льюис помедлил.

- Вами же.

Иззи чуть отпрянул назад.

- Мною? Что это значит?

- Вы все узнаете. Сейчас я вам не смогу все объяснить. Мы все еще находимся на территории комплекса, и нам нужно выбираться отсюда, как можно скорее.

- Хорошо, - согласился Иззи.

- Итак, действуем по плану, - Роберт посмотрел на экран. - Пути назад у нас все равно нет.

- Боб.

- Да, мистер Голдмен.

- Как ты себя чувствуешь?

Льюис положил руку на живот.

- Признаться, вышло гораздо больнее, чем я предполагал, но сейчас уже лучше.

- Прости…

- Нет, все в порядке. Так было нужно. К тому же, получилось довольно натурально. Вы хорошо вжились в роль.

- Это было довольно сложно.

- Но вы справились, мистер Голдмен. Идемте, нам нельзя медлить.

Они двинулись в сторону от терминала, оставляя позади светящийся монитор. Сейчас их путь пролегал через заброшенные помещения, которые корпорация посчитала нужным оставить для каких-то своих нужд, Роберту об этом не доложили. Они шли, а Льюис прокручивал в голове план комплекса. Какая-то часть его

души старалась держать Иззи Голдмена подальше от инкубатора и хранилища, а потому им нужно было идти в обход.

- Боб, а как же видеозаписи?

- Об этом не беспокойтесь, мистер Голдмен, - ответил он на ходу. - Гретта обо всем позаботится, и сейчас мы с вами не промелькнули не на одной записи. Даже когда произошла эта заварушка перед вашей камерой, ничего не было заснято. Браун, конечно же, обнаружит это, но уже будет поздно.

- А что дальше, Боб. Ну, покинем мы территорию тюрьмы, а дальше?

- Дальше?…

Роберт не торопился с ответом. Он прекрасно знал его. Он помнил каждое слово Иззи Голдмена, который сказал ему, что нужно делать, но говорить об этом сейчас не было никакого смысла. Более того, Роберт сомневался, что вообще сможет сказать об этом нынешнему Иззи.

- Дальше будет видно, когда прибудем на конспиративную квартиру.

- Конспиративная квартира… я вообще ничего не понимаю.

- Я тоже, мистер Голдмен, - ответил он и посмотрел на Иззи, который все так же был затянут в черный утяжеленный комбинезон. - Главное - выбраться отсюда, а там посмотрим.

- И ты знаешь, как это сделать?

- Теоретически - да.

- А практически?

- Ну… да.

- Звучит не особо убедительно.

- Не переживайте, мы это сделаем. Так, нам сюда.

Они подошли к большой укрепленной двери. Иззи поднял глаза и прочел желтую надпись на табличке:

- Общий блок «А». Мы пойдем напрямую через блок?

- Да.

- А как же надзиратели и заключенные? Мы же не сможем просто так миновать их.

- Здесь вам и начнет открываться правда, мистер Голдмен…

Роберт потянул за рычаг, и дверь распахнулась. Перед ними был большой пятиэтажный пролет с тюремными камерами по обеим сторонам. Камеры были пусты. Здесь не было ни одной живой души, и когда Роберт и Иззи шагнули сюда, лишь несколько птиц вспорхнули и устремились к окну под потолком, которое было затянуто тяжелыми прутьями арматуры.

- Что это?…

- Это Греттенсхейм, мистер Голдмен. Точнее, таким он был раньше, много-много лет назад.

- Но, почему здесь никого нет?

- После того, как последний заключенный перевелся из этого блока в другую тюрьму, прошло сто тридцать четыре года.

- Что?

- Да, мистер Голдмен, все верно, вы не ослышались.

- А другие блоки?

- Аналогично. То, что мы видим здесь, царит и в других двух блоках Греттенсхейма.

- А как же…

- Да, это так…

- То есть…

- Мистер Голдмен. Комплекс был построен только ради вас. Все это время вы были единственным, если можно так выразиться, заключенным этой тюрьмы, а сама она давно была заброшенной и приобрела статус исследовательского учреждения. Вот, почему вы никогда не слышали других заключенных.

- Их здесь просто не было.

В какой- то момент, Роберту показалось, что из Иззи Голдмена вытащили все кости, и сейчас он рухнет на пол бесформенной массой, лишь отдаленно напоминающей человеческое существо. Иззи наклонился и прикрыл глаза. Льюис ухватил его за плечо.

- Мистер Голдмен, вам плохо?

- Нет… да… я не знаю, Боб…

- Я понимаю вас.

- Понимаешь? Серьезно?

Иззи поднял на него глаза. Льюис увидел, что в их уголках застыли крохотные капельки слез. Сейчас он поймал себя на мысли… Боже… правда была слишком жестокой для Иззи, а ведь это было лишь самое начало. Что же будет, когда он узнает о…

- Вы правы. Мистер Голдмен. У нас с вами еще будет время для серьезного разговора, и тогда я вам все расскажу.

- Ты все время так говоришь, Боб. Все время…

- Осталось совсем немного. Вы доверились мне, и я не подведу вас, обещаю, - он помог Иззи выпрямиться, тот сделал глубокий вдох. - Идемте, мы почти у цели.

Роберт двинулся вперед, поддерживая Иззи за локоть, а тот все не переставал озираться по сторонам. Пустые камеры во многих местах поросли мхом и какой-то непонятной растительностью, похожей на кустарник и имеющей длинные острые стебли. Полуразрушенные, некоторые из них были раскрыты, другие же, казалось, наоборот, были запечатаны намертво. Обрывки одежды, лоскуты изорванного постельного белья, мелкий мусор - весь пол, как в камерах, так и в пролете,

был просто усыпан этим. То и дело под ноги попадалась какая-то мелочь, которая со звоном, или с глухим стуком, отлетала в сторону. Несколько раз, под потолком, каркнули огромные черные вороны, которые зорко следили за интервентами, не появлявшимися здесь уже долгие годы.

После уютной белой камеры с идеальными гладкими стенами, все здесь выглядело… нереально. Словно кто-то окунул Иззи с головой в далеко ушедшее прошлое, и сейчас нещадно топил его в воспоминаниях, не давая набрать воздуха в грудь. С каждым новым шагом тело ослабевало все сильнее.

- Мистер Голдмен. Держите себя в руках.

- Боб, сделай одолжение.

- Да, конечно.

- Заткнись.

Роберт отнесся к этой просьбе со всем пониманием.

- И отпусти мою руку.

- Конечно.

Они миновали тюремный блок. Роберт сказал, что последний заключенный покинул эти стены уже очень давно, и с виду все было именно так. Но, в какой-то момент, Иззи показалось, что он увидел очертания человека за тюремной решеткой, наполовину скрытого тенью. Мертвого человека.

- Мы пришли, - сказал Роберт, остановившись у двери. Подключив планшет к настенному компьютеру, он сверился со схемой тюрьмы и ввел комбинацию каких-то команд, после чего дверь открылась и они устремились дальше.

Так они прошли еще несколько пролетов. В какие-то моменты им приходилось пригибаться и буквально ползти, чтобы их не заметили в окнах. Роберт и Иззи старались идти техническими помещениями, преодолевая различные преграды на своем пути. В какой-то момент им на пути стали попадаться крысы и еще какая-то мелкая живность, о которой Иззи никогда и ничего не слышал, но на расспросы о ней не было времени.

Он смотрел на этот мир, как только восторженный и одновременно испуганный ребенок может смотреть на белый свет. Все, что его сейчас окружало, казалось диким, чуждым, неправильным… но все же живым. Даже здешний воздух был другим. Казалось бы, затхлый, застоявшийся, он был наполнен ароматами сырости и влажного бетона, смешанный с запахом неизвестной зелени, которая прорастала все гуще и гуще, а в некоторых местах пробивалась даже через пол.

- Все, мы добрались, - сказал Роберт, когда они остановились в двери. - Это вход в шахту, которая выведет нас в систему коллектора под городом. За ней - свобода.

- Свобода… - повторил Иззи, пробуя это слово на вкус. Нет, оно не было для него столь желанным, как для обычного заключенного. Оно просто было для него незнакомым, и он почувствовал, как приподнимаются волосы на руках. По телу пробежала дрожь.

Впервые в жизни, Иззи Голдмен почувствовал страх.

- Осталось последнее дело.

- Что? - переспросил Иззи, выхваченный из собственных мыслей.

- Гретта.

- Что Гретта, Боб?

- Сейчас… дайте мне минутку.

Роберт активировал компьютер и подсоединил к нему планшет. Как и в предыдущих помещениях, здесь не было голосового управления, но сейчас Льюис это легко исправил.

- Доктор Льюис?

- Да, Гретта, - ответил Роберт.

- Мои датчики подтверждают, что вы подключились к компьютеру у северного выхода. Значит, вы добрались.

- Все верно.

- Но, я не могу зарегистрировать ваши биометрики, а так же не могу узнать, с вами ли объект 92 8281.

- Все в порядке, мы целы, - Роберт посмотрел на Иззи. - Мы оба целы.

- Хорошо. Значит, моя миссия завершена.

Холодные слова компьютера лязгнули по сердцу Льюиса. Да, Гретта никогда не была живым созданием, и все же…

Все же их очень многое связывало вместе, и она была его компаньоном на протяжении восьми лет. Восемь лет…

- Гретта.

- Да, доктор Льюис.

Он приложил руку к компьютеру. Его сердце забилось быстрее.

- Ты просто прелесть… - заигрывающе подмигнул он монитору.

Она промолчала. Вряд ли это было проявление чувств или эмоций. Быть может, в ее алгоритмах просто не нашлось подходящего ответа, но приятно было думать, хотя бы сейчас, в последние минуты, что Гретта была живой…

- Ты готова, - спросил Роберт. Его голос дрожал. Иззи стоял чуть позади от него и видел, как сложно даются ему эти слова.

- Да, доктор Льюис. Все системы готовы и ждут вашего распоряжения.

Роберт медлил. Осознание того, что он слышит ее голос в

последний раз, было слишком болезненным и тяжелым, чтобы пропустить его мимо себя. Он сжал руку.

- Гретта… Приступить к форматированию данных. После этого необходимо отключить охлаждение центрального процессора и повысить напряжение, чтобы не удалось восстановить жесткие диски. Затем… - он сглотнул, - Отключи систему жизнеобеспечения в инкубаторах и подай максимальное напряжение на процессор.

- Да, доктор Льюис. Приступаю к форматированию данных.

- Гретта, заблокируй все выходы из комплекса, кроме того, который возле нас. Отключи подачу электроэнергии и выключи систему наблюдения по периметру, а так же сканирование северного туннеля.

- Уже сделано, доктор Льюис. В данный момент форматирование выполнено на тридцать пять процентов.

- Гретта…

- Шестьдесят процентов. Внимание, перегрев центрального процессора.

- Гретта…

- Целостность системы нарушена, системе нанесен непоправимый ущерб. Персоналу необходимо принять экстренные меры для восстановления охлаждения процессора.

- Гретта…

- Внимание… внимание… система…

Экран погас…

- Прости… - произнес Роберт, когда слеза упала на линзу его очков. Иззи подошел к нему и положил руку на плечо.

- Боб.

Раздался всхлип.

- Она… она…

- Все в порядке, Боб. Ты можешь ничего не объяснять. Я все понимаю.

Роберт молчал, и лишь сильнее сжимал терминал компьютера, словно прощаясь с ним навсегда. Да так оно и было.

- Нам нужно уходить, мистер Голдмен, - он снял очки и вытер их о халат. - Нужно уходить, пока они забаррикадированы здесь. Сейчас у нас преимущество, но это ненадолго.

Иззи Голдмен ничего не ответил на это. Он прекрасно знал, как тяжело Роберту, а так же знал, как бесценно сейчас молчание.

Дверь отварилась, и перед ними простерся длинный туннель, в котором сейчас один за другим отключались красные полоски лазеров сигнализации. Путь в Нью-Йорк был открыт.

* * *

- Какого черта здесь происходит?!

Артур Браун ворвался в операторскую. Весь персонал был в полной готовности поднят по сигналу тревоги, и сейчас здесь, как и во всем остальном комплексе, царил настоящий хаос. Люди носились, чуть ли не сбивая друг друга с ног. С самого первого дня работы в проекте «Гретта», они предполагали, что такая ситуация может произойти, но никто не думал, что это окажется на самом деле. Все они, как один, прошли спецподготовку и должны были знать, что предпринимать в экстренной ситуации. Должны были, но не знали.

Сейчас, пожалуй, все, кроме Говарда Гилмора, были просто объяты паникой и не имели ни малейшего понятия о том, что им предпринимать. Майор же оставался спокойным и стоял рядом со взбешенным руководителем. Он ждал распоряжений.

- Мистер Браун… - произнес оператор, который первым попался под руку.

- Что происходит?! Отвечай!

- У нас чрезвычайная ситуация…

- Я знаю, черт тебя подери, что у нас чрезвычайная ситуация! Где объект?

- Неизвестно…

- Что значит «неизвестно»?

- Гретта не может отследить его биометрики, словно он вне зоны досягаемости.

- А что с камерами? Вы просмотрели записи?

Оператор помедлил.

- Мистер Браун…

- Что?

Служащий ввел комбинацию на сенсорном экране приборной панели, и перед глазами Артура Брауна возникло изображение камеры Иззи Голдмена. Заключенный 92 8281 спокойно спал на своей кровати, завернувшись в белое покрывало.

- Что за…

- Мистер Браун…

- Что за черт?! - заревел он во всю силу своих связок. Весь персонал операторской остановился в мгновение ока и уставился на него. - Какого черта?! Льюис! Я убью его! Убью его!

- Мистер Браун… - майор подошел к нему.

- Отойди! Не трогай меня своими руками! Это он во всем виноват! Он! Льюис! - глаза Брауна налились кровью. - Он обвел меня вокруг пальца! Он всех обвел! Где этот ублюдок! Я разорву его собственными руками! Тварь!

- Успокойтесь! - по операторской прогремел бас Гилмора. - Возьмите себя в руки! Вы здесь принимаете решения, и если вы будете вести себя подобным образом, я лично возьму вас под стражу, пока вы не придете в себя, сэр!

- Да пошел ты…

Раздался громкий шлепок… отскакивающий от гладких стен, он прокатился по всему помещению.

Говард Гилмор ударил Брауна по лицу. Это была тяжелая мужская пощечина, тыльной стороной ладони. На красном лице руководителя багровели следы пальцев.

- Да как ты…

- Повторяю в последний раз, сэр. Возьмите себя в руки…

- Клянусь всем, что имею… ты… вы пойдешь под трибунал, майор.

Гилмор снял шлем. Его суровое лицо, кожа, изъеденная рытвинами, бесстрашные глаза… что-то щелкнуло внутри Брауна. Это был страх, порождавший покорность.

- Я отвечу за каждый свой поступок, когда придет время, сэр. Но только не сейчас. Сейчас вам необходимо мобилизоваться. Даже несмотря на экстренное положение, вы остаетесь здесь главным, и вы, сэр, должны продолжить руководить операцией. Сейчас от вас требуется только ясное мышление. Вы меня понимаете?

Браун смотрел на него. Ярость в его глазах потихоньку угасала, но зубы по-прежнему были стиснуты так сильно, что, казалось, вот-вот растрескаются.

- Да, я вас понимаю.

- Хорошо, сэр. Что нам нужно делать?

Руководитель выпрямился и потер щеку. После этого, он поправил волосы и запахнул халат. Осмотревшись, он увидел, что весь персонал замер на своих местах. Все ждали распоряжений, потому что без них они попросту топтались на месте.

Браун молчал. Он переводил взгляд с одного на другого, а в его собственной голове мысли постепенно приходили в порядок. Его лицо постепенно приобретало тот самый оттенок, который все привыкли видеть на нем: это была белая маска холодного безразличия.

Тишина… она начинала давить, но ни у кого не хватило смелости обратить на себя внимание или сделать хоть что-нибудь.

- Все по своим рабочим местам, - произнес Браун. - Выключить сирену, оставить только экстренное освещение. Думаю, что и без этого все уже в курсе, что у нас происходит.

Он сделал несколько шагов. Его взгляд был прикован к

экранам. Гилмор следовал за ним.

- Приоритет: обнаружить образец 92 8281. Если его нет в комплексе, срочно известить об этом лично меня. О любых отклонениях так же извещать лично. К камере образца отправить экспертную группу, чтобы они разобрались, как ему удалось улизнуть от нас. Оператор…

- Да, сэр.

- Увеличить изображение из камеры образца.

Экран увеличился. На нем Иззи Голдмен продолжал мирно спать.

- Прислать сюда лучшего из всех компьютерных червей, которого только сможете найти. Мне необходимо знать, кто стоит за этим. Я не потерплю саботажа в своем комплексе. Так… показать мне, где сейчас находится доктор Льюис.

Оператор принялся судорожно просматривать показания датчиков, а после сказал:

- Сэр. Жизненные показатели доктора Льюиса так же не удается отследить.

- Что это значит?

- Осмелюсь предположить, что его нет в зоне досягаемости сканеров Гретты.

- Этого не может быть…

Браун приблизился к экранам и убедился в этом собственными глазами.

- А лейтенант Дилан Остин?

- Аналогично.

Руководитель обернулся к Гилмору. Взгляд Брауна был суровым и вопросительным, даже ироничным. Майор подошел ближе.

- Они просто исчезли из нашей зоны видимости, сэр, - произнес оператор.

- Отследить их перемещение от камеры заключенного.

Служащий выполнил задачу.

- Сэр, боюсь, что это невозможно…

- Что?…

Голос Брауна чуть не оборвался.

- По полученным данным, Гретта не производила сегодня записи, начиная с полуночи.

Браун посмотрел на майора.

- Это не совпадение, сэр, - произнес он.

Браун ничего не ответил, но он прекрасно знал, чьих рук это дело. Да, тогда, перед камерой Иззи Голдмена, он ничуть не ошибся в предположениях. Он это просто знал.

- Гретта… - произнес руководитель. - Гретта.

Она не отвечала.

- Гретта!

Тишина.

- Это диверсия. Спланированная диверсия.

- Простите, сэр… - переспросил майор.

- Я уверен, что за всем этим стоит Роберт Льюис. Я не знаю точно, зачем ему это, но уверен, что во всем случившемся виновен он. Майор. Дилан Остин, вы встречали его раньше?

- Нет, только читал его досье.

- Будьте начеку, майор, этот человек может быть заодно с беглецом.

- Вас понял.

- Мистер Браун…

Он обернулся. Его окликнула молодая женщина, одетая в серый комбинезон персонала комплекса. Она привстала со своего места.

- Что?

- У вас входящий звонок.

Сердце покрылось коркой льда. Это мог быть только один человек.

- Кто?

- Гордон Элиот.

В висках неприятно стукнуло, и в какой-то момент Браун почувствовал, как вся операторская качнулась перед глазами.

- Подождите, не соединяйте…

- Он ждет…

- Я знаю, что он ждет! - прикрикнул он.

Артур Браун был совершенно не готов к этому разговору. Более того, он даже не имел ни малейшего понятия о том, что надо ответить главе корпорации, который уже наверняка получил подробный отчет. Перед глазами мелькнуло гневное лицо и последствия… плачевные последствия…

- Не соединяйте…

- Сэр! Мистер Браун, сэр! - раздалось с другого конца помещения.

Он обернулся.

- Что такое?

- Аварийной системой было зафиксировано несанкционированное подключение к общей системе комплекса.

- Где?

- У северного выхода.

- У какого еще северного выхода?

- Заброшенной части Греттенсхейма, сэр…

- Льюис…

- Мистер Браун… - не унималась девушка.

- Тихо…

- Что прикажите делать, сэр?

- Мистер Браун, - произнес майор.

Голова шла кругом. Пошла вторая волна хаоса, и Артур Браун не имел ни малейшего понятия, как ее остановить.

- Майор Гилмор.

- Да, сэр.

- Берите своих людей и направляйтесь в указанном направлении.

- Есть, сэр.

- Если вам понадобится помощь персонала комплекса, вы может пользоваться моим распоряжением: для выполнения задачи привлекайте всех, кто может вам помочь.

- Так точно, сэр.

- И, Гилмор…

- Да?

- Иззи Голдмен мне нужен живым и невредимым.

- А остальные?

- Дилан Остин - на ваше усмотрение. Роберт Льюис… майор, - он приблизился так близко к его лицу, чтобы никто не расслышал его слов. - Я хочу видеть доктора Льюиса мертвым…

Браун замолчал. Гилмор отдалился от него и кивнул.

- Вас понял.

- Хорошо… действуйте.

Говард Гилмор развернулся и направился к выходу, но в этот момент перед ним опустилась тяжелая дверь. Он остановился и посмотрел назад. Браун насупил брови.

- В чем дело?

- Внимание, - прозвучал голос Гретты. - Все помещения комплекса изолированы.

- Какого черта?! Гретта!

- Сэр, что происходит? - спросил майор.

- Гретта! Отмена команды. Открыть отсек.

- Отказано.

- Гретта, это Артур Браун. Я приказываю тебе открыть эту чертову дверь!

- Отказано.

- Кто-нибудь, взломайте этот хренов компьютер!

Голубые кристаллические экраны сменились красным цветом. В каждом из них горела табличка «Тревога!».

- Мистер Браун!

- Что?!

Он обернулся. Девушка больше ничего не говорила, она

просто указала рукой в сторону большого экрана. Браун проследил за этим жестом, и тут же наткнулся на изображение Гордона Элиота.

- Артур! Твою мать! Что у тебя там происходит?!

- Мистер Элиот…

- Сукин сын! Если ты сорвал эксперимент, я тебе шею сверну, ты понял меня! Отвечай!

- Мистер Элиот… я…

- Внимание, перегрев центрального процессора. Целостности системы нарушена, системе нанесен непоправимый ущерб. Персоналу необходимо принять экстренные меры для восстановления охлаждения процессора.

- Что? - переспросил глава корпорации. - Что за дерьмо у тебя там творится?

- Я сейчас все вам объясню… - только и успел проговорить Браун, как Гретта перебила его, в последний раз.

- Внимание… внимание… система…

Все потухло. Мониторы, датчики, приборная панель, изображение Гордона Элиота на большом экране. Все было кончено. Комплекс был мертв. Люди боялись пошевелиться и сидели в полной тишине. Артур Браун не мог поверить в то, что все это произошло. Он просто отказывался в это верить.

Браун был далеко не глупым человеком. Он прекрасно понял, что, наверняка, все данные стерты, а образцы в инкубаторах погибнут с минуты на минуту, но они не смогут ничего с этим поделать, так как заперты в этом темном помещении, наполненном толпой беспомощных людей.

Все было кончено, и единственный человек, который сейчас смог бы все восстановить, был в бегах.

Да… все было кончено, но Артур Браун не собирался сдаваться.

- Майор Гилмор, - произнес он в темноту.

- Да, сэр. Я здесь.

- Мне необходимо открыть эту дверь. Для вас есть работа.

* * *

Она сидела на сырой земле, затянувшейся влажной травой. Под сенью ветвистых деревьев, она чувствовала себя в безопасности, хотя страх все равно сжимал ее сердце. Она боялась, боялась до такой степени, что порой забывала дышать.

Оборачиваясь на каждый хорош, она вздрагивала, и ее маленькие испуганные детские глазки старались увидеть его.

Его…

Да. Она до сих пор видела перед собой его глаза. Эти дьявольские глаза, наполненные жестокостью, беспощадностью. Стоило только сомкнуть веки, как она снова наблюдала за его медленными шагами, когда он приближался к ее братику, а в его руке, в свете горькой белой луны, ярко блестел нож. Она жалась к дереву, представляя, что этот ее платяной шкаф, в котором она любила прятаться. Вжималась и надеялась, что он не сможет ее найти, что он пройдет мимо, и он прошел.

Она сидела и смотрела перед собой. Смотрела, как колышется трава под пронизывающим ветром, а в голове, раз за разом, раздавался крик. Ее собственный крик, когда чудовище уже ушло, забрав с собой всю ее семью. Она видела себя со стороны. Вот она выбралась из шкафа, спустя долгое время. Находиться в нем больше было невозможно: там нечем было дышать. Обняв себя за плечи, закрывшись от всего внешнего мира, она подошла к кровати своего братика, чтобы спросить, кто это был. Но братик молчал.

Тряся его за плечо, она все твердила, что ей страшно. Она говорила ему, что боится, что чудовище может вернуться в каждую минуту. Говорила, что помнит его лицо, которое несколько раз поворачивалось к ней, но его глаза не заметили маленькую черную щель между дверьми шкафа, за которой она спряталась.

Братик не отвечал. Она решила, что он очень крепко спит. С ним такое бывало. Да, бывало. Когда они заигрывались допоздна с голограммами животных, играя в свой собственный зоопарк. Она любила жирафов, а братик слонов.

Слоны! Точно! Слоны! Он наверняка проснется, если она изобразит их крик! Проснется и решит немного поиграть с ней, чтобы страх окончательно ушел. Братик проснется, включит свет, закроет дверь, и они будут играть до самого утра, а потом уснут в одной кровати, чтобы было совсем нестрашно.

Но он не двинулся. Сколько бы она не звала его, сколько бы не трясла за плечо, он не оборачивался к ней лицом. В какой-то момент она поняла, что кричит слишком сильно, и сейчас разбудит весь дом. Зажав рот руками, она тихонько вышла из комнаты, чтобы заглянуть к родителям.

В квартире было темно, но на первом этаже горел небольшой ночник, и его спокойный зеленовато-синий цвет мягко стелился по полу и стенам. Она прошла дальше. Чудовища здесь не было, ведь она наверняка увидела бы его в этом свечении, а так, все было спокойно. И тихо.

Тихо?

Она не услышала храпа своего отца. Мерный, глубокий, она любила засыпать под эти смешные звуки, доносящиеся из соседней комнаты.

Она заглянула к родителям. Они спали.

Каждый на своем месте. Мама слева, а папа справа. Она подумала, что, забравшись тихонечко на их кровать, она сможет прогнать остатки того кошмара, который ей привиделся. Да, именно привиделся. Это был просто он. Плохой сон, какие, бывало, снились ей.

Она подошла к кровати родителей, и, проходя, слегка коснулась ноги своей мамы. Она почувствовала холод.

Вскарабкавшись на середину постели, она тихонечко легла прямо между ними, и от этого ей стало так хорошо и спокойно, как бывало раньше, когда ее родители - защитники - отгоняли дурные сны.

Закрывая глаза, она уже начала забывать лицо чудовища, которое приходило к ней во сне, но тут, она почувствовала, что лежит на чем-то мокром. Почувствовала, что вся одежда на ней пропиталась чем-то липким и неприятным. Подняв руку, она в темноте разглядела, что все ее пальцы вымазаны в чем-то черном, противном. Опустив глаза, она увидела, что вся покрыта этой мерзкой жидкостью, взявшейся невесть откуда. Страх с новой силой подкрался к ней сзади.

Она закричала и стала звать родителей, но они не отвечали. Точно так же, как и братик, они очень и очень крепко спали и не слышали ее…

Нет! Нет, это сон! Она сейчас спит! Она до сих пор не проснулась, когда видела чудовище! Она не может проснуться! Она застряла в этом кошмаре.

От этой мысли ей стало еще страшнее…

Она вскочила на ноги, спрыгнула с кровати и выбежала из комнаты. Сбежала вниз, к свету, к спасительному нежному свету. Она была уверена, что именно там она сможет проснуться, а когда проснется, то будет в своей кровати, а братик…

Братик обязательно подойдет к ней, погладит по голове и успокоит. Скажет, что все хорошо, ей приснилось что-то плохое, но сейчас уже все прошло.

Она спустилась на первый этаж и забежала в свет, но он показался ей холодным. Не понимая, в чем дело, она смотрела по сторонам, и, казалось, что тьма подбирается к ней все ближе и ближе. Но, самое страшное, она боялась, что в темноте стоит чудовище и смотрит на нее своими глазами. Смотрит, и улыбается точно так же, как она видела его в последний раз. Да, она запомнила его улыбку, когда он подошел к постели ее

братика и несколько раз опустил свою руку к нему. Поднимал и опускал, и так несколько раз. Она слышала его дыхание, слышала, как чудовище чуть посмеивалось, и ее очень напугал его голос. А сейчас…

Сейчас оно наверняка где-то рядом. Оно не ушло, не покинуло ее страшный сон. Оно просто притаилось в темноте. Оно ждало.

Душераздирающий визг, от которого все горло охватило болью, вырвался из нее. Она бежала по дому, в темноте, не понимая, почему никак не может проснуться. В какой-то момент, она заметила, что входная дверь открыта настежь, и поспешила выбежать из дому, потому что так она наверняка проснулась бы. Но этого не случилось.

На улице было светло: дорожные фонари, парящие прямо в воздухе отлично знали свое дело. Это был как раз тот свет, который был так нужен ей, и она побежала прочь от дома. От дома, где никто не может проснуться, в том числе и она сама.

Она бежала и бежала, босиком, смотря перед собой, а из глаз текли слезы, обжигающие разгоряченные щеки. Бежала, пока непослушные ноги не привели ее сюда, в парк. И сейчас…

Ей было страшно. Страшно от воспоминаний. Страшно от мысли, что она потерялась и теперь никогда не отыщет дорогу домой. Страшно, когда вспоминала эту жуткую ухмылку и дьявольский смешок.

Холодно… как же было холодно.

Где- то справа снова раздался шум. Она прислушалась -это были людские голоса. Они кричали, громко, протяжно и страшно. Они… искали ее?…

Кто это?

Другие чудовища?

Неужели сон привел ее в ужасную страну, населенную страшными созданиями?

Ей нужно было проснуться. Обязательно нужно было проснуться, но прежде…

Снова крик. Страшный протяжный крик. Она услышала свое имя. Кто-то звал ее…

Родители? Братик?

Нет… она прекрасно помнила их мягкие голоса, которые были для нее сладкой переливающейся музыкой. Сейчас она слышала нечто иное. Ни один из этих людей не был похож ни на родителей, ни на братика, а значит…

Другие чудовища…

Пришли за ней… знают ее имя и зовут… зовут…

Почему? Почему она не может проснуться? Почему они так

страшно кричат? Где она находится?

Зажав ладошками уши, она зажмурилась, чтобы не слышать и не видеть их, но здесь было слишком много пространства, чтобы спрятаться от этих голосов. Слезы продолжали литься по щекам, но она боялась даже всхлипнуть, потому что чудовища наверняка услышали бы ее. Услышали бы, и пришли, чтобы забрать ее вместе с собой.

Открыв глазки, она увидела, что недалеко от нее есть мост. Старый, красивый, поросший мягкой травой, а главное, что под ним ее наверняка не найдут. Забравшись туда, она села и обняла коленки руками. Здесь было тихо. Тихо, и спокойно, как было в ее платяном шкафу. Здесь она чувствовала себя защищенной.

Здесь она наверняка сможет проснуться…

* * *

«Эта новость потрясла всех жителей Нью-Йорка. Сегодня утром в собственной квартире рядом с Центральным парком полицейскими были обнаружены трупы семьи Экклс. Как сообщают очевидцы события, ночью из дома Экклсов были слышны детские крики, было похоже на то, что кричала девочка. Прибывший на место отряд полиции не застал в доме преступника, а лишь обнаружил следы преступления, равного которому по жестокости не было уже более семидесяти лет. Не просто убийство, а жестокая расправа над целой семьей, включая маленьких детей Экклсов. Полиция пока не давала официальных комментариев, однако, нам известно, что Анна и Фред Экклс воспитывали двух детей: сына Виктора, а так же дочь Кэролайн.»

Пол Горски, The Morning News

«Из инсайдерских источников нашему изданию стало известно о побеге из заключения в исследовательской тюрьме «Греттенсхейм» Иззи Голдмена. Достоверный источник утверждает, что заключенный 92 8281, на данный момент, являющийся единственным объектом охраны «Греттенсхейма» покинул территорию исследовательской тюрьмы вчера около часу после полудня. Голдмену каким-то образом удалось нарушить целостность системы безопасности, что и позволило ему остаться незамеченным при побеге.

Ранее пресс-атташе «Греттенсхейма» докладывала, что в нынешнем перерождении Голдмена, являющимся уже четвертым, генетикам удалось почти полностью подавить агрессивное поведение испытуемого. Тем не менее, наш источник говорит о том, что это привело к неожиданному побочному эффекту в виде

увеличения интеллектуального уровня испытуемого. Каким-то образом Голдмену удалось ввести своего наблюдателя, доктора Роберта Льюиса, в заблуждение относительно угнетения свойств неповиновения.

События, связанные с крайне-жестоким убийством семейства Экклсов связывают с побегом Иззи Голдмена. Напомним, что в 2005 году Голдмен был осужден на семь пожизненных заключений за зверское убийство семьи Уиллисов. Как оказалось, победить отклонения в психике маньяка не так-то и просто.»

Джейн Буш, The Informer

«Полиция до сих пор молчит о ходе расследования дела Экклсов. За последние несколько часов не было сделано никаких официальных заявлений относительно улик, указывающих на причастность знаменитого преступника Иззи Голдмена к убийству.

Шеф полиции Энтони Терк сообщает о невозможности разглашения материалов о ходе расследования в интересах следствия. Однако, из инсайдерских источников, нам стала известна необычная подробность: тело пятилетней Кэролайн Экклс не было обнаружено на месте преступления. Возможно, Голдмена спугнули полицейские сирены и он бежал, взяв в заложники Кэролайн, не исключено, что девочка уже мертва. Сейчас полицейские оцепили Центральный парк, вероятнее всего, в поисках тела. Так же, есть основания полагать, что эксперименты по изменению психики привели к новым преступным наклонностям Голдмена, в частности - педофилии.»

Майкл Соммерс , The New Yorker

* * *

- Все хорошо, заходите.

- Где мы?

- Это съемная квартира. О ней никто не знает, я позаботился об этом.

Они стояли посреди темной прихожей. Здесь не было ни белоснежных стен, покрытых гладким пластиком, ни высокотехнологичных компьютеров, которые отслеживали бы каждый твой шаг. Как объяснил сам Роберт, это была квартира «старого образца», которые, когда-то, пользовались большим спросом у ньюйоркцев.

Роберт включил свет.

- Здесь безопасно.

Они осмотрелись.

- Это, конечно, невесть что, но вполне сойдет за временное пристанище.

- Это все немного…

- Дико? - спросил Роберт, и Иззи кивнул. - Вы всю свою жизнь провели в исследовательском комплексе, в камере, оборудованной по последнему слову техники. Для человека в вашем положении сейчас многие вещи этого мира покажутся странными.

И уже показались. Иззи не говорил об этом Льюису, отчасти, потому что на это у них не было времени, да ему и не хотелось вдаваться в подробности. Когда они только покинули коллектор и поднялись по лестнице в подвал складского помещения в каком-то учреждении… с этого самого момента Иззи Голдмена охватило странное, неизвестное чувство тревоги. Он понял, как сильно его пугает большое пространство. Именно в тот момент он осознал, что комфортнее и гораздо более защищенным он чувствовал себя в маленьких помещениях, окруженный со всех сторон гладкими белыми стенными, прохладными и приятными на ощупь, а все восприятие мира у него ограничивается записью на видео-панно.

На самом же деле… жизнь преподнесла ему большой сюрприз.

Реальность была слишком пугающей, неправильной. Она, словно была соткана из дурного сна, от которого никак не можешь проснуться. Из сна, которые так часто допекали Иззи по ночам. Чужая, будто навязанная ему, эта жизнь была совершенно не такой, какой он привык ее воспринимать. Голдмен все чаще ощущал страх перед неизвестностью, которая поджидала его везде и всюду.

Здешний воздух, наполненный ярким ароматом пыли и химических примесей; звуки - необычные, громкие, пугающие… но, самое главное - здесь все было не так, каким он привык видеть этот мир на всевозможных записях. Иззи Голдмен словно оказался героем книги, выброшенным на три столетия назад, и сейчас он - путник, потерявшийся не только во времени, но и в жизни. Ему показалось, что в какой-то момент, гигантский экспресс, несущийся на огромной скорости куда-то вдаль, в будущее, распахнул свои двери и вышвырнул его на полном ходу. И сейчас… он падал… несся в пропасть, которой не видно было конца. Окруженная со всех сторон неизвестностью, наполненная опасностями, она раскрыла для него свое жерло, а он все продолжал падать и падать…

Иззи чувствовал себя подавленным, одиноким. Он чувствовал и понимал, что этот мир отличен от него. Что люди, населяющие эти улицы - другие. Глядя им в глаза, Иззи Голдмен не мог с

точностью определить, что он испытывает к ним. Но, на деле, все оказалось именно так, как ему рассказывал о них Роберт Льюис. Он был прав.

Пустые, лживые сами с собой, они были преисполнены злобы, ненависти, алчности и эгоизма. Роберт как-то рассказывал Иззи, что мир сильно изменился за последние несколько десятилетий, и Иззи отлично помнил его слова. Да, сейчас он в них убедился, но все же…

Люди представлялись для него однообразной массой. Их глаза были блеклыми, и даже за яркими радужками прекрасных цветов таилась душевная пустота. Иззи испытывал к ним совершенно разные чувства. Поначалу, он испытывал некий трепет перед ними, страх. Он заглядывал в их глаза, как только потерявшийся щенок может вглядываться в лица прохожих. Но потом…

Это чувство сменилось омерзением. Он почувствовал, что начал призирать их. Призирать, за их низость, серость, непросвещенность. У каждого из них было в тысячу раз больше возможностей, чем имел он сам, но они были настолько глупы и невзрачны, что даже не видели, не понимали этого. Перемена произошла слишком быстро, чтобы Иззи успел на нее среагировать. Он даже не успел заметить, что прохожие вызывают у него отвращение и ненависть. Он шел вперед, ведомый Робертом, пряча свое лицо. Но он прятал его не для того, чтобы кто-то заглянул за границу его глаз, а наоборот. Иззи берег себя, свой внутренний мир от них, чтобы они не успели запятнать его своей скверной.

Но на этом причуды и сюрпризы внешнего, нового мира не закончились, и самое страшное поджидало Иззи Голдмена на улице, когда они переоделись в приготовленную заранее одежду и покинули пределы неизвестного строения.

Небо…

Иззи Голдмен смотрел на него детскими наивными глазами, в которых застыл холодный страх. Среди огромных зданий, царапающих брюхо голубого небосвода, он мог разглядеть лишь крошечную часть всего необъятного, но оно было поистине страшным. Бесконечное, далекое - оно давило на него своей страшной синевой, и он почувствовал себя крохотным муравьем, который слоняется под ногами великанов. Он смотрел на него и дрожал всем телом. Смотрел и боялся отвести взгляд, потому что оно наверняка раздавило бы его в ту самую секунду, когда он утратит бдительность и отвернется. Словно вкопанный гранитный истукан, Иззи остановился посреди улицы, в толпе прохожих, запрокинул голову наверх и взглядом устремился ввысь. А оно

манило его… притягивало… звало… Это было самым страшным, и одновременно самым потрясающим, что он видел когда-либо в своей жизни…

Где- то там, в вышине, между недосягаемых крыш небоскребов, показался яркий диск ослепительного белого солнца…

На глазах появились слезы…

Иззи Голдмен сел на стул, который он задвинул в самый далекий и темный угол гостиной, в которую его привел Роберт. Он сел, поджав под себя ноги, и озирался по сторонам, как загнанный зверь, прячущийся в уходящей тени. Он не знал, как реагировать на все происходящее вокруг, не знал, кому верить и что делать дальше. За тридцать пять лет своей замкнутой жизни, он начал улавливать тонкий смысл своего одинокого существования, и вот сейчас, его вышвырнули вон из уединенного мирка, и он чувствовал, ощущал каждой клеточкой своего тела, что он здесь чужой…

- С вами все в порядке?

- Нет, Боб, - он не посмотрел на него. - Со мной вообще все не в порядке.

- Мистер Голдмен…

Тот закачал головой из стороны в сторону, словно заранее опровергал любой довод Льюиса.

- Я знаю, Боб. Знаю, что ты сейчас скажешь.

- Знаете?

- Да. Ты скажешь, что прекрасно понимаешь меня, но это не так. Сейчас, даже я сам не понимаю себя. Я не понимаю ничего вокруг. Не понимаю этот мир, эту жизнь и этих… этих… - Иззи посмотрел ему в глаза. Его рот исказила скорбь, а глаза блестели в тусклом свете. - Я не понимаю этих людей, Боб…

Роберт молчал. Перед тем, как до их квартиры оставалось меньше квартала, они наткнулись на огромное видео-панно, установленное на небоскребе, высотой в десяток этажей. На нем, возле огромного портрета Иззи Голдмена, были слова «Убийца. Психопат. Маньяк»…

Льюис предполагал, что нечто подобное обязательно застигнет их, и наверняка Иззи скорее узнает правду от диктора новостного блока, чем от него, но, как бы он ни старался, избежать этого было невозможно.

- Почему, Боб?… Скажи мне, почему?

- Мистер Голдмен…

- Почему они ненавидят меня? Я ничего такого не делал…

- Дело не в вас. Дело в них самих.

- Кто я такой? Что они говорили обо мне, Боб? Я… я ничего

не понимаю… я не понимаю, зачем я здесь… я не понимаю, кто я… Господи… Боб… зачем я только согласился идти с тобой?…

- Мистер Голдмен…

- Лучше бы меня убили…

- Нет.

Иззи обернулся.

- Что?

- Нет. Смерть - это не выход.

- Не выход? Посмотри на меня, Боб. Посмотри… кто я такой? Разве у такого человека, без прошлого, без будущего, вообще есть выход?

Роберт молчал.

- Видишь, Боб. Оказывается, еще есть вопросы, на которые у тебя нет ответов.

- И все же, мистер Голдмен, вы не…

- Неправ? Ты хочешь сказать, что я неправ?

Льюис ничего не ответил. За окном сгущалась ночь, и по опущенным жалюзи блеснул красно-синий полицейский свет.

- Нет… или да… на самом деле…

- На самом деле и здесь у тебя нет ответа, Боб. Но я хочу, чтобы ты знал, кое-что.

- Что?

- Я тебя ни в чем не виню, - Иззи смотрел прямо ему в глаза, как привык. - Ты хороший человек, Боб. Более того, ты мой единственный друг, и я благодарен тебе за все, что ты для меня сделал, и делаешь.

- Я…

- Нет… Боб… я перед тобой в долгу, и вряд ли смогу расплатиться. Но я хочу, чтобы ты меня понял. Я не знаю, что мне делать дальше…

Они замолчали, и это молчание слишком затянулось. Роберт даже начал прислушиваться к звукам на улице, но потом…

- Боб…

- Да, мистер Голдмен.

- Я думаю, что настал тот момент.

Правая рука Льюиса чуть дрогнула.

- Вы уверены?

- Да. Прошу тебя, позволь хоть раз в жизни мне решать за себя.

Роберт чуть помедлил, всего с секунду.

- Хорошо.

- Я хочу знать правду про себя, Боб. Кто я такой. Ты обещал.

Роберт слишком хорошо знал человека перед собой. Он снова и снова прокручивал в голове тот момент, когда прошлый Иззи

Голдмен покончил с собой, записывая последние для неизвестного доктора из будущего. Вот и сейчас он увидел, как Иззи закрывает глаза и опускает подбородок на грудь. Он не смог бы его остановить. Ни за что на свете не смог бы…

Но он должен был хотя бы предупредить Иззи. Это был его долг перед самим собой.

- Принять это, мистер Голдмен… принять то, что вы узнаете, будет сложно…

- Ты говорил мне об этом много раз, и я помню твои слова. Сейчас, я готов.

- Готовы?

- Да. Пожалуй, узнать себя, это единственное, для чего мне сейчас стоит жить.

Сердце Льюиса сжалось до размеров спичечной головки. Кровь замерла в жилах. Дыхание прекратилось. Горло сдавил ком. Да… он снова видел тот тусклый свет отчаяния в глазах этого человека.

- Хорошо.

Он встал и подошел к двери, на которую Иззи до сих пор даже не обратил внимания. Остановившись перед ней, Роберт опустил глаза, задумался над чем-то, а потом потянул за ручку.

Дверь распахнулась…

Иззи Голдмен подошел к порогу в неизвестную комнату, из которой струился теплый свет одинокой лампы…

- Боже…

* * *

Многофункциональный вертолет легко маневрировал среди небоскребов. Его двойные винты, по одному с каждой стороны, плавно перетекали из стороны в сторону, в такт движения воздушного аппарата, что придавало ему сходство с живым организмом. Легкие воздушные завихрения, словно тянущаяся сладкая вата, преследовали его попятам. Его бортовой сканер отслеживал все передвижения в зоне видимости. Электрокары, люди, даже животные - он реагировал на малейшее передвижение под своим гладким стальным низом. В инженерном отсеке сидело двое операторов. Облаченные в военную униформу, они внимательно проверили и анализировали полученные данные. Перед их суровыми лицами завис портрет беглого преступника - Иззи Голдмена. Они искали его в каждом прохожем, проверяя снимки лиц, сканируя не только основные черты внешности, но даже особенности походки, и если бы Голдмен был где-то там,

внизу, на улицах возбужденного Нью-Йорка, они обязательно нашли бы его.

В какой- то момент, сворачивая на соседнюю улицу, пилот заметил вдалеке точно такой же вертолет, и бортовой компьютер тут же высветил на экране его опознавательные знаки: четвертая поисковая группа, юнит 527; результаты поиска -1 345 754 человек; совпадений - 0.

В этот же момент, мимо кабины пилота, пролетел небольшой поисковый безпилотник - робот. Его голубой светящийся глаз объектива лишь на долю секунды метнулся к пилоту вертолета, сверяясь с его параметрами и проверяя задачи миссии, после чего так же вывел на монитор данные, которые ему удалось раздобыть. Совпадений все так же не было. Получив разрешение на дальнейшие поиски, он устремился вдаль. Опустившись на уровень уличного освещения, он скользил над людскими головами, и проверял каждого, кто бы ни попадался у него на пути. Никто не смогу бы ускользнуть от него. Никто, кроме Иззи Голдмена.

- Майор Гилмор, сэр, - сказал пилот, зависнув на уровне пятидесятого этажа. Аппарат чуть тряхнуло.

- Докладывайте, - ответил Говард Гилмор.

- Заряд генератора на исходе, мощность двигателей опустилась на семьдесят процентов, нам нужно возвращаться для подзарядки.

Гилмор быстро посмотрел на Артура Брауна, который так же сидел в кабине пилота. Тот покачал головой.

- Держитесь в воздухе столько, сколько это будет возможно. Потом возвращаемся на базу.

- Есть, сэр.

- Продолжать сканирование.

- Слушаюсь, выхожу в квадрат Дельта три-ноль, - сказал пилот, направляя вертолет в смежный квартал. - Центральная, это Ястреб шесть.

- Да, Ястреб шесть.

- В секторе Гамма два-девять подозреваемый обнаружен не был. Как поняли?

- Поняли вас, Ястреб шесть. Передаю данные наземным группам.

- Конец связи.

Все стихло. В тот момент, когда вертолет чуть наклонился вперед, из кабины было видно, как улицы патрулируются черными, как нефть, бронетранспортерами. Пешие поисковые группы подходили к гражданам и проверяли их личные данные, опрашивали, предупреждали.

На город медленно опускалась беспокойная ночь.

- Пока никаких результатов, сэр, - сказал Гилмор.

- Черт бы его побрал, майор… черт бы его побрал… - твердил Браун, глядя в пол.

- Объект, сэр?

- Нет. Роберт Льюис.

Гилмор ничего не ответил.

- Теперь я точно знаю, что было на у него на уме… каким же я был идиотом, что не смог разглядеть столь очевидного. Он с самого начала знал, что именно так оно и будет. По его поведению, по характеру было видно, что он что-то замышляет. А я не смог этого просечь.

- В этом нет вашей вины, сэр.

Артур Браун взглянул на него и недобро усмехнулся. В его глазах было отчаяние.

- Нет, майор. Если и на ком-то лежит ответственность, то только на мне, и ни на ком больше.

- Еще не все потеряно, мы отыщем его.

Браун отвернулся и вновь покачал головой.

- Механизм уже запущен, майор Гилмор…

- Вы имеете в виду…

- Я имею в виду, что сейчас под угрозой срыва не только наша с вами миссия. Эксперимент, который продолжается уже больше двухсот лет, на грани разоблачения. Вы не имеете представления о размерах той партии, в которую я себя, да и вас тоже, втянул. Она просто огромна…

- Я не понимаю, сэр.

- Корпорация, майор. Корпорация не оставит это дело просто так. Слишком уж многое на кону. Все данные стерты, образцы тканей погибли, целостность Гретты не восстановить. Единственный ключ к тому, чтобы все это исправить, это тот человек, где-то внизу, под нами. Если мы не найдем его…

- Мы найдем его, сэр, - его голос источал уверенность, которой сейчас так не хватало Брауну. - Я обещаю вам. Только…

- Что?

- Мне нужно знать…

- Что именно?

- Сэр… объект и вправду мог убить ту семью, о которой сейчас говорится во всех новостях?

Браун помедлил. В памяти всплыла картинка, видеозапись, которую ему показал Роберт Льюис.

- Он опасен, мистер Гилмор… крайне опасен…

- Я понял вас.

Они замолчали.

- Майор, - снова донеслось из кабины пилота.

Гилмор обернулся и кивнул пилоту.

- Возвращаемся. Сообщите в центральную, чтобы они подготовили для нас запасной транспорт. Пусть задействуют для поисков все резервы, которые только имеются.

- Скоро стемнеет, сэр.

- Ночь для нас не проблема. Включим тепловизор и продолжим сканирование. Сообщите в центральную, чтобы дали добро на введение комендантского часа, сейчас это приоритетная задача.

- Понял вас, сэр. Выполняю, - ответил пилот.

Гилмор вернулся к Брауну. Тот по-прежнему оставался на своем месте. Все так же молча, он смотрел в пол, сцепив пальцы в замок.

- Мистер Браун.

- Да, майор.

- Могу я задать вам вопрос личного характера?

Тот посмотрел на него с интересом.

- Спрашивайте.

Говард Гилмор хотел спросить, что же будет в том случае, если им не удастся отыскать Иззи Голдмена? Что их ждет, в случае провала? Но потом, он вспомнил собственные слова, который произнес минуту назад.

- Нет, ничего. Простите, сэр.

Браун никак не отреагировал, и не стал допытываться, о чем же хотел узнать майор. Он просто отвернулся и вновь погрузился в свои мысли, которые все больше и больше разрывали его изнутри, вырываясь наружу. Правой рукой он машинально ощупывал свой подбородок. Небольшая щетина чуть шуршала под пальцами.

- Майор, - спросил он, не сводя глаз с панорамы города, - Вы получили информацию по Дилану Остину?

Гилмор совершенно забыл об этом. Да, он получил, но это ничуть не обрадовало его.

- Сэр…

- Что?

- Дело в том, что этого человека нет.

- Он убит? - голос Брауна повысился.

- Нет, сэр. Дело в том, что его никогда не существовало.

Тот обернулся.

- То есть…

- Дилана Остина никогда не было. Его анкета, боевые заслуги и прочее - было фикцией. Такого человека никогда не существовало в пятой группе особого реагирования.

- Тогда… тогда кто же был среди нас вчера?

- Боюсь…

- Господи Иисусе… это был…

- Думаю, что так.

- Иззи Голдмен?…

- Да, сэр.

- У нас под носом?

- Да…

- Роберт… объект был среди нас… он был рядом с этим прихвостнем Льюисом, когда мы ворвались в его камеру. Он был среди нас… человеком из вашего отряда…

- Я знаю, сэр…

- И вы…

- Прошу заметить, что Дилан Остин… - он осекся, - Этот человек не был членом моего отряда, тех людей, которых я знаю лучше, чем себя самого. Он был направлен к нам.

- Направлен кем?…

- Вами, сэр…

- Черт возьми…

И тут Артур Браун вспомнил вчерашний день. Вспомнил, как сидел в своем кабинете, потягивая крепкий утренний кофе, пребывая в чувстве легкой эйфории, ожидая долгожданных результатов. Он просматривал данные, которые не казались ему важными. Он вспомнил, как на его компьютер пришло извещение о том, что подходящий человек был найден. Вспомнил, как мельком пробежался глазами по его анкете и понял, что он, как никто другой, подойдет для задержания Роберта Льюиса. Он был охвачен свей гордыней, злобой… Браун так ненавидел этого человека, что ненависти застелила его взор.

- Это моя вина, - повторил он в который раз.

- Сэр, - Гилмор хотел ему что-то сказать, но тот остановил его рукой.

Майор понял, что сейчас Артура Брауна лучше не трогать. Он отошел и направился к инженерам, потому что именно там он сейчас был наиболее полезен. Браун остался наедине с самим собой. Ослабленные двигатели вертолета чуть качнули аппарат, после чего он все так же плавно продолжил свой полет к базе, где их уже поджидал запасной транспорт.

На Нью- Йорк опустилась тьма, разгоняемая фонарями полицейских машин.

* * *

«Шеф полиции Энтони Терк сообщает о невозможности разглашения материалов о ходе расследования в интересах следствия. Однако, из инсайдерских источников, нам стала известна необычная подробность: тело пятилетней Кэролайн Экклс не было обнаружено на месте преступления. Возможно, Голдмена спугнули полицейские сирены и он бежал, взяв в заложники Кэролайн, не исключено, что девочка уже мертва. Сейчас полицейские оцепили Центральный парк, вероятнее всего, в поисках тела» - донеслось из динамика телевизора.

- Маленькая дрянь…

Он заревел. Его кулаки сжались и затряслись.

- Маленькая живучая дрянь… как ты ушла от меня?… Как я тебя не заметил?

Стоя посреди своей гостиной, в свете включенного телевизора, он смотрел на портрет девочки, который решили показать в прямом эфире. В ту ночь, когда он упивался своей жестокостью с ножом в руке, он не нашел ее.

- Болван… идиот… - ругал он себя, вспомнив, что видел вторую детскую кроватку, которая оказалась пустой. Видел и не обратил на нее никакого внимания, потому что рядом с ним во сне тихонько посапывал маленький мальчик. Ему нужно было быть внимательным. Ему нужно было отыскать ту девчонку, которая наверняка видела его лицо… - Точно! Она видела меня! Видела меня… стерва… она запомнила меня… она сдаст меня полиции… она сдаст меня… сдаст…

Присев на стул, он нервно покусывал пальцы рук. Его хищные глаза впивались в фотографию пятилетней Кэролайн Экклс - единственной выжившей после его страшного преступления.

- Стоп! - приказал он. Изображение на экране замерло как раз в тот момент, когда диктор перешел к следующей новости. - Отмотать на двадцать секунд назад, - изображение сменилось с учетом указаний. На экране снова появилась Кэролайн.

Он поднялся с места, подполз к телевизору так близко, что защипали глаза, но взгляда он не отвел. Он всматривался в ее детские черты, в ее лицо, глаза, улыбку…

- Так чиста… так наивна… бедное дитя… - произнес он. - Мое бедное маленькое дитя…

Его пальцы погрузились в голографический экран, прошли его насквозь. Он хотел дотронутся до нее. Он хотел коснуться ее мягкой белой кожи, но Кэролайн была слишком далеко. Слишком далеко…

Далеко?

- Нет… прошептал он. - Нет, нет, нет… я… я найду тебя… найду тебя… ты моя. Ты будешь моей… я не могу… не могу

отпустить тебя просто так. Теперь… мы связаны. Ты и я… ты принадлежишь мне, отныне… принадлежишь мне… мне! Одному только мне! Только мне!

Он с размаху ударил по телевизору, но рука просто прошла по экрану, не причинив никакого вреда.

- А-а! Я найду тебя! А! Будь ты проклята! - он схватил себя за волосы, глаза его закатились, но он очень точно видел перед собой ее лицо. - Почему?! Почему ты так поступаешь со мной?! Почему ты ушла от меня?! Почему спряталась?! Зачем?! Зачем прятаться, если я все равно найду тебя! Я найду тебя, слышишь? Дрянь! Маленькая несносная дрянь! Я найду тебя, и ты… ты будешь со мной, до самого конца.

Он метался по комнате, хватал себя за одежду, словно хотел сорвать ее, бил себя по лицу, падал, поднимался… а перед глазами все мерещилось лицо маленькой Кэролайн. Улыбающейся Кэролайн. Счастливой Кэролайн…

Живой Кэролайн…

- Нет… я исправлю это… я все исправлю… все исправлю… я смогу… я смогу же? Отвечай мне! Смогу… точно смогу… - он смотрел в окно и царапал свое тело. В свете ночного освещения его глаза были бешеными, злобными, жестокими… они были полным отражением его души…

Он обернулся, посмотрел на телевизор.

- Что они сказали мне? Что они сказали мне? Вспоминай… Они оцепили Центральный парк, в поисках тела… Центральный парк… нет, она жива… ты жива… ты должна быть жива, потому что ты принадлежишь мне… я решаю, жить тебе, или умереть… Центральный парк… да, да… шары, мороженное, грустные клоуны… да… я знаю, знаю, что ты где-то там. Я найду тебя. Я сейчас же найду тебя… да, я так и сделаю…

Под ногами что-то хрустнуло, когда он прошелся по своей комнате. Открыв небольшую полку, он достал из нее нож. Нож, который в последнюю их встречу отнял сразу три жизни, и сейчас должен был отнять еще одну.

Всего одну…

- Я иду к тебе, - сказал он, надевая легкую черную куртку. - Я уже иду…

* * *

Иззи стоял перед большой стеной, увешенной газетными вырезками. Некоторые из них были совсем старыми, и, казалось, стоило только коснуться их, как они тотчас же рассыплются в

прах. Другие же были более свежими, но все же старыми: желтизна бумаги была характерной печатью прошедшего времени. И на каждом таком клочке было его имя:

«Иззи Голдмен. Иззи Голдмен. Иззи Голдмен…»

После большого жирного шрифта шли фотографии. Разные, но в основном, на каждой из них был портрет самого Иззи. Вот его держат полицейские. А вот его выводят из зала суда. Вот он лежит на больничной койке…

Люди? Тела?

На одной фотографии он разглядел несколько тел, лежащих рядом, и подпись под ней

«Зверское убийство семьи Уиллисов…»

- Боже… что… что это такое, Боб?

- Мистер Голдмен… - Роберт подошел ближе.

- Что это все такое?

- Это… это ваше прошлое…

- Что? Прошлое? Но… что…

- Я сейчас все объясню вам…

- Боб… - Иззи сорвал со стены одну из вырезок. На ней была его фотография, а внизу стояла дата: 17 сентября 2007 года. - Что это? Кто этот человек?

На фотографии был тот самый Иззи, который позже в собственной камере изобьет до смерти психоаналитика. Его глаза… лицо… он был похож на самого дьявола…

- Это вы…

- Что? Что ты сейчас сказал?

- Это вы, мистер Голдмен.

- Боб… не смей… слышишь? Не смей так поступать со мной. Не смей мне врать…

- Я не вру вам, мистер Голдмен. Это вы.

- Какого черта? Этот снимок был сделан в 2007 году, а сейчас…

- Да… сейчас 2265 год…

- Что?…

Огромная ледяная глыба внутри Иззи Голдмена раскололась и тысячей жгучих осколков разнеслась по всему его телу. Он почувствовал тошноту.

- Да. Вы не ошиблись. С того момента, как была сделана эта фотография, прошло двести пятьдесят восемь лет…

- Но… это же невозможно…

- Мистер Голдмен, прошу вас, присядьте…

Иззи опустился на пол. Опустился с раскрытым ртом и широко распахнутыми непонимающими глазами. В его руках дрожал оборванный листок. Под фотографией была надпись:

«Спустя два года после зверского убийства семерых людей, Иззи Голдмен все же был осужден на семь пожизненных заключений…»

- Что… - повторял он одними губами.

Настал момент сказать правду. Сейчас, или никогда.

- Дело в том, - Роберт присел рядом, - Что много-много лет назад вас… вернее… Иззи Голдмена, осудили на семь пожизненных заключений.

- Что?…

- Прошу, позвольте мне закончить. Вы были помещены в Греттенсхейм, но, спустя несколько месяцев, вас перевели в другой блок. Это фактически был изолятор. Руководство тюрьмы приняло такое решение, потому что вы… очень плохо ладили с другими заключенными…

- Я не понимаю…

- Иззи… просто выслушайте меня. Это не очень просто объяснить.

Голдмен смотрел ему в глаза. Роберт снял очки и потер переносицу.

- После вашей полной изоляции прошло двадцать три года. Двадцать три года вы провели в одиночной камере, под постоянным наблюдением психоаналитика… эмм… - перед глазами Льюиса мелькнул тот самый случай. - Так вот. Пока вы находились под заключением, прогресс не стоял на месте и к тридцатому году двадцать первого века мы, люди, совершили огромный скачок вперед, просто невероятный. Мы изобрели внеутробное клонирование людей. Но для этого нужен был подопытный - первый человек, который будет клонирован.

После того, как это новость достигла широкой огласки, во всем мире нашлось немало добровольцев, которые готовы были поставить над собой эксперимент, но суть была в другом. Мы не могли сделать точную копию человека, двойника. Клон не выращивается. Он рождается и растет. Поэтому, для целостности эксперимента нам нужен был некто… более подходящий.

Поиски этого человека отняли ни один год. Ученым был необходим уникальный геном. Дело в том, что клонирование было лишь вершиной айсберга. Во время этого инновационного открытия мы обнаружили способ воздействия на некоторые участки ДНК. Иными словами, если бы мы могли воздействовать на этот участок, мы могли бы изменить самого человека, его поведение, даже ход мышления… я недавно упоминал об этом. Так вот. Мы определили эти участки, но не имели ни малейшего понятия, как выполнить новую задачу, которая была поставлена перед нами. Для этого нужны были многие годы, и, как оказалось,

несколько столетий. Но образец должен был быть один. Необходим был человек, который будет клонирован не один, и не два раза. Он должен был расти в лабораторных условиях, под постоянным контролем ученых. Так было принято решение создания комплекса «Гретта».

Тем не менее, еще не был найден подопытный. Пока…

Я до сих пор не могу понять, как выбор пал именно на вас. Вернее, как о вас вспомнили. Хотя забыть о человеке, осужденным на рекордное количество пожизненных заключений было довольно трудно. Вы были агрессивным, и это, скорее всего, и послужило одним из решающих факторов. Так же… весь город помнил о вашем преступлении, и все единогласно решили, что, раз есть такая возможность, вы должны будете отсидеть каждый свой срок. Иными словами, мистер Голдмен, вы должны были прожить семь жизней в тюрьме… шесть раз вы должны были родиться, и семь раз должны были умереть…

Только очень узкий круг знал об истинной цели проекта Гретта. Все остальные думали, что вы просто расплачиваетесь за свое преступление. Со временем, именно вокруг вашего блока был воздвигнут комплекс, а вся остальная часть тюрьмы была закрыта, всех заключенных перевели.

Это ваша история, мистер Голмен. Вся, как она есть, - закончил Роберт.

Иззи молчал. Он смотрел на него пустыми глазами и отказывался верить. Он не верил ему… да и как в такое вообще можно поверить?! Как?!

Он прикрыл рот ладонью. По лицу потекли слезы.

- Боб… Боб…

- Я знаю, Иззи… я знаю…

- Боб…

Слезы так и текли из его глаз, а подбородок дрожал. Он не мог поверить, что у него никогда не было родителей. Он даже не был рожден, просто выращен, как растение, как овощ у заботливого садовода. Мясо. Просто бездушное мясо. Это было… невыносимо…

- Боб… Боб… Господи…

- Простите меня, Иззи…

- Боб…

- Простите, что мне пришлось рассказать вам об этом…

- Как же так… - он рыдал. - Как же так, Боб… Я… я даже не человек… я… Боб… Господи… за что?

- Мистер Голдмен…

- Господи… я же не он… я не тот человек… я ничего и никому не делал… почему? За что они со мной так… я же не

сделали никому и ничего плохого… Боб…

Он зарыдал. Зарыдал в голос, как только может плакать мужчина, чье сердце разрывает боль. Ему было ужасно тяжело. В один момент вся его душа разорвалась пополам… душа? А была ли она у него на самом деле?…

- Боб… за что же со мной так?! Я же не хотел!

- Простите меня, Иззи… простите меня… - Роберт обнял его, а Иззи уткнулся в него, как ребенок, и плакал. Роберт почувствовал, как из его собственных глаз текут слезы. - Простите меня…

- Что же?! Что же я такого сделал, за что меня так возненавидели?!

- Иззи…

- Ответь мне, Боб! Прошу тебя, ответь мне… пожалуйста, Боб…

Роберт заплакал еще сильнее. В горле образовался ком. Из него вырывался стон, и Льюис чувствовал, как тело Иззи бьет дрожь. Чувствовал, как его сводит судорогами.

- Иззи… вы ничего не сделали…

- Нет! Нет! Это был я! Это был именно я!

- Нет… вы другой человек…

- Нет! Это был я! Моя кровь! Мое лицо! Моя изувеченная душа… все это был именно я! Ответь мне… Ответь!

- Мистер Голдмен…

- Боб… Что… что я сделал?

- Иззи…

- Говори!…

Льюис зажмурился. Слезы капали с его подбородка.

- Вы… вы убили семерых человек… всю семью… из них четверо были детьми…

Правда гильотиной упала на шею Иззи Голдмена…

- Что…

- Иззи…

- Я… я убил детей?

- Мистер Голдмен…

- Я убил детей?! Детей?!

- Прошу вас…

- Аааааа!!!

Иззи кричал, бился в истерике, его красное лицо исказилось от боли. От боли, которая была внутри, в его сердце. От боли, которая была слишком жестокой, чтобы быть правдой. От боли…

- Нет! Нееееет! Ааа!!!

- Иззи, прошу вас…

- Нет! Нет!

- Мистер Голдмен…

- Отойди от меня! Уйди от меня, Боб! Оставь! Я убийца! УБИЙЦА!

- Это были не вы…

- Пошел прочь! Уйди! Я монстр! Монстр! Лучше бы я подох на операционном столе, чем жил так дальше, зная всю правду про себя! Лучше бы вы меня на куски изрезали! Лучше бы вы выпотрошили меня!

- Но так было нельзя…

- Нельзя?! Да пошел ты! Я ненавижу себя! Ненавижу тебя! Я ненавижу всех! НЕНАВИЖУ! - Роберт попытался остановить его, удержать… - Уйди от меня! Не трогай! Не трогай меня!

- Иззи!…

- Отойди! Нет! Нет!

Он сорвался с места быстрее, чем Роберт мог что-то сделать. В слезах, с пульсирующими венами на висках, он выбежал за дверь.

- Нет… нет… - пытался выговорить Роберт, но не мог ничего с собой поделать, и вот, собрав все свои оставшиеся силы, он крикнул. - Иззиииии!!!

Все стихло…

В глубокой ночной тишине, в опустевшей квартире было слышно, как плачет доктор Льюис. Его сердце разрывалось на куски…

Это был конец…

* * *

Иззи Голдмен бежал. Бежал, не помня себя, рыдая, заставляя людей оборачиваться. Он не обращал внимания ни на кого вокруг, и только по чистой случайности не наткнулся ни на патрульный транспорт, ни на роботов, который без устали парили над улицами Нью-Йорка. Несколько раз кто-то из прохожих обращал на него внимание, но его поведение было настолько редким и выбивающимся из общего представления о спокойной жизни, что они тут же оборачивались и шли дальше, по своим делам.

Нет. Ни одному из них не было никакого дела до того, что происходит вокруг. Услышав о том, что в городе появился жестокий убийца, расправившийся почти со всей семьей Экслов, они на какое-то мгновение даже заострили на этом свое внимание, но через минуту большинство из них и не помнили, о чем шла речь. Безучастные ко всем и всему, что происходило

вокруг, они привыкли заботиться только о своем благополучии, и все время старались держаться особняком, чтобы, ни приведи Господь, кто-нибудь не вторгся в их хрупкий наивный мир.

Им не было дела до Иззи Голмена, который сейчас, именно в эту минуту бежал куда-то вперед. Он просто продолжал двигаться, потому что не имел ни малейшего понятия о том, что ему делать дальше. Весь его мир, все тридцать пять лет жизни, похожей на грамотную иллюзию… все это разбилось вдребезги, и осколки витали в воздухе волшебной искрящейся пылью. Все, что было прежде… он сам… все перестало иметь значения, и он просто бежал вперед, потому что это был хоть какой-то выход из положения.

Что ему делать? Сможет ли он когда-нибудь загладить свою вину? Что ждет его впереди?…

У него не было ни одного ответа на эти вопросы. Он просто не знал, что будет подстерегать его за следующим поворотом жизни, и поэтому не останавливался.

Иззи сбился, его ноги плутали и отказывались слушаться, а грудь обдало огнем: мышцы оказались неприспособленными для физических нагрузок. Задыхаясь, спотыкаясь, падая и поднимаясь, он продолжал двигаться вперед. Мимо него проносились дома, с крохотными магазинчиками на первых этажах, тусклые электрокары, что хозяева оставили у своего дома до утра, какие-то прохожие, учтиво сторонящиеся его. Но он не обращал на все это никакого внимания. Иззи Голдмен просто смотрел перед собой, и желтый свет фонарей вытягивался перед взором, искаженный навернувшимися в глазах слезами. Он утирал их на бегу, но через секунду они снова скапливались и текли по щекам бесконечным потоком. Им не было конца, а та боль, которая бушевала внутри него необузданным пожарищем, не утихала ни на секунду.

Он бежал, и несколько раз по нему хлестанул свет полицейской машины, но никто не обратил на него никакого внимания. Сканированию не удалось засечь черты его лица, так как он был в капюшоне, и поэтому его приняли просто за обычного прохожего, торопящегося домой до наступления комендантского часа. Он бежал.

Парк. Несколько раз он видел его на снимках, много слышал о нем, но вот только теперь, спустя огромное количество лет он увидел этот бесподобный и зеленый кусочек природы, в самом сердце огромного холодного города. Иззи остановился у самой ограды и смотрел, как темные кроны деревьев ласкают на ветру холодную ночную тьму. Он был очарован этим зрелищем и тут же почувствовал, как его нос щекочет какой-то приятный, но

незнакомый запах. Принюхавшись, он понял, что так пахнет трава, покрытая мелкой россыпью влаги.

За спиной раздались голоса. Иззи Голдмен обернулся и посмотрел в ту сторону, откуда они возникли. Машин сейчас было немного, и он без труда увидел, как из темного переулка, что через улицу, вышла небольшая группа молодежи, которая что-то обсуждала, смеялась, жила ночной жизнью. Они привлекали слишком много внимания. Иззи жался к ограде и весь был спрятан под тенью дерева на самой границе парка, так, никто не заметил бы его, пока не…

- Эй, что там происходит?…

Откуда- то справа раздался грубый мужской голос. Иззи пригнулся, как припадает к земле кот, почуявший опасность. Менее, чем в ста ярдах от него, возникла фигура мужчины, одетого в черную униформу.

- В чем дело, офицер? - раздалось из толпы.

Полицейский приблизился к ним. Из своего укрытия Иззи зорко наблюдал за всем происходящим.

- Вам нельзя здесь находиться.

- Это еще почему?

- Введен комендантский час, который наступает через десять минут. Прошу вас разойтись по домам.

- А в чем, собственно дело?

- В городе появился опасный беглый преступник…

Беглый преступник… эти слова кольнули в самое сердце…

Иззи зажмурился.

- И вам сейчас небезопасно находиться на улице в такое время, - закончил офицер.

Они еще продолжали говорить о чем, но Иззи уже не прислушивался к словам. Все, что ему нужно было, он услышал, и этого с лихвой хватило ему. Он открыл глаза и увидел, как полицейский возвращается к ограде. Тот остановился на какой-то момент, засунул руку в карман и достал небольшое устройство. По виду это был небольшой металлический шар, выкрашенный в черный цвет. Полицейский активировал его, и шар взмыл в воздух и завис прямо над его плечом. Блеснул яркий прямой луч света: персональный фонарь, оснащенный датчиком движения был верным спутников в ночных поисках.

Иззи Голдмен не знал всех тонкостей этого мира, но какое-то свое чутье подсказывало ему, что нужно уходить, и как можно быстрее.

Он выпрямился, и как можно тише перебрался через ограду. Как только ему удалось отойти от нее, по той самой спасительной тени скользнул яркий свет офицерского фонаря. Иззи Голдмен

скрылся в парке, и его черный силуэт рассеялся среди темных деревьев.

Тишина… Иззи прислушался к ней, и она ему сообщила, что в парке сейчас не было ни одной живой души. Голдмен сбавил шаг, шел легкой походной, не заботясь о том, что его могут увидеть. Мысль о том, что он в бегах испарилась в тот самый момент, когда Роберт рассказал… нет… показал ему правду, и сейчас он не могу думать ни о чем более, кроме как о себе. О своем прошлом, настоящем… может быть даже своем будущем. Он не знал, если оно у него, а даже если и есть, в праве ли он распоряжаться своей жизнью? Как может человек спокойно жить на земле, когда его руки запятнаны кровью убитых людей… детей…

Иззи хотел плакать, но, казалось, что слезы закончились. У него ужасно болело в груди, но эта боль была ничем по сравнению с той утратой, которую он впустил в свое сердце.

Сейчас ему было абсолютно неважно, что он, на самом-то деле, невиновен в преступлении, совершенном в далеком 2005 году. Это был другой человек… или же все-таки он? А если это сделал он, именно он… если… если он ничуть не изменился…

Изменился?

Иззи вспомнил собственные слова. Эта слабость… жестокость, ненависть… все это было в его крови, и руки его были похожи на руки убийцы: холодные и твердые.

Он вспомнил, как много раз чувствовал прилив необузданной злобы. Вспомнил осколки разбитого видео-панно, которые осыпали его со всех сторон. Вспомнил, как кричал на Роберта, как придавил его к стене в момент их побега…

Иззи Голдмен вспомнил, как ударил в живот единственного человека, который всегда оставался предан ему… но хуже того, он вспомнил себя в тот момент, свои эмоции, чувства, желания…

Тогда… вчера… стоя перед своей собственной камерой и разыгрывая весь этот цирк, Иззи смотрел на Роберта Льюиса, который растянулся по полу после его удара. В тот момент он не обратил внимания на то, как дрогнули руки, а по всему телу прошла непонятная, незнакомая дрожь. Иззи вспомнил об этом, и теперь понял все, что произошло с ним тогда. Он понял, что вчера в Греттенсхейме он испытал чувство удовлетворения…

- Нет… нет… - он гнал от себя прочь эти мысли. - Я не монстр… нет…

Его голос был тихим, но все равно звучал слишком громко для здешних мест. Он прикрыл рот рукой и осмотрелся. Вокруг по-прежнему никого не было. Подул ветер, зашептали ветки деревьев. Иззи стало холодно, и он огляделся в поисках укрытия.

Сейчас было совершенно неважно, что именно ждет его в будущем. Ему просто захотелось спать. Он устал…

Неподалеку от него был какой-то старый мост, под которым вполне можно было бы укрыться от ветра, и Иззи направился к нему. Забравшись под каменный остов, покрытый густым зеленым мхом, Голдмен почувствовал себя защищенным. Здесь его наверняка никто не смог бы найти. Здесь он мог спрятаться даже от самого себя.

Его потянуло в сон.

* * *

Нет… нет… этого просто не могло быть…

Как он нашел ее? Как он смог найти ее здесь, в ее убежище? Скрытая от всех посторонних глаз, замкнутая в своем собственном мирке, она просидела здесь весь день, и за это время никто так и не смог найти ее. Никто, кроме него…

Чудовище? Это было оно?

Большой… черный… он все время что-то бормотал себе под нос и… плакал?

Сейчас он спал.

Кэролайн приподнялась со своего места. Из под моста было видно, что до сих пор стояла глубокая ночь. Ее трясло от страха. Она боялась его, и своими маленькими детскими глазенками медленно смотрела, как он дышит. Он лежал спиной к ней, замотанный в непонятную одежду, грязный. Она боялась его. Боялась точно так же, как и тогда, когда сидела в своем шкафу и молилась, чтобы чудовище прошло мимо. Сейчас, она испытывала то же самое чувство, и волна страха захлестнула ее с головой. В руках почувствовалась сильная дрожь.

Что делать? Бежать? Но, куда? А вдруг он проснется в тот момент, когда она отвернется от него и посмотрит в сторону? Да, точно! Он не спит… Нет… он не может спать… Он притворяется.

Она знала это, была уверена, и холодный страх все больше сковывал ее тело. Ей казалось, что сейчас вся земля под ней усеяна мелкими иглами, и стоит ей только повернуться, как они тут же вонзятся в ее тело, и тогда… она закричит. Так сильно, как только сможет, и тут чудовище обязательно обернется и посмотрит на нее своими страшными глазами. Оно будет улыбаться… обязательно будет улыбаться…

Нет… оставаться на месте… не двигаться… чтобы не случилось ей нельзя двигаться. Кэролайн просто должна была оставаться на месте.

А вдруг… вдруг он проснется и не заметит ее? Ведь он же не заметил этот маленький детский комочек, когда вторгся в ее убежище…

Но…

Как? Как он мог не заметить ее? Ведь он шел за ней, выслеживал, как волк выискивает свою добычу. Он знал, что она здесь… знал! И почему же тогда он ничего ей не сделал? Даже не обратил внимания. Просто повалился на холодный пол и тут же уснул…

Господи…

Что происходит…

Чудовище пошевелилось, и в этот момент все лицо Кэролайн окатило ледяным ужасом. Она не дышала, и даже не моргала,

чтобы никак не выдать свое присутствие. Она знала, что стоит ей сделать одно неосторожное движение, как глаза чудовища тут же распахнутся…

Нет… она не хотела… больше не хотела, чтобы он смотрел на нее своими страшными глазами… она не хотела…

Он дышал, и еле уловимо вздрагивал в темноте. Кэролайн было слишком хорошо известно, что это означает. Ночной кошмар…

Но… как же так? Может ли чудовищу сниться ночной кошмар, если он сам прибыл из него? Может ли быть такое, что чудовищу страшно? Ведь… ведь он же плакал… плакал, и все продолжал говорить что-то свое…

Говорить?

Точно… ведь это был не его голос… Он не смеялся так, как смеялось чудовище, стоя рядом с кроваткой ее братика. Тогда… тогда…

- Я не монстр… - простонал он во сне. Она прислушалась. Его голос был тревожным, но мягким. Он был похож на голос ее отца. - Я не монстр… я не монстр…

Что происходит? Почему чудовище говорит такое? Почему оно говорит во сне? Может быть, оно вовсе не спит, а просто говорит с ней? Может быть, оно просто успокаивает ее, говорит, что ей нечего бояться, но, как только она станет спокойной, чудовище схватит ее за ноги и сделает что-то ужасное? Может быть…

- Я не монстр… - снова повторил он.

Кэролайн привстала и посмотрела на его лицо…

Нет… нет… это был не он… это было не чудовище… она точно знала.

Доброе лицо с тяжелой печатью грусти. Ее детский разум еще не мог понять многих вещей в этом мире, как, к примеру, почему ее братик и родители не просыпались, когда она звала их. Но зато, она точно знала, что в сердце этого человека образовалась точно такая же дыра, как и в ее собственном. Она знала, что с этим человеком ей нечего бояться. Что-то подсказывало ей, что он похож на нее, как две капли воды…

Кэролайн дотронулась до его плеча. Он вздрогнул, они вместе вздрогнули, но незнакомец не проснулся. Она положила руку на него, но он по-прежнему спал. Кэролайн стояла и смотрела на него, слушала, как он посапывает во сне. Она еще не понимала, что, возможно, нужна ему, как никто другой на целом свете, но сейчас…

Сейчас он нужен был ей…

Она прилегла рядом с ним, прижавшись своим лицом к его

спине. Она слышала, как бьется его теплое сердце, и понимала, что теперь все будет хорошо.

Теперь, она с ним…

Теперь…

Теперь ей не страшны чудовища…

* * *

Иззи проснулся. Он не знал, как долго пролежал на холодной земле, но над городом все еще властвовала ночь. Не смотря на это, он почувствовал, что несколько часов сна пошли ему на пользу, а свежий воздух смог его немного успокоить. Ему стало легче.

Он захотел перевернуться на спину, потому что его левый бок так и ныл, но тут, прямо за своей спиной, Иззи почувствовал что-то странное. Что-то касалось его. Что-то теплое, живое. Боясь спугнуть, принимая все происходящее за очередное сновидение, он медленно обернулся и увидел прямо перед собой маленькую девочку, которая крепко спала, повернувшись к нему лицом. Ее пухлые ручки, прислонились к подбородку, а ноги были поджаты к животу так, чтобы было немного теплее. Ее дыхание было тихим и спокойным.

Голдмен смотрел на нее и не мог поверить. Он все так же боялся пошевелиться, чтобы она ненароком не проснулась, и почувствовал, как у него затекает шея. Осторожно отодвинувшись от нее, чтобы не разбудить, Иззи перевернулся на другой бок, и теперь его лицо было устремлено прямо на нее.

Изо всех сил он старался прокрутить в голове воспоминания, как он забрался сюда, но никак не мог вспомнить, видел ли он кого-то в тот момент? Усталость тяжелого дня сказалась на нем слишком быстро, и сон настиг его в тот самый момент, когда он позволил себе расслабиться. Хотя…

Девочка была такой маленькой, что он с трудом нашел бы ее, даже если бы хотел разыскать.

За свою жизнь Иззи ни разу не видел детей так близко, а все его представления о них ограничивались лишь обрывками каких-то воспоминаний…

Воспоминаний?…

- Боже… - прошептал он, но тут же прикусил губы. Его голос мог разбудить девочку.

Он вспомнил… слова Роберта… собственное прошлое, на которое ему указали обрывки газет. Иззи смотрел на девочку и не мог представить, как можно было сделать больно такому

маленькому незащищенному существу. Он смотрел на нее и думал, представлял, пытался понять самого себя, того, кем он был два века назад. Как можно было причинить боль ребенку, не говоря уже о том, чтобы отнять его жизнь?…

Глаза привыкли к темноте, и теперь Иззи видел девочку более отчетливо. Ее лицо по-прежнему оставалось спокойным.

Иззи подумал, что ей должно быть холодно, ведь она лежала головой прямо на сырой земле, и эта мысль заставила его привстать, снять толстовку и свернуть ее. Никогда прежде не делал он ничего подобного, но сейчас что-то подсказывало ему, что так нужно. Осторожно приподняв голову девочки, он подложил под нее импровизированную подушку, и та сделала глубокий вдох. Холодный ветер покалывал кожу рук и проникал под майку, но Иззи не обращал на это никакого внимания. Он присел и все так же продолжал рассматривать девочку, не представляя, что ему делать дальше, когда она проснется.

Она чуть потянулась. В этот момент Иззи напрягся всем телом, ощущая легкий страх, стеснение, и что-то еще, чего он никогда прежде не испытывал. Он почувствовал, что несет ответственность за нее. Она нашла его, каким-то неведомым образом прильнула к его спине, ища спасения…

Спасения? От чего? Как она здесь оказалась? Родители? Есть ли у нее дом?

Череда мыслей проносилась перед ним, и он не заметил, как что-то мелькнуло среди них…

Иззи вздрогнул…

Внезапно, прямо перед его глазами пронеслась картинка, а за ней и следующая, пока они не стали сменяться подобием видеоряда. Иззи Голдмен будто попал в маленький кинотеатр, предназначенный только для него, и сегодня, на ночном сеансе показывали только единственный фильм. Сейчас Иззи видел свое прошлое…

Слезы вновь потекли по щекам, чуть обжигая их. Иззи вспомнил все, и сейчас плакал, потому что это было единственным, что он еще мо сделать. Он вспомнил людей, которых убил. Он видел их лица, и, в какой-то миг, он даже смог услышать их голоса, пронизывающие время. Он плакал, но его тело уже не билось в столь жуткой истерике, как было в квартире у Льюиса. Иззи попытался принять это, вновь пропускаю через свое сердце.

Девочка пошевелилась, и Голдмен тут же переключил на нее все свое внимание. Воспоминания моментально отбросило на второй план. Она раскрыла глаза…

- А!… - тихонько вскрикнула она, и в этот момент они

машинально попятились друг от друга.

- Тише… тише… я не сделаю тебе ничего плохого.

Она молчала. Ее легкие жадно глотали воздух, а сердце билось втрое быстрее, чем всего минуту назад.

- Я не обижу тебя, - сказал Иззи, доверительно подняв ладонь перед ней, но девочка отшатнулась. Даже в ночной темноте было видно, с каким ужасом в глазах она смотрит на него. - Как тебя зовут?

- Кэролайн… - выдавила она дрожащим голосом.

- Кэролайн, - повторил Голдмен. - А меня - Иззи.

Девочка молчала.

- Как ты здесь оказалась? - без ответа. - Ты потерялась? Где твои родители?

После этих слов Кэролайн пробила сильная дрожь, и она начала плакать. Без звучно, не так, как обычно плачут дети, добиваясь своего через крик. Это были тихие слезы отчаяния. Слезы потери, которые отталкивались разумом, но принимались сердцем.

- Тише… - снова повторил Иззи. - Я… я не хотел тебя обидеть…

- Иззи?

Даже голос девочки был маленьким, тоненьким.

- Да, верно, - он постарался улыбнуться. Она не увидела этого, но сама интонация сделала свое дело.

- Кто ты?

- Я… я и сам не знаю…

- Ты говорил во сне?

- Да?

- Да.

- И что я сказал?

- Сказал, что ты не монстр.

- Это верно, я не монстр. Я просто… человек.

- Просто человек?

Иззи улыбнулся. Он был потрясен правотою собственных слов.

- Да, Кэролайн.

- Ты не сделаешь мне плохо?

- Нет, что ты… обещаю, я не причиню тебе боль.

- Ты видел чудовище?

- Чудовище?

- Да, чудовище. Оно гналось за мной. Оно хотело забрать меня! Хотело заставить молчать, как заставило моего братика, папу и маму! Оно было здесь! Звало меня! Оно было ни одно. Ты видел его? Видел?

- Нет… нет… я… здесь никого не было, когда я пришел, - произнес он, не совсем понимая, о чем идет речь, но его слова хорошо подействовали на Кэролайн, и она, казалось, немного успокоилась. - Кэролайн?

- Да, Иззи?

- Я обещаю тебе, что защищу тебя от любого чудовища. Со мной ты можешь ничего не бояться.

Девочка посмотрела на него внимательнее.

- Клянешься?

- Клянусь, - решительно ответил Иззи.

- Когда клянутся, то держатся за пальцы, вот так, - показала Кэролайн, сжав, друг дружкой, указательные пальцы. - Меня так братик научил.

Иззи сделал то же самое. Его пальцы сцепились в замок.

- Нет, не так… - сказала Кэролайн и пододвинулась ближе к нему. - Мой палец надо ухватить твоим.

Осторожно, просто повинуясь всему происходящему, Иззи дотронулся до маленького пальчика Кэролайн, боясь сжать его слишком сильно. Вышло неплохо, и Кэролайн удовлетворительно кивнула:

- Вот теперь ты поклялся!

Иззи рассмеялся.

- Откуда ты пришел?

- От друга.

- Твой друг живет далеко?

- Я… я точно не знаю, - ответил Иззи и не соврал. Убегая от себя самого, он не запомнил дороги и сейчас в его памяти остались лишь мелькающие фонари и что-то еще, о чем он никак не мог вспомнить. - Но здесь не очень далеко.

- А как его зовут?

- Боб.

- Боб, - повторила Кэролайн, запоминая это имя. - Иззи?

- Да.

- Мне холодно.

Слова подействовали на него точно так, как действуют на любящего отца. Подняв свернутую толстовку, он сказал:

- Давай оденем ее на тебя. Тебе будет теплее. Хочешь?

- Угу, - качнула головой Кэролайн и подняла руки вверх. Иззи надел на нее кофту, и она сразу же обняла себя руками, чтобы быстрее согреться.

- Ну, как? Нормально?

- Да, - ответила девочка.

- Кэролайн, а где мама с папой.

Она помедлила с ответом.

- Они спят.

- Спят?

- Да, и мой братик тоже спит. Я звала их, звала, но они никак не просыпались. Я думала, что они тоже испугались чудовища, которое пришло к ним, и делают вид, что крепко спят, чтобы оно ушло. Но, когда оно ушло, они не проснулись. Я испугалась и убежала.

Иззи не совсем понял, что именно произошло с родителями Кэролайн, но интуиция ему подсказала, что ничего хорошего. Возвращать девочку домой сейчас было нельзя. Единственным выходом для них оставалось вернуться обратно в квартиру Роберта, а там уже обдумать, что делать дальше.

- Кэролайн, я хочу попросить тебя кое о чем.

- О чем?

- Мне сейчас нужно отойти, а ты будь умницей, посиди тут. Хорошо? Никуда не уходи.

- Не уходи, Иззи. Мне страшно.

- Нет, я не уйду. Ты будешь видеть меня. Мне нужно просто посмотреть, что творится снаружи.

- Не уйдешь?

- Нет. Просто посиди тут, ладно?

- Хорошо, - согласилась Кэролайн.

- Вот и умница.

Поднявшись с места, Иззи прислушался ко всему происходящему. Вокруг было тихо, и лишь листва на деревьях изредка шелестела в потоках прохладного ветра. Голдмен подошел к краю моста и выглянул наружу. Ничего, только кромешная ночь, надежно укрывшая их приют. Он осмотрелся по сторонам, и тут высоко в небе увидел мерцающие огни.

- Патрульный вертолет, - догадался Иззи и произнес это вполголоса.

Бортовые огни военного аппарата медленно приближались к парку, и все его приборы работали на полную катушку. Несмотря на поздний час, операторы работали неустанно, а пилот четко держал курс, направляя машину из квадрата в квадрат. Перед техническими аналитиками был расположен большой голографический экран, на которой выводилось изображение с камер, расположенных на корпусе вертолета. Получаемая картинка отображалась в темно-фиолетовом спектре - тепловизор.

- Кэролайн… - произнес Иззи, отходя глубже к основанию моста. Девочка прижалась к нему.

Вертолет пролетел прямо над их головами, обдавая их противным сквозняком. Его электродвигатели работали в полную мощность, предавая аппарату максимальную маневренность, но

глушители поглощали звук работающих лопастей. Кэролайн и Иззи едва смогли уловить приглушенный хлопающий звук, словно около них промчалась огромная стрекоза.

- Фрэнки, как думаешь, что это? - спросил один из операторов, когда они получали изображение парка в тепловом диапазоне.

Офицер внимательно посмотрел на небольшую оранжевую точку и сказал:

- Ничего. Видимо просто пес.

- Уверен?

Под мостом замерли двое. Холодный камень, простирающийся над их головами, надежно поглощал тепло.

- Да. Я уже не в первый раз вижу такое. Собаки довольно часто попадаются в сканер. Видишь, - он указал на шкалу, - Значение слишком низкое для человека. Это явно не наш парень.

- Ну, что там? - прозвучал голос пилота.

- Ничего, парк пуст. Давай дальше.

- Окей, перехожу в следующий квадрат.

Вертолет скрылся из виду. Иззи почувствовал, как на них снова опустились тишина и спокойствие. Они были в безопасности.

- Иззи, что это было?

- Полицейский вертолет.

- А что он тут делал? Сейчас же ночь?

- Думаю, что он искал меня, Кэролайн.

Она и не подумала пугаться.

- А почему? Ты тоже сбежал из дома?

Из дома… Голдмен чуть помедлил с ответом.

- Да.

- Но ты туда не хочешь возвращаться? Да?

- Верно, Кэролайн. А как ты узнала?

- Потому что ты спрятался от них. Если бы ты хотел вернуться, ты бы не стал прятаться.

Иззи рассмеялся.

- Ты такая умная. Сколько тебе лет?

- Мне уже пять.

- Надо же. Ты уже совсем большая.

- Ага.

- Кэролайн, а ты хочешь вернуться домой?

Она молчала. Молчала долго. Слишком долго.

- Я не знаю.

- Ты боишься? - спросил он.

- Я… мне просто…

- Можешь не отвечать, Кэролайн. Все в порядке.

Девочка ничего не ответила. Они просидели так еще немного, после чего она спросила:

- Иззи.

- Да.

- А можно мне пойти с тобой к твоему другу?

- Конечно. Думаю, что он будет не против познакомиться с такой умной девочкой.

- Точно?

- Абсолютно.

- Тогда идем.

Он взял ее на руки, и осторожно, чтобы не задеть головой мост, покинул укрытие. В парке по-прежнему все было спокойно, и, прикидывая в памяти, откуда он пришел, Иззи двинулся в путь. Кэролайн спокойно покачивалась у него на руках. Обернувшись, она увидела, как за их спинами все удалялся и удалялся мост, а с ним и все плохие воспоминания, коих было слишком много на одну несчастную ночь.

* * *

Роберт сидел на полу. Его глаза отстраненно смотрели вперед, и взгляд упирался в чуть освещенную стену с вырезками газет. Его локти лежали на коленях согнутых ног, а кисти просто беспомощно висели в воздухе. Слезы уже высохли на лице, и от них остались бесцветные солоноватые дорожки. С того самого момента, как Иззи Голдмен выбежал из квартиры, он не произнес ни слова. Он даже не пошевелился, и лишь изредка его грудь вздымалась при глубоком тяжелом вдохе. Все было кончено, и теперь он не имел ни малейшего понятия о том, что ему делать дальше.

- Иззиииии!!!

Льюис слышал свой голос в голове. Каждый раз, снова и снова. Он видел себя со стороны, словно смотрел на ситуацию чужими глазами. Смотрел и видел, как взрослый растерянный мужчина в панике выбегает из квартиры, оставляя наедине с самим собой маленького горделивого доктора, который хотел изменить мир.

Изменить мир?

Нет… эту цель преследовал Артур Браун и все, кто работал над проектом «Гретта». А он… а что он? Увидел послание из прошлого и захотел спасти того, кого по контракту должен был умертвить на операционном столе. И что же это было? Проявление слабости, человечность, гуманность, или, может

быть, жалость? А если жалость, то к кому? Неужели к тому человеку, который был для него совершенно чужим? С которым его ничего не связывало? Который…

Который стал для него другом?

Да… безусловно… это того стоило.

Роберт глотнул воздуха и громко выпустил его из себя.

Сомнений не было. Он все сделал правильно. Сделал все так, как должно было случиться. Никто не в праве был решать, прозябать ли Иззи Голдмену в незнании, или открыть ему тайну. Этот выбор должен был сделать сам Иззи, и он его сделал, а Роберт просто показал ему путь. Иззи Голдмен должен был узнать правду, какой бы губительной она для него не оказалась. Он просто должен был знать, что он за человек. И он узнал.

В этот момент… Роберт Льюис почувствовал, как разрывалось сердце Иззи, когда он окунулся в свое прошлое, и вынырнул из него с глазами, полными слез. В этот самый момент, когда он смотрел в его лицо, когда видел, как дрожат его руки, с трепещущей газетной вырезкой, он осознал, что и в нем самом что-то треснуло, лопнуло, вырвалось с корнем и больше никогда не станет на свое место. Да, это было слишком жестоко, слишком больно, но это должно было случиться. Иззи Голдмен заслуживал право на собственную жизнь.

Еще один глубокий вдох. Роберт поднял глаза к потолку. Ему полегчало, и хотя он по-прежнему не знал, что ждет его впереди, он понял…

Все случилось именно так, как и должно было случиться.

В дверь постучали.

- Иззи?…

* * *

- Майор Гилмор, сэр.

- Докладывайте.

- «Сокол два» сообщил, что объект был обнаружен в квадрате Альфа четыре-один.

- Вы уверены, что это именно он?

- Совпадение на восемьдесят девять процентов. Либо это он, либо я пасхальный кролик, сэр.

- Хорошо, - майор выпрямился. - В каком направлении движется объект?

- Он скрылся в том же квадрате, но сканеры показывают, что он до сих пор находится в жилом комплексе, на третьем этаже, через несколько секунд я получу точные координаты, а так же

схему здания и предполагаемые пути отхода.

- Отлично…

- Какие будут указания?

- Передайте информацию наземным группам, пусть они оцепят периметр, но сделают это тихо и без шума. Все гражданские должны быть эвакуированы из квадрата, но сделать это опять-таки нужно незаметно, чтобы не спугнуть объект. Передайте в центральную, чтобы они подготовили две группы захвата. Особое распоряжение - объект не должен пострадать. Использовать только шокеры и тактический гель. Никакого огнестрельного оружия.

- Вас понял, сэр.

- Хорошо. Свяжите меня с Артуром Брауном, он должен узнать об этом первым.

- Так точно, сэр.

Гилмор замолчал. Он подошел к кабине пилота. Отсюда, с высоты пяти миль над землей, открывался вполне достойный вид на ночной город, горящий тысячами переливающихся огней. Вертолет двигался плавно, бесшумно. Его лопасти, обрамленные в титановые ободa, рассекали воздух. От этого аппарат чуть вело из стороны в сторону, что было несколько похоже на морскую качку, но это даже приятно. Говард Гилмор - человек суровой военной закалки - видел мало прекрасного в таких простых вещах, но, то, что он замечал, ему нравилось. Здесь он мог почувствовать себя чуточку свободнее…

Он задумался, и не заметил, как его ладонь легла на прохладное смотровое стекло. Майор Гилмор не привык сомневаться в своих действиях и решениях. Он всегда верил собственному чутью, и оно его не подводило. Но сейчас…

- Что случилось?… - спросил он себя так тихо, что эти слова не расслышал даже пилот, сидящий рядом с ним. - Что пошло не так?

Он спрашивал себя, как могло случиться, что из-за плевого задания все пошло наперекос и теперь всего из-за одного человека весь город стоит на ушах. Иззи Голдмен… чем он был так ценен для Артура Брауна? Нет… его, Гилмора, ценят и уважают абсолютно не за то, что он задает вопросы. Он солдат…

И все же… майор никогда бы не осмелился нарушить приказ, но сейчас он снова и снова прогонял в голове слова Артура Брауна, и ему не верилось, что Иззи Голдмен мог стать убийцей. Гилмор не знал, почему его терзают такие сомнения, ведь он даже не видел никогда этого человека, не говорил с ним, не смотрел ему в глаза. Что такого было в Иззи Голдмене, что заставило его сердце биться в сомнениях?

- Что происходит? - спросил он вновь.

- Сэр?

Гилмор обернулся. Ладонь отошла от стекла, и кончики пальцев скользнули вниз по прекрасному ночному пейзажу.

- Да.

- Артур Браун на связи, сэр.

- Хорошо, спасибо.

Он сделал несколько шагов и остановился у большого экрана. Его руки были за спиной, а ноги расставлены на ширину плеч. Острый подбородок смотрел чуть вверх. Глаза таили за собой сомнения…

- Мистер Браун…

* * *

Он шел за ними по пятам, высматривал их, как хищник высматривает свою жертву. Взяв верный след, он не прогадал. Она была именно там, где он и предполагал, но теперь, с ней был кто-то. Высокий, с широкими плечами - он наверняка представлял проблему. Но, проблему, которую можно устранить.

Да, да! Он убьет его! Теперь, когда они так близко, что до нее буквально можно дотянуться и коснуться пальцами ее волос, он не позволит, чтобы кто-то другой отнял ее. Кем бы ни был незнакомец, он убьет его. Убьет, и они снова будут вместе. Она снова будет только его, а он всецело будет принадлежать ей.

От мысли, что она будет смотреть на него дрожащими глазами, все тело охватывал экстаз. Он чувствовал возбуждение, которое окатило тело приятной волной, и даже ноги сводило судорогой. Это было предвкушение от скорой близости…

Как посмел кто-то прикоснуться к ней?! Взять ее на руки?! Как этот урод мог взять на руки его принцессу?! Он не мог смириться с этим, но все же, сейчас было не самое подходящее время для нападения. Сейчас она может пострадать, когда он будет перерезать горло незнакомцу…

Да! Точно! Он перережет ему глотку, и будет смотреть, как жизнь медленно и бесповоротно покидает его тело, а в этот момент она будет прижиматься к нему своим маленьким детским тельцем. Да! Она прижмется к нему, уткнется в него своим носиком и попросит прощения за то, что была плохой девочкой. Она извинится и скажет, что теперь больше никогда его не оставит. Никогда-никогда! Она будет только его, и никого больше.

- Извините, мистер…

Его окликнули… кто… кто это мог бы быть? Кому он нужен?

Он остановился и обернулся так, чтобы лишь краем глаза посмотреть на говорившего. Это был офицер полиции. Темно-синяя униформа, которая в темноте казалась просто черной, фуражка, светящийся значок на груди… пистолет в застегнутой кобуре. Его рука почувствовала в себе вес ножа…

- Чем могу помочь, офицер?

- Вам нельзя находиться здесь, мистер. Этот район оцеплен…

Он посмотрел вперед. Незнакомец с его принцессой зашли в дом.

- А в чем, собственно дело? Я просто иду к себе домой.

- Могу ли я взглянуть на ваши документы?

- Мои документы?

- Да…

- Ах… сейчас… они были где-то здесь…

Полицейский остановился на расстоянии в один шаг от него.

- Они точно были где-то здесь… но я мог оставить их дома…

- В таком случае, я вынужден вас попросить пройти со мной.

- Зачем?

- Это просто стандартная процедура, сэр. Я проверю вашу личность, и вы сможете вернуться к своим делам.

- К своим делам?…

- Сэр… вы не могли бы обернуться?

- К своим делам… я должен вернуться к своим делам…

- Что вы сказали?

- Я сказал, что должен вернуться к своим делам… к своим делам…

Офицер сделал шаг и потянулся к его плечу…

- Сэр, могу ли я… Акхх!…

Нож вошел в его горло слишком быстро, чтобы он успел что-либо понять. Он почувствовал боль, но только в первый момент, когда лезвие вошло в него по рукоять. Он чувствовал, как его собственная кровь заливает тело, затекает под рубашку… в широко раскрытых глазах, в которых замер один лишь только вопрос «За что?», быстро темнел свет, и он увидел…

Его глаза… эти дьявольские глаза и хищный оскал. Он чувствовал, как убийца положил руку ему на щеку. Видел, как он заглядывал в его глаза. Чувствовал холодеющим лицо его дыхание…

- Вы хотели посмотреть мне в лицо, офицер? Так смотрите же… смотрите… запомните его… смотрите на того, кто убил вас…

Он вытащил нож. Полицейский схватился за рану на шее и повалился на проезжую часть. Его ноги судорожно тряслись. Так

его покидала жизнь: холодно, бесчестно, жутко…

Он остался лежать у стены дома, куда его оттащил убийца, оставляя за собой кровавый след. Остался лежать с пустой кобурой на бедре.

- Я должен вернуться к своим делам… - сказал мужчина, идущий по следу Иззи Голдмена и Кэролайн Эккcл. Он был уже близко…

* * *

- Иззи?…

- Тише, Боб… - ответил он и кивнул на маленькую девочку, спящую у него на руках.

- Кто это?

- Девочка, о которой сегодня говорили в новостях.

- Кэролайн Эккcл?

- Да, кажется да…

Иззи вошел. Роберт проводил его взглядом. Ему не верилось, что Голдмен вернулся, и еще меньше верилось, что он принес с собой эту малышку.

Он быстро выглянул на лестничный пролет: никого. После этого запер дверь и включил приглушенный свет.

- Мистер Голдмен…

- В парке, - ответил Иззи. Он присел на диван и посмотрел на Льюиса. В его крепких руках Кэролайн чуть поежилась и снова уткнулась ему в грудь. - Я нашел ее в парке, под мостом.

- Что вы делали в парке? - спросил Роберт, но тут же понял циничность своего вопроса. - Извините.

- Ничего, Боб. Все в порядке. У тебя не найдется теплого одеяла? Она замерзла.

- Да, сейчас… что-то такое здесь было, - ответил он, осматривая квартиру. Через минуту он уже держал толстое стеганое одеяло из шерсти.

Аккуратно, чтобы не разбудить ненароком, Иззи приподнялся, положил Кэролайн на диван и укрыл ее. Она посопела и улеглась, продолжая сладко спать.

- В кухню, - произнес Иззи шепотом. Роберт кивнул, и они удалились.

Иззи присел за стол, а спустя минуту появился Льюис, который держал в руках длинный плащ.

- Спасибо, - сказал Иззи и надел его.

- Вы пьете кофе? - спросил Льюис, когда они остались наедине?

- Кофе? - Иззи сел за стол.

- Ах да, простите. Я забыл. Вы же никогда не пробовали его.

- Ну, значит, сейчас самое время это исправить, Боб.

Роберт засуетился.

- Я люблю старину, мистер Голдмен, - сказал он, словно оправдываясь за то, что варит кофе на электрической плите, в турке, а не использует для этого кухонного робота. - Люблю старые традиции. В них есть что-то теплое. Вы не находите?

- Я не знаю, Боб. Тебе виднее.

- Да… действительно… в наше время мир стал слишком автоматизированным, технологичным. Мы уже не мыслим себя без электронных помощников, которые делают за нас практически все. Мы обленились и утратили свои чувства. Быть может, именно поэтому люди стали такими.

- Какими, Боб?

Он задумался. В его руках застыла турка с кофе.

- Немощными, слабыми, жалкими. Машины превратили нас в серую пыль. Они настолько заполнили нашу жизнь, что нам просто приходится проходить из точки А, в точку Б, не прилагая при этом никаких усилий. Мы перестали творить, мы просто создаем… мы действуем, но перестаем думать. Мы привыкли, что за нас думает кто-то другой.

- Ты испытывал это, Боб?

- Да, и, к сожалению, очень много раз, - сказал он, ставя перед Иззи чашку с черным, как деготь, кофе. - Осторожнее, он горячий.

- Спасибо.

Голдмен приложил руки к кружке и почувствовал приятное тепло. Он сделал глоток.

- Ммм… так вот, за что вы все так его любите…

- За что же?

- Гадость, но приятная на вкус. Горько, но вкусно.

Роберт усмехнулся.

- Это вы верно подметили.

- Дааа… - протянул Иззи, и на какой-то миг между ними повисло молчание.

Иззи вращал кружку. Роберт смотрел на диван, на котором спала Кэролайн.

- Боб…

Льюис оглянулся.

- Я вспомнил их…

- Что?

- Я вспомнил все, что со мною было. Я не знаю, как это объяснить, но это так. Я просто заснул, и увидел сон. Снова. Но,

на этот раз…

Он помедлил.

- На этот раз я уверен, что все было именно так, Боб.

Роберт молчал. Ему нечего было сказать. Иззи Голдмен все так же отстраненно смотрел на дымящийся кофе.

- Это было давно, и дело даже не в том, что я совершил это ужасное преступление. Нет, Боб. Все дело было в другом. Я не знаю, рассказывали ли тебе об этом, или нет, но у меня никогда не было родителей.

- Что?

- Вернее, родители у меня, конечно же, были, но я их не видел. Они погибли в пожаре вместе со всем имуществом, когда я был в яслях. Родственников у них не нашлось, так что меня отдали в приют. Никто их воспитателей больше ничего мне не рассказывал о них, да и вряд ли они что-либо знали… - он недобро усмехнулся. - И ведь действительно… когда у тебя больше сотни нормальных детей, которым нужна твоя помощь, какое тебе дело до маленького еврея…

- Но…

- Здесь нет «но», Боб. В моей ситуации все было проще некуда. Маленький мальчик, слабый, худой, державшийся все время особняком от других детей. У меня не было друзей, и даже своих игрушек у меня не было. Единственное, что было моим, так это книги. Я читал, Боб. Я читал очень много для ребенка моих лет, но на это никто не обращал внимания. Да мне и не было это нужно. Я просто брал с собой «Моби Дика», садился на подоконник и перечитывал его в который раз. Нельзя сказать, что на тот момент моя жизнь была кошмаром. Нет… совсем нет. Она просто протекала такой, какой я ее знал, и другой жизни для меня не было. Хм… надо же… я только что подумал о том, что был заключенным с самого детства… Вот она, ирония жизни, Боб. Я получил свой кусочек желанной свободы, но она оказалась не для меня, и я снова сменил обстановку на более привычные стены камеры заключения.

Так что, как я и говорю, все было просто, и эта простота меня устраивала. Я не знал другого мира для себя, он был для меня чем-то неведомым. Если другие дети надували губки и забивались в угол, когда с ними не хотели играть или выгоняли из компании, то на меня это не производило никакого впечатления. Мне вполне было хорошо с самим собой. Так, я мог думать.

Время шло, я взрослел… взрослел так же и некто Майкл Уиллис, который прибыл в приют почти в то же время, что и я. Он был старше меня, и гораздо сильнее. Это был именно тот ребенок,

который в детстве собирает собственную банду и терроризирует малышей, а повзрослев, занимает административную должность и вертит уже делами другого масштаба. Он был сильным, и многие дети ходили с синяками и ссадинами, который оставлял Майк. У него было несколько прихвостней… сейчас я вряд ли смогу вспомнить их имена, да это и ни к чему. Они были толстыми, неуклюжими и страшными. Вместе с ними он вселял ужас во всех, кто попадался ему на пути.

Иззи сделал глоток. Кофе успел остыть, но его сейчас это не волновало. Роберт смотрел на него, не отрывая глаз.

- Я помню… Боб… я прекрасно помню его светлые волосы, которые он всегда зачесывал назад. В кармане его рубашки все была такая маленькая расческа, которую он широким жестом вытаскивал перед девчонками и принимался расчесывать волосы, пародируя героя какого-нибудь фильма. Они хихикали и строили ему глазки. Это, конечно же, придавало ему еще большей уверенности. Они видели в нем «самого лучшего парня на свете», и к тому возрасту, как в наших телах начали бунтовать гормоны, каждая из них мечтала прогуляться за ручку с Майклом, чтобы весь приют видел, какая она крутая девчонка.

Я не привык совать нос не в свои дела, Боб, но несколько раз я видел, как он прижимал этих девчонок в мужском туалете и тискал их грудь, которая только-только начинала расти. Этому парню все сходило с рук, а мне - нет… Я не раз получал за свое любопытство. Чаще всего это были именно те самые прихвостни, реже - сам Майкл. Когда он сам брался за дело, то это обязательно должно было быть публично, чтобы как можно больше народу видело, какой он крутой, и что с ним лучше не связываться.

«Эй, малыш Иззи! Скажи-ка нам, почему ты обрезанный?» - эта фраза отпечаталась в моей памяти, как фермер ставит клеймо на свой скот. - «Эй! Давай же! Покажи его нам! Покажи-ка своего малыша! Мы все хотим посмотреть на него…»

Как я уже говорил, я был слабым и не мог дать отпор обидчикам. Я помню, как было холодно моим ногам, когда один парень из шайки Майкла держал меня за плечи, а другой стягивал с меня штаны и нижнее белье. Я помню… Боб… я помню лица каждого, кто был при этом. Лица, которые смеялись и показывали на меня пальцем… я помню хихикающих девиц, которые готовы были лопнуть от смеха… я помню… Господи… я помню Майкла Уиллиса, и деревянную линейку в его руках… линейку, которой он избивал детей, отказывающих подчиняться его прихотям… линейку, которая оставляла не теле красные жгучие следы, и тонкие ссадины, если бить ребром…

«Спой- ка нам, малыш Иззи! Спой нам! Девочки хотят послушать твой чудесный голосок. Ну, что же ты? Только посмотри, как ты себя ведешь! Надо тебя проучить, верно, ребята?»

Все соглашались… Я помню… холодный пол… я лежу на холодном полу и чувствую, как меня бьют по спине, и все это потому, что я отличался от других детей. Все потому, что я был обрезанным, а они нет…

Мы росли, Боб… рос я… прошли годы, и я покинул приют. Я стал юношей, затем мужчиной. Я почувствовал, как детская хандра потихоньку отпускает мое тело, и с каждым днем мои мышцы становились все сильнее… я вырос, Боб… вырос… но детские страхи, насмешки…

Нет… они преследовали меня… они являлись ко мне по ночам, в моих кошмарах, повторяющихся ночь за ночью. Перед глазами мелькали лица… перед глазами маячил Майкл Уиллис со своей линейкой.

«Спой- ка нам, малыш Иззи! Давай же! Покажи его нам!»

Я жил, но его голос, доносившийся из детских лет, вскармливал ненависть и жестокость в моей душе. Я был спокойным человеком. Вежливый, образованный библиотекарь. Я улыбался людям, в тот момент, когда моя душа плакала. Я смотрел на детей, на их счастливые улыбки, и вспоминал улыбки тех, кто смеялся надо мной. День за днем, Боб… это тянулось бесконечно… но я держал себя в руках… жизнь в приюте научила меня быть сильнее.

Когда мне было двадцать семь, библиотеку закрыли, а в другую меня никак не хотели брать, и мне пришлось искать себе новую работу. После нескольких месяцев поисков, я стал почтальоном. Мне нравилась эта работа, Боб… честно… я любил ее. Я ходил по городу, слушая любимую музыку. «Пожалуйста, мэм. Ваша утренняя газета», - говорил я старушкам, которые ждали моего прихода. Они улыбались мне и говорили, что я очень хороший человек, и мне это нравилось. Здесь я почувствовал себя самим собой. Здесь, я был нужным. Здесь, я был настоящим…

Близилось Рождество. Я не помню, какой это был год, но, кажется, две тысячи пятый. Да, наверняка… Был вечер. Тихий вечер сочельника. Я заглянул в свой график, и обнаружил в нем незнакомый адрес, по которому еще ни разу не относил, ни писем, ни посылок. Я направился прямиком туда. У меня было прекрасное настроение в тот вечер, Боб… прекрасное… я помню, как мне нравилось смотреть на кружащийся снег, подсвеченный уличными фонарями. В наушниках играла какая-то симфония. Я

не помню, какая именно, но мне очень нравилась классическая музыка. Она была божественной.

Я шел, и снег хрустел под моими ногами. Я был один, Боб, но мне было уютно в моем одиночестве. Мне никто не был нужен, и когда другие люди разделяли вместе со своей семьей праздничный ужин, я просто сидел в своей коморке, зажигал несколько свечей и в тишине съедал свой обычный рацион. И мне было хорошо…

Боб… я не был плохим человеком… да, порой у меня были приступы ярости и агрессии, но во всем Нью-Йорке не нашлось бы ни одного человека, кто мог бы увидеть это. Я сам справлялся со своей бедой, один. Я переживал, плакал и злился, но старался держать себя подальше ото всех, потому что понимал, что люди ничем не заслужили почувствовать мой гнев. Никто из них не был повинен в моем горе, и даже если среди них были те, кто смеялась надо мною в детстве, я любил их. Любил и ценил… каждого, Боб… я любил людей, даже тогда, когда они не любили меня.

Я подошел к назначенному адресу. Это был небольшой частный дом, какие обычно берут в долгосрочный кредит молодые семьи. На первом этаже, за оградой, совсем невысоко от тротуара было окно в гостиную, как я потом выяснил. На улице уже было совсем темно, а из окна струился теплый желтый свет. Я решил заглянуть в него и посмотреть, не оторву ли я хозяев дома от праздника. Я заглянул…

Боб… именно это я и видел в своем сне… я видел воспоминание о прошлой жизни… я не знаю, как такое возможно, и, прошу тебя, не надо мне это объяснять. Это не важно. Важно было другое. Тот мальчик, самый младший, которого во сне я принял за себя, был младшим сыном этого семейства. Когда я стоял у их окна, и на меня опускался снег, он обернулся и посмотрел в окно…

На какой- то момент, Боб… на какой-то маленький момент, мы встретились с ним взглядом. Он смотрел на меня такими добрыми глазами, какими только могут смотреть дети, не знающие, что в жизни есть боль и страдания. Он улыбался, Боб… но улыбался вовсе не так, как скалились другие дети. Он улыбался просто от души, потому что ему так хотелось… потому что именно так, с улыбкой он и воспринимал этот мир.

Никто не обращал на него внимания. Он поднял свою ручку и помахал мне, а я улыбнулся и помахал в ответ…

Боб… даже в этот момент уже было не избежать того, что случилось далее…

Роберт Льюис почувствовал, как ногти впиваются в ладони.

Его глаза, так же, как и глаза самого Иззи, постепенно намокали от слез.

- Я стоял и смотрел на них. Какие они радостные. Четверо детей и старушка, укрытая клетчатым пледом. Все было именно так, как я видел потом во сне. Именно так, Боб. Мать, красивая молодая женщина, по которой и вовсе не скажешь, что она родила четверых, заходила и выходила из комнаты, сервируя стол и заставляя его горячими блюдами и закусками. Когда она исчезала из комнаты, старшие дети то и дело схватывали что-нибудь со стола и старались это проглотить до возвращения матери. Иногда они заставала их за этим, и произносила что-то, чего не было слышно за оконным стеклом. Лишь только маленький мальчик продолжал сидеть и смотреть на меня. Он просто сидел и смотрел, и ему было абсолютно неважно, кто я такой на самом деле. Мне… Боб… мне показалось, что только этот ребенок видит меня насквозь… что только он может принять меня именно такого, какой я есть на самом деле…

Все были в сборе, и не хватало только главы семейства - отца. В какой-то момент мне показалось, что его и вовсе нет, но это было слишком сурово, для этого образца идеальной американской семьи. Отец был, и очень скоро я его увидел…

Майкл Уиллис. Он вошел в комнату, натачивая тонкий разделочный нож. Он был совсем взрослым мужчиной, но я узнал в нем именно те черты, которые запомнил в детстве. Его волосы были точно так же зачесаны назад, а глаза хищно смотрели на запеченных куропаток, как когда-то смотрели на меня самого.

Я не верил своим глазам… спустя столько лет, я встретил того, о ком помнил каждый день. Я отказывался верить в происходящее и думал, что мои собственные глаза стали обманывать меня. Нырнув в свою сумку и посмотрев график, я увидел то, но что поначалу не обратил никакого внимания.

«Уиллис М…» - далее шел адрес. Сомнений не было. Это был он.

В этот момент, Боб… в этот момент что-то щелкнуло во мне. Словно в моем собственном сознании другой Иззи Голдмен взял меня и оставил в сторонку, чтобы я смотрел за тем, что он предпримет. И он предпринял…

Я подошел к двери и позвонил…

- Да, сейчас… - это был его голос. Я слышал эти слова, а память выдавала: «Давай, малыш Иззи, покажи его!»

Я стоял… сжав кулаки, выглядывая из подо лба, я смотрел на входную дверь, и она отварилась.

- Да, что вам угодно? - он не узнал меня.

- Вам посылка, - сказал я. Он даже не смотрел мне в лицо.

Для него я был не более обычного пятна на дороге, на которое наступаешь и продолжаешь идти своим путем.

- Посылка? Мне?

- Майкл Уиллис, верно?

- Да, это я… - сказал он. Я протянул ему небольшой сверток, на котором так же значилось его имя. Удивительно, как я не заметил этого ранее…

- Значит это вам, - он принял посылку и повертел ее в руках.

- Ммм… хорошо… мне надо где-нибудь расписаться?»

- Да… вот здесь… - я протянул ему планшет. Он поставил свою подпись. Пафосную, громкую, с большими буквами М и У.

- Спасибо, - сказал он и принялся закрывать дверь. Я остановил ее рукой. - Я что-то забыл?

- Да… ты забыл…

- Что? - его лицо исказилось. Этот человек не привык к тому, чтобы с ним разговаривали таким тоном.

- Ты забыл меня… Майкл…

- Кто вы?…

- Не узнаешь? - он присмотрелся ко мне.

- Что… Иззи? Иззи Голдмен?

- Да…

- Тот самый Иззи Голдмен?

- Именно он…

- Ну, надо же… - он заулыбался. - Кто бы мог подумать… спустя столько лет… Иззи…

- Рад меня видеть?

- Рад? Что? Ты вообще о чем? - он смеялся. - Постой… постой… не уходи никуда… она должна это видеть… Люси! Люси, посмотри, кто к нам пожаловал…

Она подошла. Люси. Люси Уиллис. Я не помнил ее девичьей фамилии, но прекрасно запомнил ее лицо. Она была среди тех девчонок, что посмеивались надо мной в момент истязательств Майкла. Посмеивалась, когда я лежал на холодном полу со спущенными штанами…

- Кто?… Боже… Боже милостивый…

- Ты узнаешь его?

- Это же… это же Иззи, Майкл! Это же тот самый Иззи Голдмен!

- Представляешь?! Вот уж рождественский сюрприз…

Они стояли и обсуждали меня, как будто меня и вовсе не было рядом. Как будто я был пугалом, над которым все потешались… обсуждали, как будто я вовсе не был человеком.

- Эй, Иззи…

- Да…

- А ты помнишь, как мы подтрунивали тебя?

- Я помню все…

- Эй, малыш Иззи! Спой-ка нам! Спой-ка нам рождественский гимн…

- Перестань, Майкл, - она попыталась остановить его, но как-то неуверенно.

- Да брось… это же весело, верно, малыш Иззи? Это же безумно весело! Давай, спой нам…

- Я не буду петь…

- Что? Будешь… еще как будешь…

- Ты ошибаешься…

- Я никогда не ошибаюсь, малыш Иззи… именно поэтому я здесь, в тепле и уюте, а ты приносишь мне посылки. Это твое место по праву…

- Заткнись…

- Что? Что ты сказал? Кому это ты сказал заткнуться, а, щенок?

- Тебе… я не буду петь… ни для тебя, ни для кого бы то ни было…

- Будешь, сукин сын… ничтожество… пой рождественский гимн! Я приказываю тебе!

Его тон был именно таким, каким я запомнил его с детства. Мне показалось, что Майкл Уиллис изменился, но это был просто повзрослевший мальчишка. Мальчишка, который любил жестокость чуть меньше, чем любил самого себя.

- Пой!

- Нет!

- Пой, я тебе сказал! Не то я тебя проучу!

- Я не буду… - от обиды у меня защемило в душе. По лицу побежали слезы, за которые стало еще более стыдно. Люси смотрела на меня и улыбалась.

- Ах ты тварь… - он схватил меня за воротник и с силой скинул с крыльца. Я больно ударился спиной о плитку, которой была выложена дорожка к его дому. - Проваливай! И не смей больше появляться у меня на глазах, не то я сверну тебе шею, мразь! Пошел вон!…

Это были последние слова, которые Майкл Уиллис сказал своим привычным тоном. Я помню, Боб… я помню, как поднялся на ноги, отряхнул себя от снега, снял с плеча сумку и отложил ее в сторону. Помню, как я сжал кулаки и бросился на дверь, которая оказалась на удивление хлюпкой. В это время на улице уже никого не было, и даже машины не проезжали мимо… никто не видел, как я ворвался в их дом…

Я был взрослым… да, на какой-то миг я себя снова ощутил

тем самым маленьким мальчиком, но это чувство испарилось настолько быстро, что я даже не успел этого заметить. Мои мускулы были сильны, а в моих венах текли ненависть и ярость. Я помню лицо Майкла, когда он увидел меня, ворвавшегося в его хрупкую крепость, зовущуюся домом. Помню, как он что-то сказал, но моя реакция оказалась гораздо проворнее его слов. Я схватил лампу, стоящую на небольшом столике в прихожей, и ударил его, сломал ногу. Он закричал, но кроме меня и его семьи больше никто не услышал его крика: снежная буря за окном была моим союзником, темным мстителем, как и я сам… она поглотила все, что в ту ночь доносилось из дома Майкла Уиллиса.

Я пытал его, Боб… я пытал их всех… избивал их у него на глазах, чтобы он почувствовал ту же боль, которую чувствовал я сам в детстве. Я видел страх в его глазах, и это чувство опьянило меня… в тот момент я уже не понимал, что творю… я наносил удар за ударом, подбегая то к одному, то к другому. Для меня уже было неважно, кто попадает под моя ярость. Мне достаточно было время от времени оглядываться на Майкла и смотреть, как из его красных глаз льются слезы, как его рот искажен болью… мне нравилось смотреть, как он страдает…

Последним…

Боб… последним был тот самый мальчик, которого я видел через окно - младший сын Майкла. Он смотрел на меня непонимающими глазами, но для меня это уже было неважно…

Я сделал это… Боб… я убил их всех… одного за другим, и в тот момент, как последним остался сам Майкл, я подошел к нему, поднял и заставил смотреть на свое детище. Я заставил его смотреть на то, что сделал собственными руками. Руками, которыми никогда прежде не мог сделать боль… но сделал…

Он уже ничего не говорил… он проклинал меня, обещал убить, когда я только приступил к своей мести, но потом… потом у него закончились слова, и он только выл от боли, которая разрывала его сердце точно так же, как когда-то было разорвано мое…

С ним я сделал это медленно… я смотрел на обессилившее тело и понимал, что теперь, когда мои руки были в крови… в детской крови, Боб… я был отмщен…

Я покинул их дом. Цинично выйдя из дома и поправив куртку, я прикрыл входную дверь и поднял с земли свою почтовую сумку. Морозный ветер щекотал мою кожу. Я укутался и двинулся по направлению к дому. В этот вечер я исполнил то, о чем мечтал долгие годы. Я убил его… а перед смертью… перед смертью он видел ту же жестокость, которая переполняла его

самого.

Иззи замолчал. Слезы капали на стол. Роберт смотрел на него дрожащими глазами.

- Я пришел в полицию и сдался спустя несколько дней. Я считал, что мне незачем больше жить, и был абсолютно прав. Я хотел, чтобы меня убили, самым ужасным способом, какой только могли бы найти. Но, как оказалось, нашелся более извращенный и жестокий способ заплатить за свои грехи. Я умер, Боб… умер почти столько же раз, сколько жизней я отнял. Я убийца, Боб… убийца в прошлом… и сейчас… Господи Боже… Боб… я ведь даже не знаю, кто я сейчас такой… удался ли ваш эксперимент, или нет? Смогу ля и сдержать свою ярость, случись это со мной еще раз? Я не знаю… Боб… я не знаю этого…

- Иззи…

- Боб… - Иззи остановил его. Они замолчали…

- Ты не монстр… - раздался слабый детский голос. Они обернулись.

- Кэролайн?…

Она подошла к нему, не обращая на Роберта никакого внимания.

- Ты не монстр, - сказала она, коснувшись его щеки. - Ты сам сказал мне об этом.

- Верно, - сказал Иззи Голдмен, взяв ее на руки. - Я не монстр… больше нет…

Он посмотрел на Льюиса, а тот смотрел на них обоих. Сейчас он понял, почему Иззи привел эту девочку с собой. Он понял многое из прошлого Иззи Голдмена, настоящего и будущего. Он понял, что сейчас перед ним сидел абсолютно другой человек, а не тот, что был несколько столетий назад. Он понял, что хотя бы раз в жизни поступил именно так, как нужно.

Девочка больше ничего не говорила. Она обняла Иззи за шею и закрыла глаза. С ним ей было спокойно.

- Кэролайн… - она обернулась. - Познакомься, этот Боб.

- Привет, Боб, - сказала она и махнула рукой. Он рассмеялся и стер с лица слезы.

- Привет, Кэролайн.

- Ты друг Иззи?

Роберт посмотрел на Голдмена…

- Да, Кэролайн… я друг Иззи…

Еще какое-то время они просто сидел в тишине. Иззи Голдмен чувствовал, как бьется маленькое сердечко Кэролайн. Чувствовал, как отступили ее страхи. Чувствовал, как дает себе обещание, что обязательно защитит ее. Защитит, чего бы это ему не стоило…

Роберт Льюис сейчас думал о многом. Мысли в его голове сменялись одна за другой, но все они были хорошими, и даже то, что Иззи рассказал о своем прошлом, эту историю убийства, тоже было хорошо. Но…

Внезапно, в какой-то едва уловимый момент он почувствовал тревогу…

Что- то было не так…

- На пол! - крикнул он в тот момент, когда в окно влетела дымовая шашка. Раздался хлопок, вслед за которым пронзительно закричала Кэролайн.

* * *

- Мы обнаружили его, сэр. Разведка подтверждает, что объект находится в жилом доме на третьем этаже. Сканирование подтвердило совпадение. Сомнений нет, это именно он.

- Отлично, - ответил Гилмор, который стоял у бронетранспортера.

Он был затянут в боевую униформу штурмовика, и в этом облачении выглядел еще более грозно, чем обычно. Рядом с ним стоял Артур Браун, который внимательно следил за всем происходящим за многочисленными экранами передвижного центра управления.

- Майор Гилмор…

- Да, капрал.

- Нам поступила информация, что помимо объекта в квартире находится еще двое людей.

- Известно, кто они?

- Нет, сэр. Но мы можем точно сказать, что один из них ребенок.

- Ребенок?

- Все верно, сэр.

Гилмор посмотрел на Артура Брауна. Тот уловил этот взгляд, но ничего не произнес. Они слишком много говорили на этот счет, и майор успел понять намерения Брауна. Приоритет - Иззи Голдмен. Все остальные - в расход…

- Сэр… ждем ваших указаний, готовы приступить к штурму.

Гилмор медлил. Браун отнял руку от лица. Его взгляд был тяжелым, а решение неоспоримым.

- Сэр?… - снова раздалось в динамике.

- Приступайте…

- Вас понял. Ну, все, дамочки! Работаем! Группа Браво с тараном заходит с центрального входа. Группа Чарли готовится с

улицы. Используем только тактический гель, никакого огнестрельного оружия. Объект должен быть взят живым и невредимым, все поняли?

- Да, сэр… - динамик заревел несколькими голосами.

- Отлично! - капрал выдержал паузу. - Пускаем дым!

* * *

Комната очень быстро наполнялась густым туманом, от которого слезились глаза.

- Иззи!

- Боб! Что это?!

- Слезоточивый газ! Нас вычислили! Нужно уходить!

Они кашляли. Одной рукой Иззи прикрывал голову Кэролайн, а второй закрывал нос. Роберт нырнул я ящик и вытащил оттуда несколько респираторов.

- Наденьте… и на Кэролайн тоже. Скажите ей, чтобы зажмурилась…

Она кричала. Крики, звон разбитого стекла, громкий хлопок и хаос, царящий вокруг, испугали ее настолько, что она не могла успокоиться.

- Тише… - произнес Иззи ей на ухо. - Тише, моя хорошая. Не бойся. Я тебя защищу…

- Иззи… мне страшно…

- Все будет хорошо… на, надень, - он натянул респиратор ей на лицо. - Только не открывай глазки, слышишь? Не открывай…

- Иззи…

- Не бойся… Боб! Что нам делать?

- За мной! - Льюис бросился к той самой комнате, которая была наполнена обрывками воспоминаний Иззи.

Они забежали, захлопнули дверь. На их счастье, это помещение еще не успело наполниться дымом, и сейчас его тонкая полоска едва различимо стелилась по полу.

- Дверь! - крикнул Роберт.

Иззи среагировал мгновенно. Он поставил Кэролайн на пол, а сам подбежал к шкафу, стоящему возле двери. Надавив, он опрокинул его на бок и тем самым забаррикадировал дверь, и хотя это препятствие выглядело весьма ненадежно, оно придало уверенности, что они еще могут выиграть несколько секунд.

Кэролайн плакала. На ее детском личике плотно сидел белый респиратор.

- Что дальше, Боб?

Льюис растерянно смотрел на стену перед собой. Выхода у

них не было.

- Боб! - он обернулся. - Что нам делать?…

Роберт молчал. Они были в ловушке…

* * *

- Заходим! Вперед, вперед! Пошли!

Группа захвата ворвалась в квартиру одновременно. Одна группа со звоном влетела в окна, другая выломала входную дверь. Лицо каждого бойца закрывал черный противогаз.

- Полиция Нью-Йорка! Всем на пол! На пол!

Бойцы рассредоточились по квартире со скоростью света. В тумане непроницаемой дымовой завесы их встроенные тепловизоры обследовали каждый угол, но так никого и не нашли.

- Браво - чисто!

- Чарли - чисто!

- Рассредоточиться! Они должны быть здесь!

Бойцы обследовали всю квартиру, и тут один из них крикнул:

- Сэр, здесь дверь.

- Так, всем внимание! Установить заряды!

Один из бойцов подбежал к двери и прикрепил к замку небольшой заряд пластиковой взрывчатки.

- Всем в укрытие! По моей команде… три… два… один… давай!

Грянул взрыв. Дверь сорвало с петель, она рухнула на пол. Бойцы ворвались в комнату…

- Полиция! - крикнули они трем растерянным людям, стоящим посреди комнаты. - На пол, быстро! Всем лечь на пол!

Они не подчинялись… не произнесли ни слова… Роберт стоял у стены и смотрел на них испуганными глазами. Осанка Иззи была воинственной, словно волк, готовый броситься в бой. Малышка Кэролайн была у него на руках и прижималась к груди. Левой рукой он бережно удерживал ее голову…

- Быстро! Всем на пол, не то мы откроем огонь!

Они не двигались… капрал помедлил с секунду, а потом приказал своим людям:

- Огонь!…

Они подняли свои винтовки, наполненные тактическим гелем и дали очередь…

Все заряды пролетели сквозь людей и попали в стену, которую тут же обволокло густой зеленой жидкостью…

- Что?… - произнес капрал.

Он аккуратно сделал несколько шагов и попытался дотянуться до Иззи. Его рука прошла насквозь.

- Это голограмма… их здесь нет… Объекта здесь нет, сэр! - крикнул он, прижимая ко рту микрофон.

- Что?! - в наушнике раздался голос Гилмора. - Какого черта у вас там происходит?!

- Объект скрылся, сэр! Они оставили за собой голограмму!

- Черт вас подери, капрал! Найдите их!

- Понял вас, сэр! Центральная, провести сканирование всего здания…

- Сэр… - перебил его один из бойцов и указал рукой ни мигающую красную точку под самым потолком…

- Черт… ловушка… Быстро! Лежать! - крикнул он и вслед за его словами раздался громкий взрыв светошумового заряда.

- А! Ааа! Мои глаза! Я ничего не вижу! - раздались голоса бойцов. Все они, как один, лежали на полу, прикрывая лица руками.

- Капрал!… Капрал… - раздавалось в динамике, но он уже не мог ответить. Боль была слишком пронзительной.

* * *

- Капрал!… Капрал… - кричал Гилмор в микрофон. - Ах, черт!

Он швырнул прибор в сторону, и тот разбился о стальной бок бронетранспортера.

- Что у вас происходит, Гилмор! - спросил подошедший Браун. - Отвечайте!

- Да пошли вы! Закройте пасть и не путайтесь под ногами!

- Что вы себе такое позволяете?!

- Ваш объект смышленый малый! Вы должны были предупредить нас об этом с самого начала, чтобы он не водил нас за нос! Учтите, Браун! Вы несете ответственность за все, что тут происходит, и если мои люди на всю жизнь останутся калеками, это будет ваша вина! Вам ясно?!

Браун молчал. Он просто сверлил глазами майора, но не произнес ни слова.

- А, черт с вами! Я сам с этим разберусь! Центральная, говорит майор Говард Гилмор! Срочно произвести сканирование всего здания и передать результаты мне на планшет! Необходимо как можно скорее обнаружить беглецов!

- Поняла вас, майор. Сканирование завершено, передаю информацию.

- Отлично… - произнес Гилмор, беря в руки автоматическую

винтовку с боевыми патронами. - Я все сделаю сам…

* * *

- Быстрее, Иззи! Быстрее!

- Стараюсь…

- Иззи…

- Не бойся, Кэролайн… я тебя не оставлю… все будет хорошо…

- Мне страшно…

- Я знаю… просто слушай меня, ладно? Слушай меня и все будет в порядке.

Они убегали по вентиляционной шахте, которая была проложена вдоль всего здания. Шахта была довольно узкой, и они с трудом продвигались по ней, пригибаясь пойти до самой земли.

- Что это было, Боб?

- Это был сюрприз, мистер Голдмен…

- К черту такие сюрпризы! Предупреждать о таком надо!

- У меня не было времени… Сейчас это неважно, нам нужно уходить…

- Куда мы идем?

- Эта шахта выведет нас к другому торцу здания, там мы сможем выбраться на дорогу. До рассвета осталось не так уж и много, но мы успеем!

- Успеем что?

- Выбраться незамеченными.

- Незамеченными?! Нас ищет весь город!

- Иззи… почему ты кричишь?

- Прости, малышка… прости меня… Боб… какой у нас план?

- План?…

Он прокручивал сейчас в голове сотни комбинаций, где они могли бы укрыться на время. Его квартира была давно перерыта верх дном, и сейчас наверняка была под наблюдением, поэтому туда возвращаться было нельзя. Но у Льюиса еще был небольшой козырь в рукаве.

- Мы можем скрыться в квартире моего друга. Он живет недалеко отсюда…

- Ты уверен, что он примет у себя беглецов?

- Он мой должник. Думаю, что он не откажет…

- Думаешь? Боб…

- Послушай! - они остановились. - У нас и без того сейчас несладкое положение, поэтому просто постарайтесь довериться мне, как доверялись прежде, и я вас не подведу…

Иззи посмотрел на него. Еще никогда, даже в ту ночь, когда Роберт Льюис разбудил Голдмена для предстоящего побега, он не выглядел таким сильным и уверенным. Сейчас это был не тот хрупкий доктор и очками на переносице. Сейчас это был настоящий мужчина, который прекрасно знал, что и как им нужно делать.

- Прости, Боб…

- Ничего страшного. Как она? - он кивнул на Кэролайн. - Все в порядке?

- Да, она молодец, верно, Кэролайн?

- Да… - ответила она. - Только мне страшно.

- Все будет хорошо… все будет хорошо… - повторял Роберт, продвигаясь вперед. Через несколько секунд они подошли к выходу из шахты. За ним были улицы предрассветного Нью-Йорка.

- Приготовьтесь…

* * *

Он стоял у края дома…

Полиция спугнула его. Спугнула в тот самый момент, когда он готов был ворваться к ним в дом. Ворваться, чтобы выхватить свою принцессу из их цепких лап, но ему не дали такой возможности.

Он стоял под дверью и слушал, как незнакомей рассказывает кому-то долгую историю. Он слушал ее и выжидал нужного момента. Дверь была довольно прочной на вид, но он был уверен, что смог бы ее выломать. Он был уверен в своих силах, а пистолет, который лежал у него за поясом, лишь прибавлял уверенности. Он знал, что у него все получится.

И вот, когда он готов был взять разбег и снести входную дверь, он услышал поднимающиеся голоса. Их было много, и они звучали довольно грозно, а значит, он не смог бы справиться со всеми ими. Он поднялся наверх, прошел по крыше, уклоняясь от назойливых роботов, спустился по пожарной лестнице. Полиция была повсюду, и ему пришлось применить сноровку и смекалку, чтобы они не заметили его. А он шел. Шел вперед.

Он вспомнил, что когда-то бывал в этом районе и теперь предположительно знал… каким-то звериным чутьем знал, где они появятся, и чутье его не обмануло…

В тлеющей темноте отступающей ночи он видел, как из торца здания выбрались три фигуры, среди которых была та, его единственная… он видел ее собственными глазами… она была

так близко…

Вцепившись пальцами в угол здания, он скреб зубами и смотрел, как они уходят в противоположную от него сторону. Смотрел, как эти двое уводят ее с собой…

Когда они прошли чуть дальше и пересекли пустующую проезжую часть, он проследовал за ними. Держась на приличном расстоянии, чтобы они не смогли заметить его, он шел следом, озираясь по сторонам. Полицейские были неподалеку, и их удаляющиеся силуэты то и дело облизывали огни из прожекторов, но никто их не заметил. Они были слишком заняты ловлей, чтобы обратить внимание на каких-то проходимцев. А зря…

Хотя… нет… нет! Не зря! Они сделали бы только хуже! Они забрали бы ее, и тогда он никогда бы не смог найти ее в этом огромном городе. А так… она была рядом, и все, что оставалось, это дождаться нужного момента… просто дождаться нужного момента…

Он шел следом…

* * *

- Уже недалеко…

- Недалеко?

- Да. Нам осталось пройти несколько кварталов, и мы у цели.

Они шли вперед. Иззи по-прежнему держал Кэролайн на руках, потому что она не смогла бы бежать так же быстро. Роберт шел первым, показывая путь и проверяя, нет ли где-нибудь патрульного робота, который отследил бы их и поднял тревогу. Все было чисто.

- Мне не верится, что мы смогли ускользнуть от них…

- Еще слишком рано судить, Иззи. Мы пока далеко не в безопасном месте. Мы прямо у них на ладони, просто держимся в тени, и если бы не ночь, нас бы накрыли в мгновение ока.

- Думаешь?

- Знаю… этот город… полиция… люди стали слишком слабы для того, чтобы принимать экстренные решения и реагировать быстро. Даже специально обученные отряды уже совершенно не те, что были в прошлом. Это общество стало слишком правильным для таких, как мы с вами…

- И я…

- И ты, конечно же, Кэролайн… - сказал он, дотронувшись до ее волос. Солнце еще не взошло, но небо посветлело, и можно было разглядеть черты ее милого лица. Она улыбнулась от этого

прикосновения. - Идемте…

Они пересекли улицу и держались как можно ближе к домам, чтобы быть незаметными. Повернув, они остановились: перед ними был огромный купол того самого океанариума, о котором рассказывал Роберт. Его толстый стеклянный корпус, казалось, был выше всех домов, стоящих поблизости. Сквозь прозрачный стеклянный заслон была видна толща черной океанской воды…

- Это…

- Да, мистер Голдмен… Это новый океанариум. Мы пройдем близко от него, возможно даже сможем увидеть его обитателей.

- Близко от него?

- Верно. Дом моего друга находится в том квартале. Нам надо спешить.

Они двинулись дальше, а заря занималась все сильнее. Казалось, что каждая уходящая минута забирает с собой часть ночной темноты. Это было прекрасно.

Они бежали, и их лица щекотал приятный утренний холодок, подгоняемый слабым ветерком. На секунду… всего на секунду Иззи Голдмен полностью забыл обо всем. О побеге, о своем прошлом, о том, что сейчас его ненавидел целый город, что не было ни одного безопасного места, где его не смогли бы отследить. О том, что малышка Кэролайн всего в пять лет осталась без родителей, и ее судьба еще более туманна, чем его собственная. О том, что Роберт Льюис поставил на карту ничуть не меньше, чем собственную жизнь, карьеру, репутацию… все, что у него было, ради спасения одного человека…

Да… всего на мгновение… он забыл обо всем этом, и наслаждался чудесным утром, которое он впервые в жизни встречал вне замкнутых стен. Он вдыхал этот воздух, наполненный неизвестными, но такими чарующими ароматами, и слушал успокаивающую тишину. Весь город спал, и сейчас он был лишь одним его гостем…

Все это… весь этот мир принадлежал только ему…

Сейчас…

Иззи остановился.

- Иззи?

Он стоял и смотрел на океанариум, восхищался его совершенством. Он видел, как сфера воды светлеет, подсвеченная первыми лучами солнца, восходящего из-за горизонта.

Он вспомнил про китов…

- Иззи…

Так хорошо… так тихо… именно в этом… именно в этих утренних часах этот мир был идеальным…

Слишком идеальным для него…

- Иззи…

Он обернулся. Роберт смотрел на него с интересом. Он смотрел прямо ему в глаза, как они привыкли смотреть друг на друга. Глядя на него, Льюис потихоньку понимал, о чем сейчас думает этот человек. Иззи снова взглянул на океанариум… на то, как же он прекрасен…

- Боб… - он не отрывал глаз. Сделал несколько шагов, остановился посреди проезжей части. Лишь несколько ярдов отделяло его от этой чудесной конструкции. Отсюда он мог увидеть, как в сфере проплыл дельфин… он был уверен, что это было именно дельфин…

- Я… я… - Роберт не мог подобрать нужных слов. Несколько раз он собирался с мыслями, хотел его окликнуть, сказать что-то важное. - Мистер Голдмен… я хочу, чтобы вы знали…

- Боб… - Иззи обернулся, и его глаза тут же расширились от ужаса…

За спиной Роберта стоял высокий человек в черной куртке. В его руках был тяжелый камень…

- Боб! - закричал он. Кэролайн вздрогнула у него на руках.

Роберт не успел ничего почувствовать. Он только заметил, как весь мир в одночасье стал заваливаться на бок. Он упал…

- Бооооб!

- Аааа!!! - завизжала Кэролайн, когда увидела человека рядом с распластавшимся доктором. Это было оно - чудовище. Оно все-таки нашло ее… - Иззи! Иззи!

- Ах ты сволочь! Кэролайн, - сказал он опуская ее на землю. - Встань за мной.

- Нет! Нет! Нет! - кричала она, но тут увидела, как чудовище бросилось к ним. Она развернулась и побежала так быстро, как только могла.

- Кэролайн! - закричал Иззи в тот момент, как незнакомец сбил его с ног.

- Это я сволочь?! Я сволочь! Ты, тварь! Ты трогал мою красавицу…

Он зарычал и ударил Иззи по лицу. Удар вышел очень сильным. Во рту почувствовался солено-сладкий вкус крови.

- Я убью тебя! Убью за то, что ты посмел притронуться к ней! Слышишь?! Я убью тебя, мразь!

Иззи оттолкнул его от себя, и со всей силы ударил в грудь. Удар был слабый, но незнакомца повело в бок. Голдмен воспользовался моментом и скинул его с себя. Поднявшись на ноги, он бросился вслед за Кэролайн, которая уже скрылась в океанариуме.

- Стой! Не смей убегать от меня! Я с тобой еще не закончил! -

кричал ему убийца.

Иззи слышал его. Слышал так же отчетливо, как биение собственного сердца. Но… ему нужно было найти Кэролайн…

Он забежал в центральный вход… на какой-то момент вид огромной водной массы полностью поглотил его. Он отвлекся, но тут же услышал рев позади себя.

Незнакомец подбежал к нему так быстро, как только смог. Вытащив нож, вы бежал с вытянутой вперед рукой, а когда приблизился к Иззи Голдмену, сделал широкий замах. Иззи отскочил, и лезвие прошло в нескольких дюймах от его груди. Незнакомец ударил еще… и еще… и еще… Он бил, стараясь распороть брюхо своему противнику. Его глаза были красными от гнева. В углах его губ выступила белая пена.

- Убью! Я убью тебя! - он кричал и все продолжал нападать на отступающего Иззи.

В какой- то момент он сделал слишком сильный замах и Голдмен воспользовался этим моментом. Заревев, как дикий зверь, он бросился на убийцу и сбил его собственным телом, навалившись сверху. Тот ударился затылком, но, казалось, это только распалило его злобу. Нож вылетел из его руки, и он изо всех сил старался дотянуться до него.

Иззи ударил его и увидел, как из носа незнакомца брызнула кровь, а после этого он ударил его еще раз. Он снова чувствовал мощь в своих руках. Снова чувствовал, как эта сила опьяняет его… и он продолжал бить, но тут…

Получая удар за ударом, незнакомец все-таки смог дотянуться до ножа, и ударил Иззи в бок…

Руки Иззи мгновенно потеряли свою силу. Он почувствовал ужасную боль, словно все его внутренности обдало огнем и теперь они полыхают, как лес в июле. Голдмен упал. Он положил руку туда, где разразилась боль и тут же почувствовал, как она намокла от крови…

- Ха! Я достал тебя! Я достал тебя! Получил?! Я знал, что так оно и будет! Тебе не скрыться от меня! Смотри мне в глаза! Смотри в глаза! - он приставил нож к горлу Иззи. Тот почувствовал, как больно может колоть сталь. - Так будет с каждым… слышишь? С каждым, кто дотронется до моей принцессы…

- Она не твоя, тварь! - проревел Иззи.

- Ах ты… - договорить он не смог… внезапно его голову обдало болью и жаром, а перед глазами замелькали желтые круги…

Он стерпел и обернулся. Роберт стоял, держа в руках тот же камень, которым убийца сам попытался раскроить его череп.

Сейчас…

Иззи оттолкнул нож от своего горла и схватился за руку. Он сработал инстинктивно, переломив руку незнакомца через свою. Раздался едва уловимый тихий хруст, вслед за котором незнакомец заревел от боли. Нож со звоном выпал из его руки. Иззи скинул с себя его тело и поднялся на ноги. Он видел, как этот человек корчится от боли, закатив глаза и проклиная все на свете.

- Я отомщу тебе за это! Я отомщу тебе!

Иззи увидел, как из-за пояса незнакомца торчит пистолетная рукоять. Он выхватил его… пистолет дрожал в его руке, но с такого расстояния он не смог бы промахнуться. Ствол был нацелен прямо в лицо незнакомца…

- Давай! Давай! Убей меня! Ну! Убей! Убей сейчас, не то, клянусь всем на свете, я достану тебя и выпущу тебе кишки!

Иззи положил палец на курок и ощутил, как мягко и плавно он заходит в корпус…

- Иззи…Мистер Голдмен…

- Убей! Убей меня, сволочь! Сделай это!

Иззи прищурил левый глаз и сделал вход…

- Нет!… - крикнул Роберт…

Звук выстрела огласил океанариум, и в темной воде было видно, как бросилась врассыпную стая мелкой рыбешки…

Незнакомец умолк… лежал неподвижно… и лишь его грудь приподнималась под тяжелым дыханием. Его расширенные глаза смотрели на дымящийся пистолет в руке Иззи Голдмен. Пуля попала в пол, всего в дюйме от головы незнакомца…

- Ты… ты промахнулся?… спросил он, но это были его последние слова перед тем, как потерять сознание. Иззи перехватил пистолет за ствол, и со всей силы наотмашь ударил незнакомца по голове. Тот отключился…

- Иззи… - произнес Льюис.

- Боб…

- Почему… почему ты не убил его?

Иззи опустил руку.

- Я ведь не монстр, Боб…

Тот промолчал. Роберту нечего было добавить, пока он не увидел кровь на Иззи.

- Что с тобой?

Боль пришла именно с этими словами.

- Ничего…

- У тебя кровь…

- Боб, это уже не важно…

- Стой… - он кинулся к нему.

- Боб! - они посмотрели друг на друга. - Это уже не важно. Все хорошо… Кэролайн… ты не видел Кэролайн?

- Нет…

- Господи… Кэролайн! - закричал он. - Кэролайн!

- Я здесь… - она высунулась из-за небольшого торгового автомата.

- Все в порядке… ты… ты можешь выходить…

Она не двигалась.

- А чудовище?…

Роберт и Иззи оглянулись на распластанного убийцу.

- Ты можешь больше не бояться его…

Кэролайн бросилась к нему. Он присел, и она обняла его за шею.

- Иззи…

- Все в порядке, малышка… теперь все будет хорошо…

- Иззи…

- Ну, все хорошо…

Он успокаивал ее, но краем уха услышал рев полицейский сирен. Они были уже близко.

Роберт тоже услышал этот звук и обернулся.

- Они нашли нас.

- Верно, - согласился Иззи. - Боб…

Льюис ничего не ответил. Он понял все без лишних слов. Они с Иззи Голдменом слишком хорошо изучили друг друга, чтобы сейчас попросту тратить время.

- Я все сделаю…

- Это хорошо… - Иззи никак не мог оторваться от маленькой девочки, обнимающей его. Он погладил ее по волосам. - Это хорошо, Боб. Кэролайн…

Она отступила чуть назад и посмотрела на него своими ясными глазами.

- Иззи…

- Ты сейчас должна пойти с Бобом…

- Но… я не хочу оставлять тебя…

- Не бойся… со мной… - боль прокатилась по телу ослепляющей волной. - Со мной все в порядке. Я скоро вернусь к вам. Мне просто надо закончить кое-что, и я сразу к вам вернусь. А пока… пока Боб отведет тебя в одно очень интересное место…

Роберт обернулся. Глазами он уже нашел то, что ему было нужно.

- Ты точно вернешься к нам?

- Точно… я буду рядом… я всегда буду рядом, Кэролайн…

- Хорошо…

Он обнял ее так крепко, что, казалось, она сейчас и вовсе

перестанет дышать. Звук сирен был все громче…

- Иззи… - Голдмен открыл глаза и посмотрел на Роберта. - Пора…

- Да…

Он встал, придерживая рукой бок.

- Ты точно решил?

Иззи обернулся, посмотрел куда-то вдаль, а потом снова посмотрел на Роберта. На его лице была чистая улыбка.

- Знаешь, Боб… я думаю, что у всей этой истории должен быть именно такой конец…

- Хорошо… - согласился Роберт. - Спасибо тебе, Иззи. Для меня честь быть твоим другом…

- Хм… ты все-таки научился называть меня по имени…

Они улыбнулись.

- Верно…

Иззи протянул руку.

- И тебе спасибо, Боб… - Роберт пожал ладонь. Это было крепкое дружеское рукопожатие. - Спасибо за все, что ты для меня сделал. Спасибо…

Они отняли руки.

- Кэролайн, идем я покажу тебе одно чудное местечко… - он поднял ее на руки.

В этот момент Иззи увидел, как на глазах Льюиса блестят слезы. Он смотрел на него и улыбался доброй улыбкой, какой не улыбался еще никогда прежде. Он смотрел, как Роберт с Кэролайн отдаляются все дальше и дальше. Внезапно, Льюис остановился, но лишь для того, чтобы в последний раз посмотреть на Иззи Голдмена. Посмотреть на человека, изменившего все…

Сирены смолкли. Иззи видел, как полицейские уже приближаются к океанариуму. Он обернулся и сделал шаг. Первый шаг его последнего пути…

Ступенька… следующая… и еще одна…

Он спускался вниз, придерживаясь одной рукой за поручень, а второй за бок. Его взгляд был прикован к водяной сфере. К тому, как она прекрасна… он спускался и смотрел, как мимо него проплывают красивые рыбы… в какой-то момент, краем глаза он заметил, как слева приближалось что-то поистине большое… Иззи обернулся и увидел кита… самого настоящего огромного кита, который был точь-в-точь таким же, как в его собственных снах…

Он улыбался, когда первые лучи солнца коснулись его глаз… Оно только-только взошло, но было уже таким теплым и ярким, что сердце начинало биться быстрее. Он щурился и смотрел на

красоту, о которой никогда не мечтал, даже в своих самых дерзких фантазиях. Ему казалось, что достаточно только протянуть руку, и можно коснуться этого чуда… и он протянул…

В тот момент, когда Артур Браун вместе с майором Гилмором и его бойцами ворвались в океанариум, Иззи Голдмен сошел с последней ступени.

- Взять этого под стражу, - распорядился Гилмор, указывая на незнакомца, который до сих пор был без сознания, но продолжал дышать.

- Сэр, мы обнаружили объект, - сказал один из бойцов и указал в сторону длинной лестницы, уходящей вниз.

Гилмор и Браун подбежали к перилам. Иззи Голдмен стоял и смотрел на них. Кто-то из отряда приготовился пуститься следом, но Гилмор его остановил.

- Что вы делаете?! - крикнул Браун. Майор оставил его без ответа. - Вы должны немедленно схватить его! Я приказываю вам задержать объект!

Вместо ответа, Говард Гилмор просто кивнул в сторону. Браун обернулся и увидел, что невдалеке от них, в комнате управления океанариумом, за толстым стеклом, стоит Роберт Льюис. Он понял, что тот собирается сделать.

- Что… что он делает?

- Никому не двигаться, - приказал майор. - Всем оставаться на своих местах.

- Какого черта вы творите?

- А вы не понимаете?…

- Вы забываетесь, майор…

Гилмор уже не обращал на него никакого внимания. Он понял, что если они и могли что-то сделать, то уже опоздали, и сейчас нет никакого смысла что-либо предпринимать. Он смотрел на Иззи Голдмена, а тот смотрел на него. Гилмор почувствовал этот взгляд. Он почувствовал в нем силу и свободу…

- Майор, я приказываю вам задержать объект любой ценой… я приказываю вам!

- Я больше не подчиняюсь вашим приказам…

- Что?! Что ты сейчас сказал?

- С меня довольно вашей пустой болтовни, Артур. Больше я вам не подчиняюсь.

- Да пошел ты! Отряд! - выкрикнул Браун. - Я приказываю открыть огонь по Роберту Льюису! Убейте его!

- Огонь не открывать, - сказал Гилмор. - Кто не подчинится, сам лично пристрелю на месте.

- Да что вы такое творите! Я… отдам вас под трибунал! Вы слышите меня! Вы лишитесь всего!

Говард Гилмор еще раз взглянул на Иззи…

- Делайте, что посчитаете нужным, мистер Браун…

* * *

Иззи шел вперед. Шаг за шагом. Он шел и не отрывал глаз от чудесной водной глади, которая простиралась прямо над его головой. На его лице светилась улыбка. Все было кончено. Боль, страдания, бесконечно долгая жизнь… Сейчас это все подошло к концу, и от этой мысли Иззи становилось тепло на душе. Ему было хорошо.

Еще один шаг… Он остановился.

Запрокинув голову, он смотрел, как приятные лучи солнца преломляются в воде, и прекрасные рыбы плещутся в этих лучах, пробуждаясь после долгого ночного сна. Доброго ночного сна. Иззи чувствовал, как сейчас он сам пробудился, и пусть для этого ему понадобилось несколько сотен лет…

Оно того стоило…

Его друг, Роберт Льюис - человек, доказавший, что в этой жизни еще есть то, за что стоит бороться, за что не жалко поставить на кон собственную жизнь - смотрел на него через камеру внутреннего наблюдения. Прямо, как в прежние времена, но сейчас… сейчас он смотрел на него не как на подопытного, не как на убийцу, кем Иззи был в прошлых жизнях. Он смотрел на него, как на человека, и был бесконечно горд за то, что ему посчастливилось быть знакомым с Иззи Голдменом.

Этот человек смог изменить его жизнь…

На руках Роберта, Кэролайн смотрела огромными любопытными глазами на прекрасную сферу океанской воды. Она впервые видела ее, так же, как и впервые в своей жизни смогла почувствовать самое настоящее добро. Она сейчас не думала ни о чем. Смотря на рыб, она просто улыбалась, как может улыбаться счастливый ребенок, которого впереди ожидает много прекрасных и удивительных открытий. Роберт прижал ее покрепче к себе и почувствовал, что сейчас в его жизни появилось то, за что стоит продолжать бороться.

Он был благодарен Иззи за это. Ему даже не хотелось думать о том, что все могло сложиться иначе. Ему претила эта мысль, и он отгонял ее в сторону. Ему приятнее было смотреть на то, как сейчас, в этот самый момент, Иззи Голдмен с восхищением смотрит на то, о чем никогда и не мечтал. Он вспомнил их разговор, там, в прошлом, и он показался ему таким далеким и нереальным, что больше походил на странный сон.

Роберт улыбнулся… по его щеке скатилась счастливая слеза… В этот момент он опустил взгляд вниз и посмотрел на пульт управления. На сенсорном экране он ввел защитный код, и его палец завис над кнопкой «Отключение гравитационного поля»…

Он посмотрел на Иззи…

Голдмен стоял и смотрел, как прямо над его головой проплыл огромный кит, но сейчас, он не уплывал в неизвестную даль. Доплыв до края, он сделал разворот и снова проплыл над Иззи, и тот готов был биться об заклад, что кит смотрел прямо на него…

- Я живой… - сказал он в тот момент, когда Роберт Льюис нажал на кнопку…

Иззи закрыл глаза… он чувствовал, что в следующую секунду его накроет новая неизвестность, и он не знал, что ждет его впереди… но сейчас…

Он не боялся…

Он просто был счастлив…

- Я живой… - шепнули его губы в последний раз…

This file was created

with BookDesigner program

bookdesigner@the-ebook.org

15.08.2013